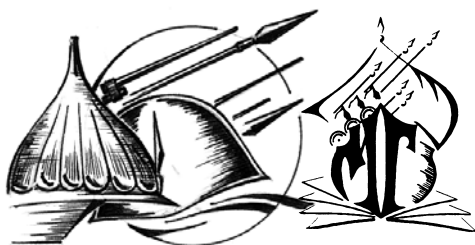

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2017

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ИВАНОВ. Команданте Фидель	3
Александр СКОКОВ. Сумароков. Быль о народном директоре	59
Андрей ФУРСОВ. Оставаться самими собой	153
Тамара ПАНКОВА. Женский взгляд на проблему	183
Галина ЧУДИНОВА. Скорбь и надежды Донбасса	191

ПРОЗА

Владимир КРУПИН. Рассказы	16
Федор ОШЕВНЁВ. Рассказы	93
Василий ВОРОНОВ. Прозаические миниатюры	152

ПОЭЗИЯ

Николай ДЕНИСОВ. Малиновый колокол бьёт. Стихи	53
Татьяна СУРОВЦЕВА. Звезда в черноте польни. Стихи	147
Александр НЕСТРУГИН. Посреди разорённых времён. Стихи	177

Валентина ЕФИМОВСКАЯ. У кромки вражьего огня. Стихи	198
Виктор МОСТОВОЙ. Ладонь Донбасса. Стихи	204

РУССКИЙ МИР

Андрей АНТОНОВ. Российская нация: благо или утопия?	208
Сергей БАРАНОВ. Роль русского народа подменять нельзя	215
Александр ЛОБЫЗОВ. Фактор русской ментальности	221

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. «Первая любовь революции»	226
--	-----

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Хозяин «русской» культуры	238
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Таланты и поклонники	246

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Вадим РЫБИН. О языковой политике государства	251
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила РЯБИЧЕНКО. Содом рвётся в бой	256
Дмитрий АРТЁМОВ. Украина: запущенная болезнь	258
Александр НОТИН. Сирийская тайна	262
Валерий ФИЛИМОНОВ. Авантюра тысячелетия	265

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Валерий ХАТЮШИН. Слово о Передрееве	268
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ. Стихи	272

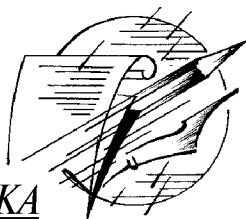
ДОСЬЕ «МГ»

Мария ПОДКОПАЕВА. Кто создал «Исламское государство»?	283
--	-----

КОМАНДАНТЕ ФИДЕЛЬ

«Вычеркнутые 60 лет из истории Кубы!», «Тиран и убийца!», «Вверг кубинцев в нищету и бесправие!», «Поставил мир на грань ядерной войны!», «Развязал Холодную войну в Латинской Америке!», «Демонизировал Америку!», «Фанатик революции!», «Упертый коммунист!», «Сам создал свой культ личности!», «Передал власть брату!» — это лишь некоторые из проклятий в адрес Фиделя Кастро, которые в течение нескольких дней изрыгали бесноватые «эксперты по Латинской Америке» после его смерти. В том числе и в нашей стране. Даже и теперь он не даёт им покоя. Но при всей своей ненависти к Фиделю они лишь слепо копировали клевету Госдепа и ЦРУ, выплеснувшуюся на мир из западных изданий, когда не стало лидера кубинской революции. И ни одно из этих обвинений не является правдивым.

Кастро, конечно же, не развязывал Холодную войну в Западном полушарии — она началась задолго до кубинской революции. С 1945 г. США в рамках этой войны произвели госперевороты в Бразилии (1945), Гаити (1946), Гайяне (1953), Колумбии (1948),

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

организовали вооруженную интервенцию и переворот законно избранного правительства Х.Арбенса в Гватемале (1954) и другие акции против тех латиноамериканцев, которые боролись за национальное и социальное освобождение.

Команданте, безусловно, играл важнейшую роль в Карибском кризисе 1962 г., но мир на грань ядерной войны поставила отнюдь не Куба, а США, которые планировали вторжение на Кубу своих войск, разместили свое ядерное оружие, нацеленное на Советский Союз, в Турции и в Италии — что побудило советское руководство принять ответные меры.

ЦРУ не успокоилось после поражения армии наемников в Заливе Свиней в 1961 г. (совместно с американскими инструкторами и при поддержке авиации США) и разрабатывало планы интервенции американской армии в 1962 г. Планировалось полномасштабное вторжение американских войск с применением средств массового поражения. И эти планы даже не скрывались от советского руководства. Н.Хрущев информировал Ф.Кастро о своей встрече с президентом США Джоном Кеннеди в Вене в июне 1961 г., в ходе которой «американский президент был настроен весьма воинственно и заявил, что американцы решат проблему Кубы точно так же, как Советский Союз решил в 1956 г. венгерскую проблему».

Лишь 21 мая 1962 г., через год после этого, ввиду резкого нарастания угрозы вторжения американцев, состоялось заседание Президиума ЦК КПСС под характерным названием «О помощи Кубе. Как помочь Кубе, чтобы она удержалась».

Было решено активизировать деятельность по защите союзника, заключить договор о совместной обороне и разместить на Кубе ракетно-ядерное оружие. Ракеты были доставлены и установлены на острове в рамках секретной операции «Анадырь». Об этом стало известно руководству США, и оно, по зрелому рассуждению, не решившись начать вторжение на Кубу, было вынуждено сесть за стол переговоров с советскими дипломатами и политиками.

В итоге Карибского кризиса 1962 г. США, в ответ на согласие Советского Союза демонтировать ракеты, давали гарантии отказа от агрессии в отношении Кубы и убрали свое ядерное оружие из Турции. Президент Кеннеди был совершенно прав, когда сказал, что «в глазах любого рационально мыслящего человека, это была вполне справедливая сделка».

Вопреки воплям нынешних российских либералов о «безответственности» советского Политбюро, оно на самом деле продемонстрировало замечательный пример готовности защищать своих союзников до конца, вплоть до применения ядерного оружия. Если бы подобные акции в недавнем про-

шлом были проведены в Ираке или Ливии (а они были вполне логичными в ответ на размещение Пентагоном своего ядерного оружия на территории их европейских союзников), американский империализм не посмел бы начать свои чудовищные агрессии, удалось бы сохранить миллионы жизней, не было бы огромной армии беженцев, захлестнувшей Европу.

Мог ли Кастро сохранить хорошие отношения с США после революции? Он на самом деле искренне желал поддерживать добрососедские отношения. Однако демократические (отнюдь не социалистические!) цели революции, состоящие в достижении национальной независимости, проведении аграрной реформы, ликвидации вопиющего социального неравенства были неприемлемы в глазах Вашингтона. США были готовы пожертвовать Батистой, но с тем условием, чтобы после революции всё оставалось так же, как и прежде. В условиях монокультурной экономики Кубы они считали, что угроза сократить или ликвидировать «сахарную квоту» (обязательства по закупке сахара) может поставить на колени любых радикалов.

Поэтому, когда Кастро нанес первый после революции визит в США в апреле 1959 г., президент Эйзенхауэр не снизошел до встречи с ним, мотивируя тем, что занят игрой в гольф. Кубинскому лидеру позволили выступить в Совете по международным отношениям, где перебивали, кричали, задавали провокационные вопросы, и он был вынужден покинуть заседание. Затем его в частном порядке принял вице-президент Р.Никсон, по впечатлениям которого Фиделя Кастро было «очень трудно заставить мыслить и действовать в нужном направлении».

В итоге уже 10 мая 1959 г. на совещании Совета национальной безопасности США было принято решение о «необходимости смены нынешнего правительства Кубы». И, заметим, это было еще до того, как началась национализация иностранных (американских) предприятий! Директор ЦРУ Аллен Даллес дал команду разработать план государственного переворота на острове, и в конце 1959 г. представил его Эйзенхауэру. В марте 1960 г. этот план был утвержден президентом.

Американская администрация отменила «сахарную квоту», фактически объявив полномасштабную торговую войну Кубе. Экономические трудности и саботаж на иностранных предприятиях побудили революционеров национализировать американские предприятия. Вначале установили контроль над филиалом компании ИТТ, которая монополизировала на Кубе сферу телефонной и телеграфной связи, затем земли, находившиеся в собственности иностранцев (60% было от-

дано в частную собственность крестьян, 40% — государственными имениям и кооперативам). В сентябре 1959 г. была установлена 25%-ная пошлина на вывозимые иностранными предприятиями полезные ископаемые. В июле 1960 г. был принят закон о принудительной экспроприации иностранной собственности. В соответствии с ним позже были национализированы энергетические компании, 36 американских сахарных заводов. Были также национализированы филиалы американских банков. Причем эти акции совершались на возмездной основе — правительство оплатило прежним владельцам их собственность в бонах с гарантией погашения в течение 30 лет.

С мая 1960 г. американские нефтяные компании «ESSO Standard Oil», «Тексако» и британская «British Dutch Shell» объявили о прекращении поставок нефти на Кубу. А с 10 октября 1960 г. власти США установили полное эмбарго на поставки Кубе любых товаров.

Таким образом, для того, чтобы выжить, у кубинского руководства не осталось иной альтернативы, кроме обращения за помощью к Советскому Союзу. А это, в глазах администрации США, еще более укрепило их в мысли о том, что Кастро изначально был «фанатиком-коммунистом».

Когда говорят об американско-кубинских отношениях, чаще всего упоминают экономическую блокаду и неудачную попытку вторжения в Заливе Свиней. Однако подрывные действия начались сразу же после того, как американский ставленник Батиста бежал в США, и продолжаются по нынешнее время.

В 60-е годы по всему острову действовали десятки банд головорезов, обученных инструкторами ЦРУ и десантированных из США. Наряду с кубинцами в них действовали и штатные сотрудники «конторы». Они взрывали и выводили из строя нефтеперерабатывающие предприятия, химические заводы, мосты и железные дороги, поджигали поля сахарного тростника, сахарные заводы и склады, внедряли повсеместно своих шпионов, саботажников и наемных убийц. Делали всё, чтобы нанести максимальный ущерб экономике страны, вызвать разочарование и недовольство граждан, дискредитировать Революцию. Они убивали кубинских военнослужащих, добровольцев гражданской милиции, организовывали нападения на рыболовецкие катера и торговые суда, устраивали взрывы советских кораблей в портах Кубы, нападения на советские военные гарнизоны (68 советских солдат и офицеров похоронены на военном кладбище в Гаване), обстреливали со своих кораблей прибрежные отели, театры и

места развлечений, где собирались кубинцы и иностранцы.

Всеми этими многочисленными вылазками и провокациями руководили сотрудники ЦРУ, которые для ведения подрывной войны создали в Майами свой штаб, который находился вне юрисдикции США, не говоря уже о международном праве. В нем работало несколько сот сотрудников, которые руководили всеми операциями на Кубе, в которых участвовали тысячи агентов и наемников. Бюджет этого «штаба» составлял 50 млн. долл. в год (что по нынешним временам составляет не менее 400 млн.). С американскими СМИ была достигнута договоренность, что деятельность ЦРУ во Флориде вообще не будет освещаться за исключением тех материалов, которые предоставляются самой «конторой».

Рейды американских «коммандос» на остров дополнялись полной торговой и экономической блокадой, продолжающейся по сей день, которая нанесла колоссальный урон экономике — прямой ущерб оценивается международными экспертами в 104 млрд. долларов, а с учетом обесценения доллара, более 900 млрд.! Запрет на торговлю дополнялся драконовскими мерами по отношению к другим странам — все торговые суда любых стран, посетившие кубинские порты, не могли больше никогда (!) заходить в порты США. Те же меры распространялись на финансовую помощь и кредиты — страны, предоставлявшие любые суммы Кубе, лишались права на американскую помощь и получение займов. Дело дошло до того, что после прокатившихся над Кубой в недавнее время ураганов в некоторых городах США благотворительные организации стали собирать одежду для отправки пострадавшим, однако Госдеп отказался предоставить им экспортную лицензию, заявив, что это «противоречит национальным интересам».

Помимо экономического давления на других торговых партнеров Кубы, ЦРУ делало всё, чтобы на Остров поставлялись негодные товары — станки и оборудование с изначальноными поломками, смазочные масла с металлическими опилками, вызывающими быстрый износ машин. Из Западной Германии приходили подшипники со сбитой центровкой, разбалансированные детали и колеса. Один из офицеров ЦРУ, отвечавший за этот саботаж, даже жаловался на большие расходы: «Ведь когда требуешь от производителя выполнить подобный проект, это требует внесения значительных изменений в технологический процесс. Кроме того, поломки могут отразиться на репутации фирмы. Поэтому в каждом подобном случае требовалось платить по несколько сотен тысяч долларов».

Одно из центральных мест в непрекращающейся борьбе США против Кубы занимала и занимает информационная война. В дополнение к гигантскому антикубинскому «мейн-стриму», который охватил своими щупальцами весь земной шар, Вашингтон создал несколько специальных фабрик антикастровской пропаганды. ЦРУ профинансировало создание таких оголтелых изданий в Майами, как «Avan», «El Mundo», «Prensa Libre», «Bohemia», «El Diario de Las Americas». Его усилиями была создана радиостанция AIR, которая через сеть из ста филиалов разносила ложь о Кубе по всей Латинской Америке. Один из главарей кубинской мафии Х. Мас Каносса возглавил в 1981 г. при Рейгане президентский совет по теле- и радиовещанию на Кубу. Радио и ТВ «Марти» при финансовой поддержке ЦРУ непрерывно изливают потоки клеветы на Остров Свободы, начиная с середины 80-х годов. Причем трансляция ведется не только из редакции в Майами, но и посредством специально оборудованных самолетов, барражирующих вблизи Кубы.

Помимо прямых актов агрессии и саботажа, США применяли против Кубы химическое и биологическое оружие. В 1962 г. на британском торговом судне, зафрахтованном Советским Союзом для перевозки кубинского сахара, сломался гребной винт. Для ремонта судно причалило в порт Сан-Хуан (Пуэрто-Рико — остров, имеющий статус «асоциированной территории США»). Пока шли ремонтные работы, сахар сложили на одном из складов. И там агенты ЦРУ заразили его некой отравой, чтобы нанести урон Советам. Слухи об этом появились в местной печати. И, узнав об этом, президент Джон Кеннеди устроил показательный нагоняй «конторе», так как диверсию совершили на американской территории, и это могло стать как нежелательными для США пропагандистскими последствиями, так и прецедентом по использованию химического оружия в Холодной войне. Было решено не отправлять этот сахар в СССР, хотя неизвестно, какое объяснение дали американцы и какую компенсацию заплатили.

Однако подобные случаи, если всё было «шито-крыто», не раз проходили вне «бдительного президентского контроля» и какой-либо критики. Очевидно, что они негласно санкционировались политическими верхами. Один из офицеров ЦРУ, отвечавших за саботаж, отмечал, что «с Кубы отправлялось в другие страны много сахара, и мы очень часто заражали его различными химическими веществами».

В 60-е годы госбезопасность Кубы вскрыла факты заражения иностранными специалистами домашней птицы, выращиваемой на птицефермах. Один из канадских экспер-

тов, работавших на кубинское правительство, сознался, что получил 5 тыс. долларов от агента американской военной разведки за заражение индейек смертельно опасным вирусом болезни Ньюкасла (азиатская чума птиц). Птицеводству острова был нанесен огромный урон.

С конца 60-х годов проводились первые «продвинутые» эксперименты по климатической войне для того, чтобы подорвать на Кубе производство сахарного тростника и привести к коллапсу экономику страны. Самолеты загружались тоннами специального кристаллического порошка, производимого на секретном предприятии ВМФ США в калифорнийской пустыне. По специально разработанным схемам, при разбрасывании этого вещества над дождевыми облаками, идущими в сторону Кубы, ливни обрушивались на районы, где не было полей с сахарным тростником, вызывая там наводнения и гибель людей, а сельскохозяйственные районы в то же самое время страдали от засухи.

В 1971 г. ЦРУ передало кубинским наемникам вирусные препараты, вызывающие африканскую свиную лихорадку. Вспышка этого заболевания на Кубе привела к тому, что пришлось уничтожить 500 тысяч свиней для того, чтобы предотвратить поголовную эпидемию домашних животных.

Все эти случаи задокументированы, и архивные материалы по ним были рассекречены в недавние годы. Так же, как и применение биологического оружия по отношению к людям. В 1981 г. по острову прокатилась лихорадка Денге («костоломная лихорадка»), острое вирусное заболевание, которым переболели 300 тысяч кубинцев. 158 человек погибли, среди них 101 ребенок. Лихорадка была вызвана комарами, которых американские биологи заразили вирусом в специальных лабораториях, расположенных в Джорджии и Флориде, и сбросили с самолетов из контейнеров над территорией острова.

Позже американцы признали, что разрабатывали подобные проекты, начиная с конца 40-х годов. В печально известном исследовательском центре по ведению химической и биологической войны (Форт Детрик, Мэриленд) в конце 60-х годов были отработаны методы использования комаров (типа *Aedes Aegypti*) в качестве переносчиков лихорадки Денге. И затем «протестировали» это оружие на кубинцах. Вполне вероятно, что подобная же акция привела уже в наши дни к вспышке вирусной эпидемии Зика в латиноамериканских странах.

В 1984 г. один из кубинских эмигрантов, совершивших вояж на Кубу, признался, что был завербован агентами ЦРУ и получил от них некую пробирку с «микробами». Его заве-

рили, что после того, как он подбросит ее у одной из советских миссий, заболеют лишь русские специалисты и военные. Однако он был возмущен, что заболели тысячи кубинцев, поэтому выступил с публичным заявлением в американской печати («Я на это не подписывался!»).

Истинные масштабы биологической и химической войны США против Кубы до сих пор неизвестны. Независимые эксперты из ООН и других международных организаций свидетельствовали, что большинство вспышек невиданных доселе эпидемий чумы, лихорадки на острове, нанешие значительный урон людям, домашним животным и сельскохозяйственным угодьям, имели «искусственное происхождение». В 1977 г. ЦРУ нехотя признало, что «в 60-е годы проводило ряд секретных программ и проектов, направленных на ликвидацию и сокращение урожаев сельскохозяйственных культур в ряде стран мира».

То, что ЦРУ никогда не стеснялось применять на Кубе запрещенное по международным конвенциям химическое и биологическое оружие, особенно наглядно проявилось в сотнях покушений на Фиделя Кастро. Среди продукции, разработанной для ликвидации лидера Кубинской Революции в лабораториях ЦРУ и переданной для использования кубинским эмигрантам и американским мафиози, были отравленные ядом сигары, различные продукты питания, специальные химикаты, чтобы Фидель облысел и лишился знаменитой бороды (это должно было, по мнению спецов из Лэнгли, снизить его популярность среди населения), наркотики (которые должны были подсыпаться перед выступлениями и лишить Фиделя его знаменитого красноречия). И это в дополнение к «традиционным» бомбам и стрелковому оружию. Так, один из терактов состоял в том, что бомбардировщик В-26 (естественно, без опознавательных знаков) должен был сбросить многотонную бомбу на бейсбольный стадион, где выступал Команданте. Однако плотный заградительный огонь из зениток заставил самолет вернуться и улететь восвояси.

Подобная охота велась и на других кубинских лидеров — Рауля Кастро и Че Гевару. Последнего обстреляли из гранатомета в декабре 1964 г. в Нью-Йорке, когда он ехал на автомобиле на заседание сессии ООН.

Одним из вопиющих случаев стал подрыв самолета кубинской авиалинии 6 октября 1976 г. Погибло 73 человека, включая целиком всю сборную страны по фехтованию. Недавно рассекреченные документы полностью разоблачают ЦРУ, сотрудники которого, как минимум, знали о готовящемся теракте и не сочли необходимым предупредить кубин-

ские власти. Скорее всего, они же и были его организаторами. Не случайно день, когда венесуэльские власти, арестовавшие руководителя группы террористов Орландо Боша, приговорили его к длительному тюремному заключению, ежегодно отмечается в Майами как «День доктора Боша» под лозунгом «Свободу узнику совести!».

Конечно, после крупнейших поражений 60-х годов кубинская эмиграция немного поутихла. Этому способствовало и то, что многие «бойцы» пополнили ряды одной из самых кровавых мафий в истории США. Кубинская «Корпорация», действующая в Майами, принесла ее бандитам огромные доходы и отвлекла их внимание от Кубы. Однако до сих пор фото эмигрантов, размахивающих оружием и проводящих под руководством инструкторов из ЦРУ тренировки во Флориде и Калифорнии, появляются в американской печати. Их планы вернуть утраченное в годы Революции особенно оживились в те дни, когда Куба с почестями прощалась со своим вождем.

Один из главных «аргументов» ненавистников Фиделя состоит в том, что, мол, кубинцы живут хуже, чем при Батисте. Дескать, в 50-е годы они жили в полтора раза лучше, чем испанцы, а сейчас в Гаване выстроились огромные очереди в испанское посольство из числа желающих туда выехать.

Во-первых, как уже было сказано, кубинцы прожили эти десятилетия в условиях непрекращающейся войны и экономической блокады со стороны самого мощного государства в мире! Более того, почти три десятилетия они существовали в условиях «особого периода», без помощи своего главного союзника — Советского Союза. Российское руководство предало кубинцев и фактически обрекло их на острейшую борьбу за выживание.

Тем не менее даже враги были вынуждены признать успехи планового, социалистического хозяйства на Кубе, которое доказало свою истинную (а не денежную) эффективность в таких экстраординарных условиях.

В начале 60-х годов для того, чтобы снизить популярность Кубинской Революции в странах Латинской Америки, администрация Кеннеди начала широко разрекламированную программу «Союз ради прогресса». В ее рамках предполагалось потратить десятки миллиардов долларов для оказания «помощи» странам Латинской Америки с единственной целью — доказать, что можно добиться роста экономики и повышения уровня жизни, не прибегая к социальным революциям и социализму. К началу 70-х годов программа зачахла и ушла в небытие, но весьма любопытен документ, разработанный по заказу правительства США и опубликованный в

1970 г. фондом «Двадцатое столетие». Его эксперты рассмотрели экономическое развитие стран Латинской Америки за предшествующее десятилетие и пришли к неутешительному для США выводу: «Ближе всех к реализации амбициозных целей «Союза ради прогресса» оказалась Куба, хотя она не получила ни цента из средств, выделенных под эту программу. Ни одна из стран Латинской Америки не смогла добиться таких выдающихся результатов в области здравоохранения и образования. Кубинская централизованная плановая экономика принесла значительно больше выгод и достижений для аграрного и индустриального секторов экономики, нежели рыночная экономика для остальных стран Латинской Америки».

Основную роль в экономике Кубы играет государственный сектор — в него входит банковская система, внешняя торговля, крупные промышленные предприятия, общественный транспорт, сельскохозяйственные кооперативы и предприятия, которые занимают 40% земель. Свободно растет и развивается мелкий и средний бизнес (в сельском хозяйстве, туризме).

Страна из аграрной превратилась в индустриально-аграрную. Растет добывающая промышленность (никель, по запасам которого Куба занимает второе место в мире; кобальт, медь, добыча нефти на шельфе), энергетика, фармацевтическая промышленность. В сельском хозяйстве, помимо сахарного тростника, расширяются плантации кофе, табака и др. Бурно развивается туризм — в 2015 г. остров посетило более 3,5 млн. человек.

При определении уровня развития экономики лукавые либеральные экономисты учитывают лишь средние показатели. И, естественно, сравнивают их не со странами — соседями Кубы, а с США или Европой. И даже при этом рост экономики Кубы был весьма показательным. В настоящее время ВВП на душу населения составляет (в долларах 1990 г.) 7000 долл. в год. А в 1958 г. (в том же эквиваленте) — 4000 тыс. То есть увеличение почти в два раза! Если же сравнить тот же показатель с соседними странами, то контраст еще более разителен. На Гаити, например (при том, что там постоянно находятся американские войска, «гуманитарные миссии», оказывается «экономическая помощь»), ВВП на душу населения составляет всего лишь 879 долл.!

Необходимо также учитывать, что показатель ВВП на душу населения не дает реального представления об уровне жизни. Вот, к примеру, в России нынче ВВП на душу населения — 14 тыс. долларов, то есть выше, чем в СССР. Но если прикинуть, сколько **должно** приходиться на одного че-

ловека — то получается около 80 тыс. руб. в месяц. Кто из нас получает столько, если в столице «приличная» зарплата составляет 20-30 тыс., а во многих регионах РФ — даже 5—7 тысяч?! Так же и на Кубе времен Батисты — 4 тыс. долларов складывались из многомиллионных доходов разжиревших олигархов, доходов мафии, казино, публичных домов Гаваны и нищих, обездоленных жителей «внутренней колонии» сельских регионов и делились экономистами на всех «поровну».

В фактическом выражении ВВП Кубы вырос с 5 млрд. в конце 50-х годов до 80 млрд. в настоящее время, значительно превысив тот же показатель стран-соседей Ямайки (14,3 млрд.), Багам (8,4 млрд.), Гаити (7,7 млрд.).

Весьма важным показателем является прирост населения: на Кубе он составляет 4,7% (в России 0,04%). Продолжительность жизни мужчин — 75,1 года; женщин — 79,8 года (в РФ, соответственно, 65,8 и 76,7 — такие показатели были на Кубе при диктаторе Батисте в 50-х годах).

Детская смертность на Кубе — 5,3 на тысячу — значительно ниже, чем в США (21) и РФ (16 детей на тысячу населения).

Грамотность взрослого населения в настоящее время составляет 100% (до революции четверть взрослых кубинцев в возрасте старше 15 лет были полностью безграмотны).

Пожалуй, самый объективный показатель, который характеризует благополучие страны, — «индекс удовлетворенности жизнью», принятый Организацией Объединенных Наций. Он учитывает не только денежные доходы, но и здоровье граждан, доступ к образованию, оценки различных опросов общественного мнения, социально-экономические достижения.

По этому важнейшему показателю Куба в настоящее время занимает 83-е место (выше Греции, Японии, Португалии, Польши, Венгрии, ЮАР, Турции, Румынии, Эстонии). А Россия, к сожалению, довольствуется в этом рейтинге 167-й строчкой.

Успехи кубинцев достигнуты не только в борьбе с «северным монстром» и негативными последствиями развала стран реального социализма, но и в противоборстве с природными катаклизмами. Огромный урон экономике наносят регулярно прокатывающиеся по острову сильнейшие ураганы. «Густав» и «Айк» в 2008 г. нанесли ущерб, оцениваемый в 11 млрд. долларов. В 2012 г. ураган «Сэнди» разрушил 46 тыс. зданий, вывел из строя телефонную сеть, линии электропередачи.

Но даже на их примере наглядно видны преимущества социализма над капитализмом. Вот, например, 4 октября 2016 г. сильнейший за последнее десятилетие ураган «Мэтью» пронёсся над Кубой, превратив за несколько часов всю восточ-

ную часть в груды развалин, напоминающую фотографии Хиросимы после ядерной бомбардировки. Однако в результате урагана не погиб ни один кубинец. Все были заранее предупреждены прекрасно оснащенной метеорологической службой. Из района потенциальной угрозы были спокойно, без паники эвакуированы 400 тысяч человек (!) и пережидали шторм в надежных убежищах, с хорошим запасом пищи и воды. В считанные недели властям с помощью воинских частей и добровольцев удалось наладить жизнь в пострадавших районах.

Тот же самый ураган нанес огромный ущерб Гаити — и его масштабы до сих пор неизвестны. Погибло более 800 человек, тысячи пострадали, десятки тысяч оказались бездомными без каких-либо перспектив возмещения ущерба. Началась эпидемия холеры и других инфекционных заболеваний. Даже внешний вид пострадавших отличается самым разительным образом. Конечно, кубинцы, лишившиеся своего жилья и имущества, расстроены. Но, несмотря на это, ведут себя достойно, они здоровы, сильны, настроены решительно на преодоление трудностей, благодарны властям за всемерную помощь, знают, что Революция никогда не оставит их без поддержки.

И в противовес им — гаитянцы, на лицах которых легко читается безнадежность, отчаяние, апатия, шок, растерянность, голод и жажда, трагическая изоляция и смерть, наложившая свой отпечаток на их глаза, голоса и души. Нет ничего более трагического, когда в мире ненасытного богатства видишь этих людей, приговоренных к смерти и нищете бандитами с Уолл-стрита.

К гаитянкам на помощь не поспешили ни американцы (фактически оккупирующие страну под предлогом «демократизации»), ни местные власти (марионетки Вашингтона), ни гуманитарные миссии ООН или ЕС — тех стран, которые веками грабили остров и из-за которых Гаити была обречена на нищету.

Откуда же пришла помощь? Первыми гаитянцы увидели участливые и заботливые лица кубинцев! Бригады медиков поспешили на помощь гаитянкам даже невзирая на то, что их собственные родственники и сограждане серьезно пострадали от урагана.

Эта прекрасная черта — самоотверженная братская солидарность и помощь странам и народам, оказавшимся в беде, — стала отличительной чертой Кубинской Революции, начиная с ее триумфа в 1959 году.

Конечно, об этом никогда не напишут западные СМИ, для которых любое оказание искренней, безвозмездной помощи —

просто нонсенс. «Благотворительная» помощь (лазейка для того, чтобы избежать налогообложения) американских и европейских олигархов якобы для оказания помощи гаитянкам, выливается в то, что из нее лишь 1% идет на реальную помощь, а остальное рассовывается по карманам и сейфам различных фондов (среди которых не последнее место занимает фонд четы Клинтонов).

Куба, небольшая по размерам страна «третьего мира», испытывающая огромные трудности, тем не менее совершает потрясающие, вдохновенные подвиги для того, чтобы гарантировать всем своим гражданам базовые права на жизнь, жилье, комфорт, пропитание, уход и материальную поддержку, образование и интеллектуальное развитие, что ставит ее в моральном плане неизмеримо выше паразитирующего на награбленных богатствах, бряцающего оружием, циничного, жадного и лживого «северного соседа». И эти результаты были достигнуты, невзирая на ущерб, причиненный Соединенными Штатами, на отвлечение огромных средств и ресурсов для обеспечения безопасности Кубы от «северного монстра». При этом, в отличие от других стран региона, где свирепствовали военные хунты, где сотни тысяч людей были убиты или «пропали без вести», где кровавую резню учиняли «эскадроны смерти», где пышным цветом расцвело беззаконие, применение самых изощренных пыток по отношению к оппозиционерам, — на Кубе никогда не было всех этих ужасов, благодаря чему она и стала в глазах латиноамериканцев, да и народов других континентов путеводной звездой, ориентиром в их борьбе.

В хитроумных формулировках западной информационной войны получается, что Фидель, как некий «самодержец», вручил скипетр и корону в руки своего родственника. На самом же деле Рауль Кастро был правой рукой Фиделя в партизанском движении, занимал видные посты в революционном правительстве. В ходе демократических выборов он был избран вице-президентом. Поэтому в соответствии с Конституцией, после того, как президент Фидель Кастро в 2006 г. ушел со своего поста по состоянию здоровья, его полномочия законным образом перешли к вице-президенту.

Дела Команданте Кастро останутся в благодарной памяти миллиардов людей планеты. А многие его мечты ещё предстоит воплотить в жизнь кубинскому народу.

РАССКАЗЫ

«СОКОЛ»

Потерял ручку — велика ли потеря по нынешним временам, да и цена рублевая, а жалко, привязалась. Вечная ей память, пишу новой, еще холодной в руке, обтекаемой, как щуренок, ручкой типа «дипломат».

Так и бывает — к чему привыкнешь, то и жалко, вот уж воистину — у потерянного кинжала всегда золотая ручка. Или: не радуйся — нашел, не тужи — потерял. А мама всегда советовала думать так при потерях, что, значит, от чего-то откупился, что мог потерять большее. Сразу вспоминается у Твардовского: «Потерял боец кисет, запекался, нет и нет...» Или трагическая потеря Тарасом Бульбой трубки. «Стой, выпала люлька, не хочу, чтоб досталась чертовым ляхам».

Думая о вещах, окружающих меня, я легко представляю потерю многих из них. Вспоминая опыт жизни в этой части, в части нашего времени, я вспоминаю Аннушку, веселую, ясную лицом старушку нищенку. Она всегда приговаривала так: «Мне если какая вещь на дню

ПРОЗА

три раза не понадобится, то я ее и выкину». И вся поклажа ее была — холщовый мешочек, в котором был хлеб, луковица, смена белья, кружка и ложка.

Я поднял глаза и посмотрел па вещи вокруг. Да, много их. А вот некоторые было бы жаль. Жаль было бы вот этот приёмушечек «Сокол». Сколько ему лет, не знаю, но много. Много радости принес он. Особенно когда я жил один, где-нибудь в деревенском доме. Бедный «Сокол» прошел такие испытания, что вряд ли бы вынесла другая техника. К чужой дворняжке так не относятся, как я к нему относился — забывал одного в доме, и он зимовал в морозе и сырости, лежал, бывало, под дождем, батареечки из него я не доставал, а выдирали из паутины и ржавчины, впихивал другие, любые. Если не влезали в гнездо, приматывал сбоку, и «Сокол» работал. Зимой, растапливая печь, доставал его из-под перемерзшей подушки и включал. И он работал. Первое время, пока отогревалось в нем сердчишко, работал плохо, особенно простуженно хрипели певички, потом налаживался. Сколько опер, арий, романсов, песен подарил он мне. Работал безотказно, качаясь на трех могучих волнах Всесоюзного радио.

Но однажды с ним был случай, осенью 70-го. Я жил в дачном домике у знакомых в Подмоскowie и ходил в лес. Брал и «Сокол» с собой. Ставил на пенек, сам садился на другой и чего-нибудь вырезал; а приемник выключал или включал в зависимости от качества передач. Уже начинало смеркаться. И вдруг приемник громко, на весь лес произнес: «Говорит Пекин, говорит Пекин!» И после этого было передано сообщение о смерти Мао Цзэдуна. Каково? Видимо, китайская радиостанция по случаю смерти вождя употребила для передачи сверхмощную энергию.

Больше таких штук мой «Сокол» не выкидывал.

Дождь идет за окном. На плите чайник шумит. По приёмничку русская музыка.

А на могилу Аннушки до сих пор ходят.

ВАСЯ, ОТБРОСЬ КОСТЫЛИ

Рожденный в эпоху культа личности, Вася Заремба возрастал при волюнтаризме, а начинал озираться по сторонам во времена застоя. Дивно ли, что Вася вроде и не жил, а все готовился жить. Брошенный отцом, забытый матерью, Вася кое-как учился, чашки за собой не мыл, постель не убирал, любил жвачку, развлечения и американско-японское кино о деньгах, разврате и драках. Из школы Васю еле-еле вытащили за волосы, ибо было обязательное среднее образование.

До армии Вася слонялся по компаниям, рассказывал анекдоты, научился красиво сплевывать, а в армии служил так, чтобы все знали:

Васе ничего нельзя поручить, кроме дежурства на кухне и работы на складах — вещевых, продовольственных и горюче-смазочных материалов. На складах Вася прошел школу жизни. Он усвоил три правила: во-первых, под боком у начальства всегда бардак, во-вторых, надо уметь попадаться начальству на глаза, в-третьих, надо уметь пить и не надо болтать. А уж что и куда толкаешь, какие тюки и вагоны, какие канистры — это твое личное дело.

Вася остался на сверхсрочную. Это было очень по нему: еда и одежда, проезд и всё остальное — не его забота. И с квартирой решилось, так как Вася женился на капитанской дочке. Женидьба была и по любви, и по расчету.

По пословице про веревочку, которая вьется, но до поры до времени, Вася попался. И попался-то глупо: списал десять кубометров леса на забор вокруг части. Кто-то случайно посмотрел, а забор-то бетонный. Ох и горевал потом Вася, что случилось это не при Ельцине. Вася бы и бетонный вывез.

Пошел Вася служить в милицию. Там пасться было очень можно. Тесть-капитан к этому времени стал тестем-полковником и содействовал. Но вот штука: жена прапорщика — это одно, а жена, которая полковничья дочь, — это другое. Ее одеть нужно, ее нужно на курорт отправить, ей нужно гостей принять по-человечески, ей надо и в гости сходить. Тебе принесли подарок, и ты тоже носи. Эту же вазу, которую подарили и все видели, ее же не понесешь, люстру носи. А люстру поди купи. А у полковничьей дочери друзья не какая-то шпана сверхсрочная, они хрусталь от стекла как-нибудь отличают, и фарфор от глины отличают, и ковер люберецкий от цыганского тоже. Но при Васином умении списывать новую технику в старую, а потом продавать ее опять за новую прихоти жены он преодолевал. Да и сам, в общем, был уже давно не такой сибирский валенок, каким начинал, уже успел полюбить двух гитаристов-певцов, Высоцкого и Окуджаву, потом, по ходу жизни, разлюбил, их органически вытеснили группы «Лесоповал» и «Дюна», так что жил Вася наполненно. Только вот в отпуск не любил уходить. Не из-за рьяности к работе, а из-за того, что домой ничего не нес. И от этого уснуть не мог. И он как придумал: перед сном закидывал свою фуражку к соседу во двор, потом украдкой лазил за нею — и уж тогда, счастливый, засыпал.

Но как ни возрастало Васино умение жить, попался Вася и в милиции. Он, как он выражался, прокачивал, продавливал очередную партию «уазиков». Он их реализнул своему началь-

нику, а Васины хлопцы их сперли. Начальник дело размотал, но чтоб скандала не было, Васю не мочил, в ментовку не сдавал, а просто из органов попёр. И как не попереть — сам начальник в Прибалтику цветной металл прокачивал.

А тесть уже тем временем генерал, а жена Васи к тому времени — генеральская дочь. Определился Вася в пожарники, осмотрелся. О, да и тут не все со шлангами да с лестницами бегают, не все дымами дышат, тут тылы есть, тут фуражку не надо в чужой двор кидать, есть чем заняться. К тому времени у Васи и армейских, и милицейских соратников накопилось изрядно. Вася их делил по сортам. Одни надыбывали, где, в какое место чего натаскано-наворовано, другие поджигали разными научными методами, например химической смесью, третьи ехали пожар тушить, а имущество спасали в свои машины. Приезжал и Вася, писал протокол. Скребя в затылке, сочинял причину: от неисправной проводки, от небрежного обращения с газом, от курения в постели в такой-то стадии опьянения или, для разнообразия: причина выясняется.

Но вот невезуха — и тут Вася сгорел. Сгорел, когда в пожаре сгорели люди. Они и раньше горели, но тут двое спаслись и узрели, что пожарные тащат то, что уже утащено. От великой радости, что живы, и от великого огорчения, что у них воруют наворованное, эти погорельцы настучали на Васю. Вася пробовал их заткнуть, подмазать, но затычка и подмазка очень намного превышала стоимость нарядов генеральской дочери, и Вася ушел по собственному желанию.

«Но работать все равно не буду!» — твердо сказал себе Вася. Тут, на Васино счастье, состоялся август 91-го. Пошел Вася на игрушечные баррикады защищать демократию, вернулся пьяный и с банкой ветчины. Но он ее там не крал, ее там даром давали.

Очень были рады демократии Васины кореша — воры армейские, воры милицейские и воры пожарные. Вышли из подполья и воры-торгаши. Все они ходили по митингам и драли глотки за демократов. Очень нравились Васе и его компании крики всяких новозадворских о том, что коммунистов надо вешать. Естественно, что и Вася, и дружки были до роспуска компартии в ней, но теперь оказалось, что они были самые настоящие герои, ибо они специально были плохими коммунистами, чтобы подрывать партию изнутри, а вот были и хорошие, честные коммунисты — вот их и надо вешать.

Воровать стало вольготно. Воровали в открытую, только одно досаждало — стрельба. Вот, например, кто-то много укредет, а другой меньше, ему и обидно. Он выпьет, да и давай стрелять. Но Вася был осторожен. Жена его уж и не знала, в

какую бы еще страну съездить, на каком бы еще пляже полежать. Она даже и Васю выучила выговаривать слово «Копакабана». А вот папаша ее уже ничего не выговорил: не выдержали его легкие воздуха свободы, задохнулся генерал, лег в гроб в своем полном обмундировании, которое с него к ночи сняли и на Арбате продали.

В генеральской квартире стали жить, а свою сдавать за валюту. Вроде бы живи и радуйся, но жена, как старуха из сказки о рыбаке и рыбке, все была недовольна.

— Сволочь какая, — говорила она подругам о муже, — ничего не умеет.

— Как это так ничего? — возражали ей. — Да у тебя всего с краями. У нас и на стенах того нет, что у тебя на полу.

— Барахло-то и дурак наташит, — отвечала на это Васина жена, — я не о том, я о том, что у него руки не оттуда растут. Ничего не умеет, гад ползучий. Тесто раскатывает — толсто, стирать начнет — наволочки рвет. Борщ варит — свеклу крупно нашинкует, ну не сволочь? А пол моет — только грязь развезет, такая свинья. А гладить придется — на блузке одни морщины. Поживи с таким!

— А ты сама? — осмеливались спросить подруги.

— Когда мне, — возмущалась жена, — я встаю к обеду, пока причешусь, уже вечер, пора в гости. Когда мне? Не-ет, пусть Васька хоть наизнанку вывернется, но что-то делает...

Вася не был бы Васей, если б не нашел выход. Он привел в дом служанку. Служанка нравилась Васе как женщина, а Васиной жене нравилось, что у нее еще, кроме мужа, появилось, на кого кричать.

Для этой служанки, которая для удобства жизни стала его любовницей, Вася снял квартиру. И очень полюбил суточные наряды. Ночевал, естественно, у служанки. Жаловался ей на жизнь и на жену, служанка жалела Васю и тоже говорила о трудностях.

Содержать жену и любовницу было сложновато, но при Васиных талантах к махинациям сложности он преодолевал. Вася вообще человек был не жадный. Если купит жене перстень, то и любовнице тоже купит.

После дежурства Вася шагал домой, где уже шипел на него сиамский кот, а в бассейне передвигались рыбки, шевеля водоросли.

Детей своих (ведь были же у Васи и дети) они с женой отправили в Америку, в которой дети так и остались, даже выучили английский для всех, а русский забыли. Когда они один раз вернулись, то с Васей на русском не разговаривали, а английского он не знал. Но мама их, жена Васина, видимо,

знала, они же с нею как-то договорились. Договорились до чего? Или о чем? А о том, что вскоре она тайком от Васи продала две квартиры, свою и папашину, две дачи, две машины, перевернула рубли в драгоценности, сложила их в сумочку, сумочку повесила на шею, напоила Васю и...

И утром он проснулся, услышав в коридоре стук кованых сапог, в квартиру вошли люди, лишенные эмоций, в змеиной зелено-желтой форме, символизирующей единение желтого рубля и зеленого доллара, в ней, в форме, было бы удобно ползать по джунглям. Сейчас они поползли по просторам квартиры, сверяясь с обстановкой и со списком в руках. Обозрев и отметив галочками (ковры, хрусталь, мебель), заглянув в бассейн, отопнув ногой сиамского кота, люди в форме убедились, что все соответствует, но что в квартире есть что-то лишнее, которое в списках не значилось. Это лишнее был Вася. Васю выкинули. Как? Да вот так: взяли и выкинули. Причём это же не была какая-то шушера, это был народ при исполнении, звали их гавриками, по имени их начальника Гавриила.

Стал Вася очень бедный. Показали дружки Васе кукиш. Пошел Вася к подругам, они не все показали кукиш. Одна накормила один раз, другая, новая русская (кстати, бывшая служанка), даже выпить дала, даже предложила дачу охранять. Отправился Вася на просторы дачного пространства и там запил, что при его положении очень естественно. А тут новая русская с проверкой. А Вася лежит в борозде, причем не в позе, удобной для прополки, а в позе для просушки организма. Когда новая русская сюда же приплюсовала частичное опустошение винных запасов, убыль солений и копчений да еще услышала крик из-за бетонной ограды: «Васька, гад, где похмелка?» — то в результате такой арифметики Вася был разбужен, в дом больше не впущен, из дому был вынесен пиджак с проверенными карманами, и Васе было указано на выход.

И пошел Вася, палимый солнцем демократии и провожаемый лаем старой собаки новых русских. А ведь, сволочь такую, еще утром кормил тушенкой.

Стал Вася бомжем. Жил, скитался по вокзалам и чердакам. На хлеб и пиво собирал бутылки, всяко шакалил. От мебельных магазинов гнали: там была еще та мафия, да и не те уже были мышцы, чтобы комоды таранить. Гнали и от пивных: тоже своя клиентура. Как и в винно-водочных.

Зацепился Вася за оптовиков-книжников. Получал от них товар — всякие книжки в цветных обложках — и продавал по пригородным поездом. Велели говорить фразу, что в электричке книги в три раза дешевле, чем на лотках. Я его услышал, когда ехал с Ярославского вокзала до Сергиева Посада:

— Впервые на русском языке!

В вагоне почти никого не было, подвыпивший Вася подсел ко мне и разговорился про свою историю жизни.

— Хорошо, — спросил я, — вот ты всю жизнь воровал, не работал, а дальше что?

— Дальше мне подыхать, — отвечал Вася Заремба. Мы подъезжали к Сергиеву Посаду. Вася шел на обратную электричку, а мне, вроде как в благодарность за его рассказ, пришлось купить роман. Я даже в него заглянул, перед тем как выкинуть, наткнулся на такое место: «...надевая на вечер новый скафандр, Эола наконец решила сказать Джону, чтобы он не играл более на бирже на повышение инвестиций компании Пьера, ведь Пьер связан с Джуди, а она опасна. «О Пьер», — думала Эола...»

Думал ли я, прощаясь, что скоро еще увижу Васю. Дело было уже после октября девяносто третьего года. В субботу пришел ко мне сосед и принялся переключать программы телевидения. И вот — он не даст соврать — по трем, я повторяю: по трем программам вещали заезжие проповедники. Все бритые, все англоязычные.

— Выключи, — сказал я соседу, — не оскверняй квартиру их кваканьем. — И вдруг... и вдруг увидел... Васю. Вася на экране телевизора сидел в кресле. — Стоп, оставь!

Мы вслушались. Оказывается, пастор, по фамилии, кажется, Шуллер, обещал, что сейчас вот этот больной всю жизнь (это Вася-то всю жизнь?), сидящий в кресле, встанет. Произойдет чудо исцеления. И если еще и после этого зрители (дело было в каком-то кинотеатре), если еще и после этого зрители не поверят в адвентистов, или баптистов, или евангелистов, или там мормонов, я не запомнил, то Шуллер даст руку на отсечение.

Женщины в годах, все в белых платьях, стоящие сзади Шуллера, спели какую-то песню. Васю подкатили поближе, и Шуллер закричал на него через переводчицу:

— Ты исцелен, ты исцелен! Милость Божия снизошла на тебя! Вставай!

Вася силился встать, но, видно, не мог. Шуллер делал над его головой движения руками, вроде тех, что совершают разные чумовые джуны.

— Встань и иди!

В общем, Вася встал. Вначале изобразил, что ему трудно, потом пошатался, сделал шаг, другой, третий. Шуллер неистовствовал, орал в микрофон, зал хлопал. Крупным планом показали подсадную (плачущую) утку.

Долго ли, коротко ли, опять я встретил Васю всё в той же электричке, идущей к Сергиеву Посаду. Вася вновь торговал.

— Ну, Вася, — сказал я вместо приветствия, — видел я, видел, как ты на врагов России работаешь. Что ж ты, уж совсем одичал, не видишь, что всё это жулье и шпана, все эти билли грэмы, всякие фин-дифигли, всех их у себя давно не слушают, они сюда подрядились ездить и здесь пакостить.

— Шпана, это точно, — отвечал Вася, — я их изнутри изучил, а из-за этого телевидения я заработка лишился. Как теперь по гастролям ездить, когда кто-нибудь меня видел?

— А вы гастролеровали?

— Круглосуточно! Везде зеленый свет. Эти волокут с собой всякую технику, видеки, радиотелефоны для подарков, залы снимают. Они же меня на улице подобрали. Ты только часть видел, у нас же там еще он садится в каталку, а я его сзади толкаю, вроде как окончательно исцелил. А то с костылями выходил. Он пошаманит, пошаманит, руками помашет, кричит через переводчицу: брось костыли, брось! Я отбрасывал. Жрать захочешь, отбросишь. Ты ж видишь, — Вася показал на бесчисленные надписи на бесконечных заборах вдоль железной дороги. В надписях кратко излагалось народное отношение к демократическому строю. — Свобода, — сказал Вася, понурясь, — ори что хошь, но все равно подыхай.

— Ну, на гастролях-то ты, думаю, пожил.

— О! — Вася поднял голову. — Отдельное купе, ужин в купе. Меня до сеанса нельзя светить, прячут. Я там у них много чего приватизировал. Удобно компьютеры воровать: маленькие. Но тоже почти бесполезно, кому они сейчас нужны? Вся цена — пузырек.

— Вася, — спросил я, — а ты крещеный?

— Не знаю.

— А эти, баптисты или как их... свидетели Иеговы тебя окрестили?

— Нет. Я и не хотел. Уж больно какой-то цирк, несерьезно. Вообще, я хотел их изнутри взорвать. Думаю, вот вывезут, вот надо показать чудо исцеления, а я возьму и не исцелюсь. Вот, думаю, вы попляшете. А опять как подумаю, что деньги дают, кормят, можно чего и оприходовать, тогда думаю: надо исцеляться. А ты как думал! — Вася и не спросил, а как бы за меня ответил: — А то я сунулся к Белому дому в октябре, дорожка знакомая, думаю, подхарчусь, думал, как в августе девяносто первого, будут поить. А там не то чтоб кормить, там по морде получил, да еще от своего, от бывшего. Вместе воровали. Меня лупят, вижу знакомого красноперка (ментов же красноперками зовут, по цвету петлиц), кричу: «Витька!» А Витька как неродной, а его дубинники меня лупят. Тут пойдешь на арену. Но чего ж теперь: со мной расстались, не успел я им навредить.

— Давай, — предложил я, — в Сергиевом Посаде выйдем — и в лавру к преподобному Сергию.

— Я еще не созрел, — отвечал Вася, — я еще где-то на подходе. Тут дорога такая, я ж вижу, непростая. Тут бывает, что едут старухи и не присядут, ходят сквозь электричку, от хвоста до головы. Я спрашиваю, чего не сидится, говорят: надо бы, по правилам, идти в Лавру пешком, а тут хоть так. Я созреваю. Я еще, может, и литературу буду продавать религиозную.

— И когда ты созреешь?

— А вот еще раз встретимся, тогда.

И ведь встретились же мы с Васей, встретились. Да еще как! Я сижу в электричке, читаю. По проходу идет женщина-книгоноша и так четко, уверенно сообщает, что у нее книги дешевле, чем на лотках и в магазинах, в два раза, а за нею идет Вася, который ничего не рекламирует. Увидел меня, обрадовался, как родному!

— Жена! — радостно представил мне Вася женщину. — Американка!

И что же оказалось? А оказалось всё так просто, что даже долго и нечего рассказывать. Жена Васи, бросив его, фактически обокрав, улетела к детям, а там дети, воспитанные передовой цивилизацией Америки, обчистили ее. Она вложила деньги и драгоценности в их дела и... стала лишней. Ее под предлогом устройства американо-российских связей их фирм посадили на самолет, дали адрес, куда ей надо прийти, и помахали рукой. Она пришла по адресу, но там не только фирмы, но и адреса этого нет. Вот и вся история.

Вася увидел жену, когда и она и он сдавали бутылки в приемном пункте.

Утешать супругов мне не пришлось, оба они враз говорили. Что так им и надо, что богатство их было нечестное, что оно и детям в пользу не пойдет. Детей вот жалко.

— А внуки, — заплакала женщина, — уже ни слова порусски.

— Но как иначе, — защитил их Вася, — они же новые русские.

На прощание Вася с гордостью сказал мне, что носит крестик на груди, что жена тоже носит, что живут они из милости у ее бывшей подруги.

— И у твоей тоже?

— Нет, у другой. А та-то с дачей и дочерью куда-то пропала. Я ездил, там теперь какие-то новые с Кавказа. И собака другая. Ничего, даст Бог, встанем. Я еще думаю, может, в компартию поступлю. Ты за кого будешь голосовать? Это же надо, до чего довели богатейшую страну.

Жена позвала Васю. Они ушли дальше.

Может, еще и встречу их когда. Может, и из вас кто встретит, они по электричкам Ярославского вокзала ходят. По тем, которые идут на Сергиев Посад.

МАРУСИНЫ ПЛАТКИ

Эта старуха всегда ходила в наш храм, а как вышла на пенсию, то стала быть в храме с утра до вечера. «Чего ей тут не быть, — говорили про нее другие старухи, которые тоже помогали в службе и уборке, — живет одинёшенька; чем одной куковать, лучше на людях». Так говорили еще и оттого, что от старухи много терпели. Она до пенсии работала на заводе инструментальщицей. У нее в инструменталке была чистота, как в операционной. Слесари, токари, фрезеровщики хоть и ругали старуху за то, что требует сдавать инструмент, чтоб был лучше нового, но понимали, что им повезло, не как в других цехах, где инструменты лежали в куче, тупились, быстро ломались.

Такие же образцовые порядки старуха завела в храме. Ее участок, правый придел, сверкал. Вот она бы им и ограничивалась. Но нет, она проникала и на другие участки. Она никого не корила за плохую работу. Она просто пережидала всех, потом, оставшись одна, перемышляла и перетирала за своих товарок. Даже и староста не смела поторопить старуху. Только сторож имел на нее управу, он начинал греметь старинным кованым засовом и сообщал, что луна взошла. Другие старухи утром приходили, конечно, расстраивались, что за них убирала, но объясниться со старухой не смели. Конечно, они в следующий раз старались сильнее, но все равно, как у старухи, у них не получалось: кто уже был слаб, кто домой торопился, кто просто не привык стараться, как она.

У старухи был свой специальный ящичек. Это ей по старой дружбе кто-то из слесарей сделал по ее заказу. Из легкой жести, но прочный, с отделениями для целых свечей, для их остатков, отделение для тряпочек, отделение для щёточек и скребков, отделение для порошков и соды.

Видимо, этого ящичка боялись пылинки, они не смели сесть на оклады икон, на деревянную позолоченную резьбу иконостаса, на подоконники: чего и садиться, все равно погибать. И хоть и прозвали старуху вредной, но то, что наша церковь блестела, лучилась отражением чистых стекол, сияла медовым теплым светом иконостаса, мерцала искорками солнца, отраженного от резьбы окладов, — в этом, конечно, была заслуга старухи.

Но вредной старуху считали не только соратницы, а и прихожане. К ним старуха относилась как к подчиненным, как старшина к новобранцам. Если в день службы было еще и отпевание, старуха выходила к тем, кто привез покойника, и по пунктам наставляла, как внести гроб, где развернуться, где стоять родственникам, когда зажигать свечи, когда выносить... То же и венчание. Крестили не в ее приделе, хотя и туда старуха бросала зоркие, пронзительные взгляды. Иногда, если какой младенец, сопротивляясь, по грехам родителей, орал особенно безутешно, старуха считала себя вправе вторгнуться на сопредельную территорию и утешить младенца. И в самом деле, то ли младенец пугался ее сурового вида, то ли она знала какое слово, но дитёнок умолкал и успокаивался на неловких руках впервые зашедшего в церковь крестного отца.

Старуха знала наизусть все службы. «Ты, матушка, у меня не просто верующая, ты профессионально верующая», — говорил ей наш настоятель отец Михаил.

— А почему ты, — сурово вопрошала старуха, — почему на проскомидии не успеваешь читать поминания?

— Матушка, — вздыхал отец Михаил, — с благодарностью и смирением принимаю упрек, но посмотри, сколько записок.

— Раньше вставай, — сурово отвечала старуха. — А то чешешь, чешешь, людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и иже с ним. Чего это за имя — «иже с ним»? У тебя-то небось имя полное — отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал. — Она крестилась.

— Прости, матушка, — терпеливо говорил отец Михаил.

— Бог простит, — сурово отвечала вредная старуха. Во время службы, когда выносилось для чтения Святое Евангелие и раздавалось: «Вонмем!» — старуха окаменевала. Но могла и ткнуть в бок того, кто шевелился или тем более разговаривал. Стоящая за свечным ящиком Варвара Николаевна тоже опасалась старухи и не продавала свечи, не принимала записок во время пения «Херувимской», «Символа веры», «Отче наш», «Милость миру». Она бы и без старухи не работала в это время, но тут получалось, что она как бы под контролем.

Прихожан старуха муштровала, как унтер-офицер. Для нее не было разницы, давно или недавно ходит человек в церковь. Если видела, что свечи передают левой рукой, прямо в руку вцеплялась, на ходу свечу перехватывала и шипела: «Правой, правой рукой передавай, правой!» И хотя отец Ми-

хаил объяснял ей, что нигде в Уставах Церкви не сказано о таком правиле, что и левую руку Господь сотворил, старуха была непреклонна. «Ах, матушка, матушка, — сетовал отец Михаил, — у тебя ревность не по разуму».

Когда старуха дежурила у праздничной иконы или у мощей преподобномучеников, или у плащаницы, то очереди молящихся стояли чинно и благолепно. Когда, по мнению старухи, кто-то что-то делал не так, она всем своим видом показывала этому человеку всё его недостойнство. Особенно нетерпима была старуха ко вновь приходящим в храм, к молодежи. Женщин с непокрытыми головами она просто вытесняла, выжимала на паперть, а уж тех, кто заскакивал в брюках или короткой юбке, она ненавидела и срамила. «Вы куда пришли? — неистово шептала она. — На какую дискотеку? Вы в какие это гости явились, что даже зачехлиться не можете, а?!»

А уж намазанных, наштукатуренных женщин старуха готова была просто убить. Она очень одобрила отца Михаила, когда он, преподавая крест для целования по окончании службы, даже отдернул его от женщины с яркой толстой косметикой на лице и губах. «Этих актерок, — говорила старуха, — убить, а ко кресту не допускать».

А еще мы всегда вспоминаем, как старуха укротила и обратила в веру православную одного бизнесмена. Он подъехал на двух больших серых машинах («цвета мокрого асфальта», говорили знающие), вошел в храм в своем длинном кожаном пальто с белым шарфом, шляпу, правда, снял. Вошел таким начальником, так свысока посмотрел на всех нас. А служба уже кончилась, прихожане расходились.

— Где святой отец? — резко и громко сказал незнакомец. — Позовите.

— Какой святой отец? — первой нашлась старуха. — Ты нас с католиками не путай. У нас батюшка, отец Михаил.

Отец Михаил, сняв в алтаре облачение, шел оттуда в своей серой старенькой рясочке. Незнакомец картинным жестом извлек пачку заклеенных купюр и, как подачку, протянул ее отцу Михаилу.

— Держи, святой отец!

— Простите, не приму. — Отец Михаил поклонился и пошел к свечному ящику.

Оторопевший незнакомец так и стоял с пачкой посреди храма. Первой нашлась старуха.

— Дай сюда, — сказала она и взяла пачку денег себе.

— Тебе-то зачем? — опомнился незнакомец. — Тут много.

— Гробы нынче, милый, дорогие, гробы. На гроб себе беру. И тебя буду поминать, свечки за тебя ставить. Ты-то ведь

небось немощный, недокормленный, до церкви не дойдешь, вот за тебя и поставлю. Тебя как поминать? Имя какое?

— Анвар, — проговорил незнакомец.

— Это некрещеное имя, — сурово сказала старуха. — Я тебя буду Андреем поминать. Андреем будешь, запомни. В Андрея крестись.

Крестился или нет, переменял имя или нет этот бизнесмен, мы не знаем. Знаем только, что деньги эти старуха рассовала по кружкам для пожертвований. Потом отец Михаил, улыбаясь, вспоминал: «Отмыла старуха деньги демократа».

Непрерывно впадая в грехи осуждения, старуха сама по себе была на удивление самоукорительна, питалась хлебушком да картошкой, в праздники старалась сесть с краю, старалась угадать не за стол, а на кухню, чтоб стряпать и подавать. Когда к отцу Михаилу приходили нужные люди и их приходилось угощать, старуха это понимала, не осуждала, но терпела так выразительно, что у отца Михаила кусок в рот не лез, когда старуха приносила с кухни и брякала на стол очередное кушанье.

Был и еще грех у старухи, грех гордости своей внучкой. Внучка жила в другом городе, но к старухе приезжала и в церковь ходила. Она была студентка. Помогала старухе выбивать коврики, зимой отскребать паперть, а летом... а летом не выходила из ограда: они обе очень любили цветы.

Церковный двор у нас всегда благоухал. Может, еще и от этого любили у нас крестить, что вокруг церкви стояли удобные широкие скамьи, на которых перепеленывали младенцев, а над скамейками цвели розовые и белые кусты неизвестных названий, летали крупные добрые шмели.

На Пасху к нам приезжал архиерей. Конечно, он знал нашу строгую старуху и после службы, когда на прощание благословлял, то сказал старухе, улыбаясь: «Хочу тебя задобрить» — и одарил старуху нарядным платком, на котором золотой краской был изображен православный храм и надпись: «Бог нам прибежище и сила». Именно такими платками уже одаривал старух отец Михаил, но мы увидели, как обрадовалась старуха архиерейскому подарку, и поняли — свой платок она отдаст внучке.

И вот ведь что случилось. Случилось то, что приехала внучка, примерила платок перед зеркалом, поблагодарила, а потом сказала:

— А я, бабушка, в наш храм больше не пойду.

— Почему? — изумилась старуха. Она поняла, что внучка говорит о том храме, в городе, где училась.

— А потому. Я так долго уговаривала подругу пойти в церковь, наконец уговорила. Не могла же я ее сразу снарядить.

Пошла, и то спасибо: она из такой тяжелой семьи — отец и братья какие-то торгаши, она вся в золоте, смотреть противно. А я еще тем более была рада, что к нам в город американский десант высадился, пасторы всякие, протестанты, баптисты...

— Я бы их грязной шваброй!

— Слушай дальше. Они заманивали на свои встречи. Говорят: напишете по-английски сочинение и к нам поедете в гости. И не ввали. Подруга написала — она ж английский с репетиторами, — написала и съездила. Ей потом посылка за посылкой всякой литературы. Тут я говорю: «Людка, ты живи как хочешь, но в церковь ты можешь со мной пойти для сравнения?» Пошли. И вот, представляешь, там на нас такая змея выскочила, зашипела на Людку:

«Ты куда прешься, ты почему не в чулках?» А Людка была в коротких гольфах. Ты подумай, баб, прямо вытолкала, и всё. Людка потом ни в какую. Говорит, в Америке хоть в купальнике приди, и ничего. И как я ее ни уговаривала, больше не пошла.

— В купальнике... — пробормотала старуха. И заходила по комнате, не зная, что сказать. Ведь она слушала внучку, и будто огнем ее обжигало, будто она про себя слушала, будто себя со стороны увидала. А она-то, она-то, скольких она-то отбила от Божьего храма! «Господи, Господи, — шептала старуха, — как же Ты, Господи, не вразумил меня, как терпел такую дуру проклятую?»

Внучка пошла по делам, а старуха бросилась на колени перед иконами и возопила:

— Прости меня, Господи, неразумную, прости многогрешную!

И вспомнилось старухе, как плакали от нее другие уборщицы, от ее немых, но явных упреков, ведь которые были ее и постарше, и слабее, а Богу старались, как могли, потрудиться, а она их вводила в страдания. Старуха представила, как ее любимую внучку изгоняют из храма, и прямо-таки вся залилась слезами.

А она-то, она-то! Да ведь старуха как в какое зеркало на себя посмотрела! Были, были в ее жизни случаи, когда она так же шипела, как змея, — прости, Господи, — на молоденьких девчонок в коротких юбках или простоволосых. Где вот они теперь, миленькие, кто их захороводил?

И вспомнила старуха, как однажды, в престольный праздник, прибежала в храм и бросилась на колени перед распятием женщина и как старуха резко вцепилась ей в плечо: «Разве же встают в праздник на колени?» — и как женщина, об-

рашая к ней залитое светлыми слезами лицо, торопливо говорила: «Матушка, ведь сын, сын из армии вернулся, сын!»

А как однажды она осудила женщину, другую уже, за то, что та уходила из храма после «Херувимской». И как эта женщина виновато говорила ей: «Свекор при смерти».

А как она осуждала товарок за то, что уносят домой принесённые в храм хлеб и печенье. Конечно, их всегда им раздавали, но старуха осуждала, что берут помногу. А может, они соседям бедным несли или нищим, сейчас же столько нищеты...

— Боже, Боже, прости меня, неразумную, — шептала старуха. А больше всего ей вспоминалось одно событие из детства. Было ей лет десять, она позавидовала подругам, что у них пальто с воротниками, а у нее просто матерчатое. И пристала к отцу. А отец возьми да и скажи: «Надо воротник, так возьми и отнеси скорняку кота». Был у них кот, большой, красивый, рыжий, в лису. И вот она взяла этого кота и понесла. И хоть бы что, понесла. Кот только мигал и шурился. Скорняк пощипал его за шерсть на лбу, на шее, на спинке, сказал: «Оставляй». И был у нее красивый воротник, лучше всех в классе.

— Ой, не отмолиться, ой, не отмолиться! — стонала старуха.

К вечеру внучка отваживалась с нею, давала сердечные капли, кутала ноги ее в старую шаль, читала по просьбе старухи Псалтырь.

И с той поры нашу старуху как перевернуло. Она упросила внучку привезти на следующие каникулы подругу, вместе с ними оставалась после службы на уборку, и уже не было такого, чтоб кто-то терпел от нее упреков или укоризны.

А еще вот что сделала старуха. У нее была хорошая белая ткань с пестренькими цветочками — ситец. Хранила его старуха на свою смерть. А тут она выкроила из ткани десяток головных платков разной величины, принесла в церковь, отдала Варваре Николаевне за свечной ящик. И когда какая женщина или девушка приходила в наш храм с непокрытой головой, та же старуха просила ее надеть платок.

А звали нашу старуху тетя Маруся. И платочки ее с тех пор так и зовут — тети Марусины.

КРЫША ТЕЧЕТ

Старинный двухэтажный дом старинного села на старинном тракте. Еще мощные стены, потолочные перекрытия, помнящие столыпинские времена. Вот крыша плоха, крыша течет. Я живу на первом этаже — мне меньше достается осадков, а на верхних льется с избытком. Но они, я заметил, не

очень-то горюют. Живут весело. Там их, на втором этаже, три женщины. Про одну, с двумя ребяташками, сказать ничего плохого не могу, а две другие круглосуточно в вихре удовольствий. Одна вроде разведена, другая вроде с Кавказа, Гуля и Виктория, вот они, вернее, их клиенты, доставляют мне много неприятностей. Главная неприятность — шум и ругань. Нашествие пьяной мужской части человечества усиливается к ночи, нарастает к полуночи, стихает к утру, утихает до полудня, возобновляется с обеда. Столько мужичков в иную пивную не ходят. Под окном забор. Некоторые посетители второго этажа бодаются с ним. Бодаются с переменным успехом. То забор валит мужичка, то мужичок — забор. По пьянке один парень ввалился ко мне. Покрутил головой, осознал, что попал не туда, но фасон держал.

— Вы старовер? — сурово спросил он.

— Нет, православный.

— Дайте пять рублей. Лучше десять.

Я отдал, но не понял, за что плачу: за то, что я не старовер? Или за то, что православный? Другой орёл, может, уже по наводке первого пришел, постарался сесть прямо и сообщил, что много кой-чего знает. «Про Афган, имею в виду. Учти — это совсекретная информация». Ничего из совсекретности я не узнал, но узнал, что он желает продолжения праздника.

Вскоре со мной перестали церемониться. Врывались и хрипели:

— Не дай помереть! (То есть выдай сумму.)

Умение состричь с меня нужную сумму бывало иногда изысканным. Не всегда же по нахалке просили. Вот взять Аркашу: всё умеет — плотничать, плясать, но главное — выпить. Моих лет, но рядом поставить — я выгляжу стариком, а его до сих пор жена ревнует. Не знаю, может, напрасно, может, нет, но я о том, как Аркаша утонченно извлекает из моего кармана средства.

Вот я приехал, еще и бумаги не разложил, Аркаша сидит. Ничего не просит, только очень-очень сокрушается:

— Ёк-макарёк, что б тебе было вчера приехать, а? Аль по года задержала, аль другую любишь ты? Вчера не мог никак приехать, а?

— Значит, не мог. — И спрашиваю неосторожно: — А что вчера?

— Вчера, только вчера, — восклицает Аркаша, — я отдал ведро черники за бутылку! Ведро! Хотя бы кто подсказал литра бы два тебе оставить. Я ж дурак — и башка трещит, и черники нет. Оно бы, Николаич, твое было, оно же для тебя предназначалось, это ж черника! Я Нине говорю: Нин, вот бы

Николаичу это ведро, съел бы — сразу бы без очков газету читал. Это ж черника! Да-а!

Аркаша так убивается, что я понимаю, что должен как-то уменьшить его страдания. Получается, что я должен Аркаше бутылку. Одну, всего одну за целое ведро. Аркаша приходит через несколько дней и спрашивает, когда я уезжаю.

— Завтра? Точно? Обязательно надо? Конечно, дела. А остаться никак не можешь?

— Нет.

— Жаль! — почти радостно восклицает Аркаша. — Ведь у меня послезавтра будет ведро черники, тебе б за бутылку отдал. Это ж черника — царская ягода. Ведро за бутылку где купишь? Разве в Москве купишь ведро за бутылку?

— Смотри какая бутылка, смотри какое ведро.

Аркаша смеется, шутка моя кажется ему очень остроумной. Ему смешно, а я опять ему должен бутылку. В самом деле, почему я уезжаю завтра, ведь послезавтра у Аркаши именно для меня будет целое ведро. Приходится платить. Уезжаю без черники, но все-таки хоть Аркаше ничего не должен. Он, пьяненький, провожает меня, поет:

«Ребят всех в армию забрали, хулиганов, настала очередь моя. Мамаша в обморок упала с печки на пол, сестра сметану пролила».

— Николаич, приезжай за брусникой! — И пытается плясать.

Когда я приезжаю осенью, история повторяется: никакой брусники нет. Но была вчера. Я же виноват, почему ж вчера не приехал. И грибов нет. Но будут. «Не уезжай ты, мой голубчик», — говорит Аркаша, и я исправно плачу ему за такое усердие в деле добывания для меня лесных даров. А Аркаша, оказывается, и стихи для меня сочинил: «У лукоморья дуб спилили, златую цепь большевики пропили, на kota уж кандалы надели, в зоопарк свели, а сами к лешему пошли».

Не всякий поэт отважится выступить в соавторстве с Пушкиным. Как не вознаградить такую отвагу?

Да, но домик наш старинный содрогается от грохотания пьяных ног по лестнице, от биения кулаками в двери, иногда не в те, от нечленораздельной громкой речи, в которой воспоминание о матерях — основное. Интересно, что когда весь день играют под окном или в коридоре ребятишки, это мне не только не мешает, но и настраивает на работу, а этот пьяный шум расстраивает.

Но вот, чтоб не сглазить, третий день в доме тихо. Сижу, гляжу, как темнеют от короткого дождя и быстро сохнут тротуары, как возится под березой неугомонный песик Тоттош-

ка, как тихо и умиротворенно колышутся ветви, — так хорошо! А всё кому спасибо? Спасибо Татьяне, Тане-капустихе, как она в шутку про себя сказала. Уж не знаю, надолго ли, но посетителей второго этажа она отвела.

Пришла она, кстати, тоже не просто чаю попить, ей надо было добавить к имеющейся сумме еще сумму. Но не тягостную для меня. Таня охотно согласилась выпить чаю и объяснила, что им с мужем надо поправить здоровье после отмечания дня рождения бабушки.

— Гулина Мария Самсоновна. Мне вместо матери. Мать у меня всю жизнь по тюрьмам. Сидела за аборт. Попалась за такой бизнес. Я вам скажу версию, вы поймете: семимесячный аборт — это же убийство. На семь лет. Отец был, но молодой же, охота попить-погулять. Сапожник. Звали Вася-капустик. Остались с бабушкой: я — полтора года, братики — шесть и восемь. Да-а, мать загремела. А та-то сама просила. Нагуляла, некуда деваться, три дня у нас лежала. Не она, родные подали в суд. Они-то, вишь, хотели ребенка. Чей бы бык ни прыгал — телята наши. И мы остались с бабушкой. Бабушка на свою зарплату, она была санитаркой в морге, какая там у нее зарплата — минималка, а нас подняла. Садимся чай пить: вот вам по конфетке, по печенюшке. Мы растягиваем их, понимаем, что такое конфета. Братики начали подрабатывать, жили рядом с базаром. Кому чего поднести. Но ни в жизнь не воровали. Честно! Ходили рыбачить, продавали. Опять рубль или два бабушке несут. Я посуду мыла, пол, крыльцо мела. Жили вчетвером на тринадцати метрах. Семь лет кантовались, по-русски сказать. Мать пришла, привезла кучу денег, газету, там про нее — передовик труда. Меня снарядила в первый класс, одела как куклу. «Таня, я не шлюха, не вор, я честно заработала». Так одела, что я боялась на стул сесть, платье измять.

Таня вздохнула. Я еще ей налил чашку.

— Полгода, полгодика с мамочкой, косы заплетала, бантики гладила, полгода. Опять к ней пришли, просят. Не смогла какая-то стерпеть, подставилась, в больницу боится. И тут — аборт со смертельным исходом. Снова семь лет. Когда второй раз вернулась, мне уж было пятнадцать.

Тут над нами раздались звуки пьяной разборки. Таня встрепенулась:

— Опять они! Ну!..

— Татьяна!

— Я не матерюсь. Никогда. Я молитвы читаю. Читаю «Отче наш» и свои: «Мать Пресвятая Богородица, помоги и спаси», «Господи Всемогуший, дай мне хлеб насущный». И

есть всегда на хлеб. Но эти же другого языка не понимают. А мой поймут.

— Вообще, Татьяна, может, они не думают, что ругаются. Достоевский говорил, что у русских сквернословие есть, а скверномыслия нет.

— У них ничего нет, у них одно.

Звуки разборки усилились. Таня отодвинула чашку и решительно шагнула за порог. Наверное, так шли добровольцы на врага. Я шагнул за ней. Она уже резко считала ступеньки, резко и громко стала материть стоящую там мужскую компанию. Но нет, я неверно сказал — не материла, но так она их полоскала, не упоминая имени матери, что я изумился. Увы, это непечатно. Пусть цензуры и нет, но есть же чувство белого листа. Как его очернить руганью? Я понял, что мне подниматься не следует, ибо после Таниного выступления наступила тишина.

Таня вернулась, я налил ей еще чашку. Очень довольная, она позволила себе взять дольку шоколада и сказала:

— Крыша у них течет, так кобелями сверху прикрываются.

— И много их там?

— У этих-то? А сколько вытерпят, — хладнокровно ответила Таня и продолжала про бабушку.

Я же с изумлением ощущал тишину в доме.

— Бабушка, конечно, выпивала, но, конечно, они выпивали не как мы. Берут красенького одну, их четыре старушки, еще два старичка-инвалида, вынесут во двор стол, во главе тетя Валя с балалайкой. Выпьют по стопочке, и тетя Валя — пошла на балалайке! Мы же вчера-то в честь дня рождения бабушки собрались. Детишкам мороженое, печенье, нам чего другое. Муж закалымил сто двадцать: «Иди, Таня, за вином». Сидим, я любимую бабушкину запела «Ой, мороз-мороз», вот как сейчас спою. — Таня спела куплет. — Спела, муж говорит: «Дак ниче, песню не испортила, не орешь во всю глотку, — говорит. — Ак допой давай». А-а, говорю, захотелось — допой. Еще была у бабушки, — Таня запела: «Вот кто-то с горочки спустился». — Муж говорит: «Ак, Тань, голос-то у тебя хороший». Я говорю: а чего ему плохому быть, я ведь его не пропила, не проорала, я ведь женщина, должна меньше пить. Женщина, — сказала Таня назидательно, — за столом не присядет, постоянно в движении, принести-унести, кому закурить подать. А я сильная. Я вес чувствую, а тяжести не чувствую, я сегодня гроб с одной стороны одна подняла. С другой — двое мужчин. Со стороны ног легче: в головах мысли, а в ногах одна беготня. Я больше своего веса

поднимаю. У меня одни мышцы. Я могу и литр, и два за ночь выпить и опять бегу работать. Женщинам меня не перепить. Только надо покушать. Суп, колбасу, консервы. Пью не залпом, не галопом. Выпила, поставила, закуски, разговоры, потом опять. С промежутками пьешь — и всё в том же состоянии, что вот сейчас и с вами сижу.

— Слушай, Таня, я так тебе благодарен, ведь сидим-то в тишине, ведь замолчали.

— А вы, если что, зовите. Их надо так вразумлять. Я перекрещусь, в три этажа загну, сразу, блин, понимают. Знаешь ведь, чем дальше лес, тем толще партизаны. Это присказенька такая.

В тишине я жил и следующий день. Осторожно ходил в магазин, на реку, зорко смотрел вперед и по сторонам, не притаился ли в зарослях уличных деревьев и кустарников, как щука в осоке, Аркаша. Нет, видно, куда-то уехал. Подстрег меня не он, а другой мужчина.

— К вам посоветовали обратиться, говорят, иди, он сообщает.

— В чем я сообщаю?

— Как с женой поступить.

— Ой нет, в этом я не сообщаю.

— Да у меня просто. У меня сахар еся, мука еся, огород еся, поросенок еся... чего ей надо?

— Не хочет быть крестьянкой, хочет быть столбовою дворянкой?

— Этого не замечал. Всё же еся. Ну не люблю я ее, ну и что? А ей вынь да положь какую-то любовь. Мука же еся, какая ей любовь?

— Женщине, — сказал я, — не только муки и сахару надо, а чтоб любовь была еся.

Вернулся домой. На крыльце дамы со второго этажа. Трезвые, виноватые, прилично одетые.

— Ну что, красавицы, не надо больше звать Татьяну Васильевну?

Они как-то смущенно похихикали и сообщили, что едут в деревню.

— Принудительно? Добровольно?

— Ну, если кто придет, скажите, чтоб больше не приходили, — стали поручать мне дамы.

— Нет, я на это не гожусь, — сказался я. — Я Татьяну позову.

Они опять похихикали. На том и расстались.

К вечеру началась гроза. Далекое, слабо озвученные молнии неслись параллельно линии горизонта, тут же их сверху

вниз перечеркивали другие, словно десница Всемогущего крестила темное нашествие туч с запада. Гроза подошла вместе с ливнем, молния уже не отделяла свой высверк от удара грома, всё покорствовало стихии, деревья свежели, мокли, темнели, песчаная дорога набухла и запенилась, мальвы и георгины в палисадниках кланялись до земли.

И тут же, еще не отдождилось, встала радуга. Такая четкая, широкая, как в детстве на коробке цветных карандашей. Она будто показала, какое там, в потустороннем мире, сияние, будто ее специально выпустили в щелочку неба, как солнечный лучик в темницу, для утешения и ободрения.

А ближе к ночи начались тихие, безмолвные зарницы. Они были с другой стороны уходящей грозы, тянулись за ней. И гром, рождаемый молнией, что-то говорил зарнице, но ревнивая молния уводила его к востоку.

Как горько, как отраднo пахнут осенние флоксы, как безропотно вянут отцветающие гладиолусы, и пчелы торопятся в последний раз навестить их.

Золото лугов, мелеющая река, тихие голоса светлых родников, серебристые ивы над мокрой тропинкой, неугомное шевеление и щебетание растущих птенцов. В небе — парящий крест чайки. А выше — облака, облака, за ними — небесная твердь. А за ней — вечное золотое сияние всех цветов радуги.

Ночью на темном небе молодой месяц, будто начали промывать небесную твердь и уже процарапали золотую запяную. Как же хорошо жить, и за что нам, таким скверным по плоти и духу, дана такая радость?

НА СТАРОСТИ ЛЕТ

Писатель, и очень известный, полюбил. Лучше сказать, увлёкся. Но увлёкся крепко. И хотя отлично, при его-то опыте, понимал, что «не стоит она безумной муки», но, но и но...

Приезжал в Москву, жил у нас. Мы всегда были рады ему, но у меня с ним одно не сходилось: я не мог сидеть ночью, слабел, разговор не поддерживал, а он как раз ночью бродил, зато назавтра валялся до полудня.

Сидит, роется в своих сумках, ищет лекарства и громко (он ещё глуховат) рассуждает:

— Московские умные шлюхи насилуют знаменитых провинциалов. Готовься писать рассказ о том, как старый, нет, лучше, в возрасте, человек выдумывает себе утеху и, конечно, обманывается. Но! — поднимает палец, — отметь то, что любит он сильнее, чем та, что — важная деталь — сама при-

знаётся ему в страстной любви. Он любит сильнее и надёжнее. Думает о ней ежечасно и! полагает, что и она также думает. Серьёзно думает. Это его идеализм. — Шарит и шарит по сумкам. — Рассказ назови «Вечерний разговор о... например, о Скотте Фитцджеральде». Но рассказ о другом. Читатели это любят. Ей надоело уже моё присутствие в мире. Она сейчас, конечно, утешается с другим. А чего я ищу?

— Лекарство ты ищешь.

— Да. Но я его уже нашел. Я ищу носки.

— Прими лекарство, а то опять потеряешь.

— А носки где?

— Я тебе свои дам. Больше ничего умного не говори, а то я спать хочу.

— А лекарство-то где? Ты же не бросишь человека, не принявшего лекарства? Представляешь, ко мне вернулось состояние, что сидишь где-то в людях, что-то говоришь, а думаешь о ней. Ты ложись, ложись, а я посижу, напишу письмо, пока душа полощется. Пусть она изменят, я буду любить. Любить и лелеять любовь. Душа потом отблагодарит. Подожди, я же книгу ищу. А, нашёл носки.

Уходит в ванную, стирает носки, поёт:

— Лебединая песня пропе-ета-а, но живёт ещё э-э-хо любви. — Выходит из ванны: — Как? Эхо живёт. А эхо живёт?

— Ну, пока звучит.

— Красивость это или нормально?

— Ну, если живёт, конечно, нормально. Хотя вообще всё это у тебя с ней ненормально.

— Но меня недолюбили! — восклицает он. — Отца не было, мать на работе, девчонок боялся. Одиночество полное! От одиночества стал писателем.

— Так одиночество для писателя это норма. Без него ничего не напишешь. Я ж тоже всё время рвусь в деревню.

— Это поверхностное — бег от семьи в деревню, или там на дачу. Временное уединение. Нет, когда одиночество глубокое, постоянное, настоящее...

— Значит, ещё лучше напишешь.

— Как ты жесток! Занавес ещё только поднят, а ты уже убиваешь. — Опять начинает что-то переключать в сумках. — Пиши: в семнадцать лет он ещё был хорош, пел песни и разыгрывал из себя знаменитого актёра, похотливого старичка, который любил ничтожных актёрок. Читал искусственным голосом Толстого и Пушкина: «Барышня, платок потеряли!» «А Катюша всё бежала и бежала...» Он не знал жизни всех этих мерзавок, которые его обманывали. Хм-хм! Голос прочищаю. «Я всё твержу: я нежно так, я нежно так, тут

повтор, нежно та-ак тебя люблю-у». Тут снова надо спеть повтор. Она меня хотела якобы только увидеть. «Ах, вот вы какой, ах, я прочла ваше ожидание любви, я поняла, что это обо мне, и вот я и пришла». О, радость, муза в гости! А получилось вот что. Запиши: нельзя быть копией жизни. Литература это самостоятельная выдуманная жизнь, которая навязывает настоящей жизни правила игры. Деревенской прозе не хватило пары белых усадебных дворянских колонн.

— Да эти дворяне после 1861 года приходские школы уничтожали, чтоб мужики оставались неграмотными. Земские создавали, а из них священников выгоняли. Дворяне! Паразиты и захребетники! — возмущаюсь я. — Дворянская культура! Да она только для них и есть. Французский учили, чтоб слуги их не понимали. Тургенев крестьянку шестнадцати лет купил и сразу её в наложницы. А перед своей француженкой шестерил. И вообще все западники такие! А читателей им больше досталось. Да плевать! Всё, спать пойду.

— «Судьба решила всё давно за нас», — поёт писатель и комментирует: — Жуткие слова, «всё решено за нас». Но если судьба — суд Божий, то всё правильно. — И на эту же мелодию (поёт): — «Я душу дьяволу готов прода-ать».

— Но это уже совсем ужас, — говорю я. — Это ты не смей: заступник народный готов продать душу дьяволу за что? За лживую бабёнку?

— Вот так и бывает, — говорит он и снова роется в сумках. — Да! Зная, что живём первый и последний раз, что добро было всегда и будет всегда, что зло было, есть, но не будет, попадаем во зло. — Поёт: — «Зло появилось точно из-за на-ас. Но в будущем ему не-э жить!»

— И этих бесовок не будет? — спрашиваю я. — Это вряд ли. Будешь чай?

Он бросает на пол найденную книгу.

— Зачем я её искал? Спроси, зачем я её искал. А лучше спроси, зачем я её писал? Может, чтобы именно она прочла и нашла меня? Старичок, думал ли я, — он даже руки вздевает, — что может быть такое сильное наваждение тёмной силы? Спать идёшь? А мне мучиться и страдать? Но я счастливый.

— Счастье в чём?

— Счастье в оживлении работы сердца.

— Работы какой? На эту бесовку? То есть именно она оживляет работу твоего сердца? И ведёт к надписи на могильном камне: «Эн-эн погиб не на дуэли, его страдания доели». Объявляю: ухожу спать.

— Какой сон? Тебе счастье выпало — слушать мои откровения. Спать? Продолжу о бабье. У них знания сосредоточе-

ны в сумках и сумочках. Поэтому они нуждаются... в носильщиках.

Сходил в коридор:

— Старый еврей рассказывает внукам о поездке в Москву: деточки, я жил у очень богатых людей: у них везде горит свет. Внук: дедушка, это они освещали тебе дорогу в туалет.

Он садится, немного отпивает из чашки.

— Это ты новый заварил?

— Ты же все равно спать не будешь.

— Думал сейчас, что Бунин — это уровень Рахманинова. Я записывал его ещё на колёсный магнитофон. И тогда же знал наизусть «Таню», рассказ из «Тёмных аллей». Пересказать?

— Давай. Я подсуфлирую. А знаешь, что в старости он страшно, как и Толстой, матерился?

— Надо сесть и написать работу «О тех, кто долго был забыт». И откликнется родная душа. «Рояль был весь раскрыт и струны в нём...». Да, осталось верить в рыдающие звуки. Выпью. За Афанасия Афанасьевича. Толстого он переживёт. И за Астафьева надо выпить. Это певец искалеченного народа. Не набрался нежности, жил мстительностью к советской власти. Любить её было не за что, но жить при ней было можно. И надо было жить. Чего не хватало? И мы пожили всё-таки! Я ощущаю себя, будто только заканчиваю пединститут и не знаю, чего меня ждёт.

Опять начинает рыться в сумках:

— Хотел тебе подарить, мне подарили, «О зарубежье». Адамович, Иванов, Зайцев, Берберова, Бунин опять же, хоть и матерился. Автор с некоторыми был в переписке, взял их письма, бросил на грядки страниц, пересыпал текстом и всё. Нет, приказчик в начале двадцатого века был выше советского писателя. Цинизм московской критики — это ругань даже не извозчиков, а таксистов. — Подходит к окну: — Запиши: как небесны мысли, когда смотришь на вершины ночных вязов.

Я уже тоже напился крепкого чаю и смирился, что ещё придётся долго не спать. Он вещает:

— Жизнь надо прожить, чтобы собрать богатую библиотеку.

— И обнаружить, что она никому не нужна и что её выкинут.

— Даже и с пометками?

— С ними ещё быстрее. Так что не трудись их делать.

Он понурился, тут же поднял голову:

— Русские писатели в шестидесятые написали правительству письмо о гибели русской культуры. И Шолохов подпи-

сал. И на письме, — писатель кричит, — была резолюция! «Разъяснить тов. Шолохову, что в СССР опасности для русской культуры нет!»! Понял, да? Эта резолюция обрекала Россию. Вот когда погибла советская власть. Почему было не появиться коротичам, вознесенским, войновичам, евтушенкам, почему было не обвинять Шолохова в плагиате, почему было не раздуть непомерное величие Солженицына, убийственное для литературы. Так-то, милый. Одна и та же операция: вырезать, унижить, оболгать лидеров русского слова, внушить дуракам, что по-прежнему мы сзади мировой культуры. Внушили же! Дни нечистой силы стали праздновать!

— Плюнь, не переживай. Русские не сдаются.

И ещё прошло время. И опять он приехал. Опять сидим. Но стал он какой-то другой:

— У меня будет страшная старость. Въезжая в неё, я всё ещё вписывал кое-что в ловеласовский блокнот. А? Хорошее название? Да? А потом что стало? Помни — нельзя иметь дело с бабами и оставлять об этом письменные следы. Бабы — это твари!

— Ничего себе поворотик. Да ты ж прошлый раз речитативы и арии о ней свершал.

— Тварь! Сняла копии, давала читать, подбросила журналистам. Чтоб развести. Но не будем о ней. — Сидит, молчит. Встряхивается: — Будем о нас. Мы, наше поколение, вошли в классику как воры в трамвай, всех обчистили и выдали за своё. Но это было спасительно для классики. Ибо иначе вошла бы в неё шпана и убила бы классику. А мы сохранили. — Берёт со стола кружку, протягивает: — Свежий чай? Нацеди, любезный.

Подходит к окну. Я напоминаю, что в тот раз по его просьбе записал о возвышенных мыслях при взгляде на вершины ночных вязов: «небесны».

— Да? Я так сказал? Очень неплохо, очень. Так что и без баб русская литература не пропадёт.

ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ

Самой пронзительной мечтой моего детства было стать моряком. А военкомат послал меня в ракетную артиллерию. Тоже хорошо. Но стремление дышать воздухом морей и океанов было всегда. Помню учения «Океан» 1970 года на Северном флоте, я писал о них и жил на эсминце «Отрывистый». Тогда и познакомился с молодым выпускником морского училища, порывистым, вихрастым лейтенантом. Он не ходил, он летал по кораблю.

Тридцать лет прошло. Москва, патриаршая служба в память погибших моряков-подводников. Плачущий седой капитан первого ранга. Не чувствующий горячих капель воска, стекающих с горячей свечи, он отрешенно и горестно смотрел на алтарь. «Он! — толкнуло меня. — Он, тот лейтенант». У выхода я подождал его. Мы встретились глазами.

— Североморск, — сказал я, — эсминец «Отрывистый». Учения «Океан».

— Писатель! — воскликнул он. — Есенина читал. Чего ж ты такой старый?

— А жизнь-то какая!

Мы крепко обнялись. Не слушая никаких возражений, капитан первого ранга, сокращенно, по-морски, каперанг, или капраз, повёз меня к себе.

— Море — это навсегда, — говорил он, лавируя на мокром шоссé рулем «Жигулей», как штурвалом катера. — Навсегда. Это ж про нас, мореманов, шутка: «Плюнь на грудь, не могу уснуть без шторма». Я после Северного флота везде поселился — и на Тихом, и на Черном, заканчивал в Генштабе. Сейчас... сейчас, ну что сейчас, живу.

И вот мы сидим в его квартире. Она настолько похожа на корабль, что, кажется, пройдет секунда и каперанг, прямо в шлепанцах, отдаст команду: «С якоря сниматься, по местам стоять!»

— Сегодня мне одна команда осталась, — невесело говорит он, — команда эта: «Отдать концы!» И отдам. И все мы, моего возраста мореманы, тоже. Зачем нам жить? Чтоб еще и еще видеть позор и поругание флота?

Я стараюсь успокоить моряка, но, конечно, это бесполезно. На стене карта «Мировой океан». На карте синими флажками места трагедий, кораблекрушений, катастроф. На южной части Баренцева моря нарисован черный крест, тут потопили атомную подлодку «Курск».

— Именно потопили, — говорит каперанг. — Сними с корты кортик, дай сюда. Нет, достань из ножен. Вот, кладу руку. Руби! Не бойся, руби. Я руку даю на отсечение, что «Курск» потопили американцы. Если у наших хватит смелости, это все узнают. У них, у натовцев, недавно был фильм «Охота за «Красным Октябрем», это рассказ о потоплении подлодки типа «Курск». Они, вопреки всем конвенциям, вошли в район учений, что уже за всеми пределами допустимого. И шарахнули, как акулы кита на мели. Шарахнули и добивали, чтоб никого в живых не осталось, чтоб без свидетелей. Чего ж не рубишь? Прав я, прав, с рукой останусь.

Каперанг тяжело дышит, глядит на стол. На столе по ранжиру стоят: бутылка водки, фляжка коньяку и пузырьки с сердечными каплями. Подумав, каперанг берется за самую маленькую емкость.

— Первым стал задницу америкашкам лизать Никита-кукурузник. Вроде смелый, по трибуне ботинком стучит, а новейшие корабли резали на металлолом, лучших офицеров увольняли. Помню, в газетах, в той же «Правде», всякие статьи, вот, мол, как полковник счастлив, что пошел в ученики слесаря на завод. Всё Хрущ лысый! А свою трусость и подлость списал на батьку усатого. Мне батька тоже не икона, но нас при нем боялись. Боялись дяди Сэмы, и слоны их, и ослы боялись. Другого языка эти животные не понимают. Америку же образовала европейская шпана, отбросы каторжные, уголовщина. На индейское золото купили европейские мозги, вот и весь секрет. Про индейцев создали фильмы, мозги придумали конституцию. У них национальные интересы Штатов во всем мире. Я был у них на базе в штате Аризона, там огромный плакат. Глобальная власть Америки — контроль за всем миром. И не меньше. Леня еще Брежнев, как бывший вояка, держался, а уж Горбач, а уж Боря-хряк, эти подмахивали НАТО как могли. Заметил, что они ничего не вякали, когда парней пытались вытащить? И этот, теперешний, с ними встречается... Нет, пока он себя мужиком не проявит, ничего у него не выйдет. Слопают, или сам по-русски пошлет всех на три буквы и запьет. Вон Бакатин, мне говорили, пьет вмертвую. То есть совесть еще есть. А! — Каперанг взялся за емкость побольше. — Давай, не чокаясь, за парней. — Он выпил, и видно было, еле справился со слезами. Встал, подошел к окну, поглядел на московскую осень. Подошел к карте: — Где еще придется крест рисовать? А я ведь, знаешь, и не думал, что еще слезы остались, а за это время сколько раз прошибало. До какого сраму дожили: поехал наш пьяный боров в Берлин оркестром дирижировать, когда с позором нас из Европы гнали, э! Коньяк — это несерьезно, давай «кристалловской». — Каперанг успокоился, сел, смахнул на пол стопку газет. — Если б не эта зараза, да не этот вот, — он показал на телевизор, — мы бы выжили. Я когда энтэвэшников смотрю, я весь экран заплываю. Думаешь, один я так? Все бы эти плевки на них, они бы в них захлебнулись. Вот телебашня горела не просто, как объясняют, мол, от перенагрузки. Конечно, но и от жадности тоже, грузили провода по-черному, они и задымились. Но главное даже уже и башня не выдержала всего того срама, что ее представляли передавать. Вещи и предметы не безгласны — это,

кстати, моряки лучше всех знают. Да и вообще я к старости стал умные книги читать. Где я раньше был? Вот прочти у Иоанна Златоуста о зависимости погоды и урожая от нравственности общества. Это очень точно. Я, кстати, опять же с детства знал пословицу «Что в народе, то в погоде», так ведь во всем. Вот я полощу начальство, вся страна полощет, но давай задумаемся: мы же их заслужили.

— Да! — резко вдруг сказал он, я даже вздрогнул. — Знаешь, когда мы первый раз серьезно по морде схлопотали?

— В Сербии?

— Точно. Бандиты и хамы бомбили братьев, а мы только вякали протесты. Потом послали Красномордина замирать — еще бы, умеет, перед бандитами Басаева в Буденновске шестерил... А, чего-то я совсем разволновался.

Я стал было прощаться, но каперанг заявил:

— Нет, я тебя в таком настроении не отпущу, нет. Я близко знал нынешнего адмирала, для конспирации назову Черкашин, мы с ним на Чёрном болтались. А уже началась горбачевщина, он всем торопился доложить, что мы за мир, мы разоружаемся. Американцы трусы, поэтому слабину чувствуют. Стали к нам захаживать. Они и всегда-то в нейтральных водах паслись, а тут стали нагнеть: зайдут в территориальные наши воды, подразнят, потом хвостом вильнут. Мы докладываем: что делать? Нам: не конфликтовать. Ладно. Те хамяют, ходят по палубе в трусах, кричат: «Рашен, делай собрание, голосуй». Ладно. А этот Черкашин был вторым на эсминце. Я тогда был начальником боевой части. Сидим в кают-компании, материмся. Черкашин командир говорит: «Товарищ командир, вы же два года без отпуска, пора же вам отдохнуть. Оставьте на меня корабль». Командир, золотой был мужик, вечная ему память, смеется: «Нет, Коля, боюсь, больно ты горяч, как бы международного скандала не наделал».

Ладно. А главком флота был, это был главком, он тоже в Москве зубами скрипел, мы ему прямую картинку показывали, он же видел, как янки к нам голым задом стоят. И вот — слушай. Не знаю, как они договорились, но думаю, что Черкашин это все сам проделал. Он заступил на вахту и ночью палубникам приказал все шлюпки, всё, что за бортом висит, прибрать. То есть остались с чистыми бортами. Утро. Те, на крейсере, кофе попили, прут в наши воды, внаглую прут. Гляжу, Черкашин сам у руля. Те прут, они же привыкли, что мы безгласны, у нас же гласность только тут, — каперанг ткнул рукой в направлении телевизора. — Прут. Наш эсминец спокойнехонько пошел навстречу, сделал ювелирный маневр и

навалился бортом на борт американца. Те охренели. Все их шлюпки захрустели, как орехи, бассейн на палубе к хренам расплескался. Мало того, Черкашин спокойно, но резко замедлил и еще протер их по борту. А дальше еще мощней. Отработал полный назад, потом полный вперед и навалился на другой борт и его прочистил. Боже ж ты мой, — воздел каперанг руки, — что началось! Через десять минут Горбач уже знал и разродился: разжаловать, наказать, посадить виновных, извиниться! Но главком, повторяю, мужик был от и до, тут же докладывает: накажем, уже наказали, виновного офицера представляем к суду чести, списываем на берег. Да, суд чести был честь по чести, так скажу, Черкашина качнули. А с эсминца, точно, списали... на другой эсминец. Командиром. Ты знаешь, я уверен, америкашки это очень хорошо помнят. Тогда же сразу уползли в Стамбул бока шпаклевать. С ними только так. Только так. Во-первых, они не за деньги не рискуют, жадны, вторых, трусливы.

Но все время теперь будут кусать, как шакалы льва, который слабеет. Пока не дашь отпор, будут приставать.

Мы простились. Кортик со стуком вернулся в ножны и водрузился на место, в центр Мирового океана.

Он вышел меня проводить до лифта. Лифта не было почему-то.

— Чубайс электричество отключил, — невесело пошутил каперанг. — А знаешь, как он умирать будет? Он даже не помирать, он подыхать будет. На вонючем тюфяке и при свете огарка. Да. Остальные приватизаторы примерно так же. Я человек не злой, но знаю, что возмездие неотвратимо. Вот вы там пишете, что, мол, велика угроза Америки, это так, и мы об этом говорили. Но главная угроза здесь. Не масоны окружили президента, а уголовники. За деньги купили мест в Думе, депутаты у них — шестерки, уже им и цена известна. Криминал — вот угроза. Но, как всегда, наше дело правое, победа будет за нами. У уголовников и нравы уголовные. Знаешь, как говорится: «Жадность фраера сгубила», этих тоже сгубит. При условии, что они до тех пор нас не сгубят. Давай. Топай по трапам пешком. Да! — воскликнул он. — Самое главное, что ж вы не писали, что Сербию бомбили самолеты марки «Торнадо» и смерч «Торнадо» смёл многие штаты тогда же. Возмездие же было. И еще будет. Держи пять, — сказал он, как говорят на флоте. — И крепко пожал руку и засмеялся: — Что же руку-то мне не отрубил, цела. А потому — прав я. Не бойсь, прорвемся! Главное — по местам стоять!

ЗМЕЯ И ЧАША

Она жила так давно, что не помнила, когда родилась. Она была всегда.

Умудренная тысячелетиями настолько, что ей не нужны были доносчики, чтобы сообщать, кто и что о ней говорит и думает, она сама обо всём и обо всех знала. И она знала в последнее время, что молодые змеи смеются над ней. И знала почему. Она несколько раз в последние годы уклонилась от встречи с людьми — их врагами. Она, помнившая времена, когда вся жаркая середина Земли трепетала от засилья змей, когда к гробницам и пирамидам фараонов, считавших себя равными богам, их трусливые рабы боялись подойти, ибо все сокровища гробниц принадлежали змеям. Она, помнившая времена Великого рассеяния змей по лицу необъятной Земли; она, ставшая символом исцеления от всех болезней, опоясавшая чашу с живительным ядом, обкрутившая державные скипетры всех царей; она, изображенная художниками в такую длину, что еехватило бы стиснуть весь земной шар и головой достигнуть своего хвоста; она, вошедшая не только в пословицы, но и в сознание своими качествами — змеиной мудростью, змеиной хитростью, змеиной выносливостью, змеиной изворотливостью, змеиным терпением... Чего ей было бояться? Ей, родной сестре той змейки, что грелась на груди Клеопатры, сестре всех змей, отдавших свой яд в десятки тысяч кубков, бокалов, стаканов, незаметно растворявшийся и делавший необратимым переход от земной жизни в неведомую ни людям, ни змеям другую жизнь.

Чего было ей бояться? Всегда боялись ее.

Молодые издевательски шипели меж собой, что она жалеет своего яда. Что возражать! Не она ли за тысячелетия доби- лась того, что яд тем более прибывает, чем более расходуется.

Ей, бессмертной, кого бояться?

Ей, выступившей во времена рассеяния за Великое единение змей, а за это провозглашенной бессмертной самим Зми- ем, тем, который был на древе познания, когда свершался первый грех, сделавший на все времена людей виновными уже за одно зачатие, а не только за появление на свет, — ей чего-то бояться?

Вот прошел сезон змеиных выводков, прошел настолько успешно, что будь Змея помоложе, она бы возгордилась ре- зультатами своего многовекового труда: все прежние терри- тории были полны подкреплений, были захвачены новые про- странства, но Змея считала, что иначе быть не может.

Весь секрет Змеи был в том, что она хотела умереть. Она не умела радоваться, торжествовать, она умела терпеть и бороться, умела веками работать над улучшением и сплочением змеиной породы, она была всюду карающей десницей великого Змия. Она всегда поражалась его расчетливой, насмешливой прозорливости. Только Змий, в отличие от нее, умел насладиться результатами труда.

— Что сейчас не жить! — восклицал он. — Сейчас все змеи знают о конечной нашей цели — власти над всеми пространствами и племенами! А помнишь тяжелые времена? — спрашивал он Змею. — С нами боролись так сильно, что мы были символом греха, нас попирали, карали, изгоняли как заразу — о, сколько клятв о мщении вознеслось тогда к моему престолу! Нет худа без добра: считая, что с нами покончено, они стали убивать друг друга, и мы успели собрать гаснущие силы. Помнишь, как славно было греться на камнях, бывших когда-то в стенах храмов и жилищ, как славно оплетали развалины хмель и дурман, как славно пахли повилика и полынь? О, этот запах запустения, в котором нет запаха человека!

Да, Змея помнила эти времена. Помнила их клятвы превратить все города планеты в развалины. Вот тогда и был создан тайный из тайных жертвенный тайник змеиного яда. Огромная подземная чаша, освещенная отблесками золотеносной жилы, приняла тогда первые капли ритуального яда. Теперь все змеи перед уходом в свои регионы, а также при возвращении из них перед смертью отдавали часть своего яда в огромную чашу. Яд кристаллизовался, превращался в твердые янтарные россыпи, они ослепляли.

Чаша наполнялась.

Змея хотела умереть не так просто, она хотела изрыгнуть весь свой накопленный яд — а его скопилось очень много — в чашу, а сама, обернувшись вокруг нее, замереть навсегда. Она думала, что заслужила эту великую честь. Но умереть без позволения Змия она не могла. И вот она в бессчётный раз появилась у его престола.

В глазах рябило от бесчисленных узоров на спинах и головах самых разных рептилий. Это не было роскошью, нет, здесь было единение, демонстрация змеиной силы, и где, как не здесь, над тайником их всесветного сокровища, собрать всех представителей грядущего властительства Земли!

Пола не было видно — сплошное шевеление скользкого узорного ковра: протягивались длинейшие анаконды, удавы гиляндами висели на потолке и стенах, серые и черные гадюки простирались у подножия престола, по краям его,

как маятники времени, качались кобры, гюрза крутилась волчком, бронзовые медянки искорками порхали всюду — всё шевелилось и всё расступилось, выстелилось перед ней, замерев, только кобры продолжали отталкивать время вправо и влево.

Почётное сопровождение осуществляли самые разные змеи: слепуны, аспиды, бородавчатые, ошейниковые, игольчатые, ближе к ней двигались желтобрюхие полозы, а поодаль, непрерывно и торжественно оглашая воздух шуршащими звуками, виднелись гремучие змеи.

Змея втянула себя в коридор перед престолом, отметив, что мышцы ее упруги, как у молодой, что она еще вполне в состоянии свернуться в пружину и выстрелить себя как свистящий, неотразимый снаряд. Склонив голову, она ждала разрешения говорить.

Змей кивнул.

— Великий, могу я просить, чтобы разговор был у жертвенной чаши?

— О да!

Когда она увидела чашу, её решение умереть стало окончательным — чаша должна была вот-вот наполниться. Дело её огромной жизни завершалось. В ней поднялось внутреннее содрогание, так знакомое по встречам с врагами, такой прилив силы, что показалось даже — ее холодная кровь немного согрелась. Нет-нет, она отдаст свой яд потом, перед уходом.

Она примерилась, она окружила чашу своим крепким, красивым телом. Охрана чаши почтительно расступалась. Да, как раз хватает. Хватает ее длины на окружность чаши. Она давно ничего не ест, ее тело придет сюда высохшим, в последний раз в обновленной шкуре, скоро она выползет из этой, она уже чувствует зудение новой кожи, рожденной на смену.

— Повелитель, — сказала Змея, — я знаю цену твоему времени и буду говорить кратко.

— Нет, — возразил Змий. — Трижды нет. Ты не из тех, кому я могу запретить, мы с тобой помним стены Вавилона, мы с тобой готовили разврат жителей Содома и Гоморры, мы грелись с тобой на грудах золота, когда оно было еще простым камнем, — и после этого ты будешь торопиться?

— Великий, я помню первые две капли, которые мы с тобой отдали на дно этой чаши. Но время настало, я сделала все, чтобы ты более не нуждался во мне, я создала несколько родов, которые будут всегда рождать себе подобных, улучшая их, закаляя во злобе, делая мысль о мировом господстве

не мечтой, даже не целью, а само собою разумеющимся делом. Осталось последнее: чтобы люди поняли нашу власть над ними, и тогда мы разрешим им жить...

— Помнишь день символа, — символа исцеления от всех болезней: змея и чаша? Как они поддаются внушению, как легко оказалось ими управлять, но как долго мы к этому шли, надо только вбить в их костяные черепа, которые после смерти так прекрасно служат жилищами для змеиных семей, что зло можно обратить во благо, что добро побеждает зло. Но уже доходит, уже дошло до них, что злые живут лучше, что все блага принадлежат им, что лишение совести ведет к победе над собой, что... Я перебил, прости.

— Ты знаешь мои мысли, но не до конца, Великий. Я решила просить смерти не от скромности, как ты понимаешь, напротив. Сделав все для нашей победы, я хочу навсегда остаться ее знаком, я и после смерти хочу поклонения; до твоего прихода я опоясала наш жертвенник, его окружность равна длине моего тела.

— Ты заслужила это, Змея. Но все-таки я не понимаю: почему то же нельзя совершить и после нашей победы?

— Я скажу. Сейчас я бы умерла, уверенная в ней, но из всех чувств, замененных злобой, мы оставили в змеях обостренное чутье опасности. Ты помнишь, когда Он приходил. Он приходил, когда уже все было готово для захвата власти.

— Да. Но Он больше не придет. Не сможет. Они сами виноваты, вынудив нас на борьбу, это и Он, должно быть, понял. Что бы делали они без понятия зла, которое несем мы, олицетворяем в злых поступках, что? Наше оружие — их страх перед нами и наша способность к провокациям. Первородный грех был не сам по себе, я спровоцировал его. Мы населили мир соблазнами: деньгами, похотью, успехом, властью, избавлением от усталости, — нет человека, который бы устоял. Когда зло было явным, явились аскеты, которые могли устоять против соблазнов. Они назвали злом свои пороки, ну и пусть борются, пусть тратят свою жизнь, нам-то что! Нет, Он не вернется. Они думали, что прогресс им поможет, а тем самым копают себе могилу. Они задыхаются от выхлопных газов, на которые мы не реагируем, змеи могут выжить даже в камере смертников. Ради шутки можем и мы повеселиться, некоторые змеи легко могут жить в сиденьях автомобилей, прекрасно путешествовать до тех пор, пока не надоест хозяин машины, — чем плохо?

— Великий, я продолжу. Змеи могут перестать быть злыми только мертвыми. Я и сама могла греться последнее столетие на бетонных сооружениях, асфальте, металлических трубах, сама

внушала змеям нечувствительность к запахам и вещам цивилизации... Они осушали болота, тем самым множили нас, делали наш яд более страшным, от страданий укреплялись наши зубы, делались мельче, но смертоноснее. Твои слова о том, что мы не должны оставлять следов, осуществлены: мы их не оставляем — ни на песке, ни на траве, ни в лесу, ни на воде.

— Сейчас даже и это не важно. Нет-нет, Он не явится. В те века, разогнав нас, Он давал людям свободу выбора — и что? Они начинали кричать о порядочности, а пока они кричали, ими начинали командовать непорядочные. Они начинали выть о смысле жизни, задавать один и тот же бессмысленный вопрос: зачем, для чего живет человек? А мы знаем. Мы живем для власти над ними. Тогда и они узнают, зачем живут.

— Великий, у них есть еще способность помнить.

— О, у очень немногих. И пусть помнят. Пусть помнят свои слабые предания, легенды, хилые рассказы про былое могущество, которое вдохновляет их на веру в будущее, пусть! Их же единицы. И тех, кто помнит, мы тоже помним. Чаша перед нами — разве мы жалеем черпать из нее на нужное дело? Нет, Змея, трижды нет твоему решению покинуть нас.

— Я не посмею ослушаться, Великий, но я должна сказать, что в полнолуние я почувствовала тревогу.

— Должно быть, сильный ветер или разряд молнии. Ветер и солнце — наши враги. Если бы люди использовали для энергии ветер и солнце, тогда бы я испугался первый. Успокойся. Живи. Люди специально для нас перегораживают реки, они решили затопить свои пространства, убить все живое. Они поняли, что мы всеильны, что мы разбросаны всюду, но едины. Мы всегда опередим инстинктом и скоростью действия, о, мы еще увидим холодные шевелящиеся змеиные сплетения на развалинах столиц. Ты хочешь уйти, когда их безумие, их жадность дошли до предела, они перестали ценить чужую жизнь, у них нет понятия о чужой боли, мы отдали им эти свои качества? Нет-нет, живи, Змея! Ты же видишь, их не надо убивать, они сами убивают друг друга! Живи!

И вот Змея возвращалась. Она решила проверить побольше мест гнездований, даже не столько этих мест, сколько пространств меж ними. Всё было лучше, чем она предполагала. Глядя узкими сухими глазами, она видела всюду знаки разрухи и катастрофы: брошенную технику, опустевшие, одичалые поля, вырубленные леса, пустые деревни и поселки, ржавые рельсы железных дорог, трещины асфальта и всюду свалки мусора. И везде навстречу Змее выходили из нор и укромных мест её соплеменницы, легкий свист постоянно звучал всюду, и где бы ни находились люди, за ними спокой-

но и выжидательно следили змеиные взгляды.

По пути было Большое Поле. Змея не любила его: оно было пропитано кровью давней битвы. О, змеи чуют кровь на земле, как акулы в океане, за многие, многие расстояния, но это была особая кровь, от нее исходила явная угроза, и змеи предпочитали обползать Поле стороной. Однажды она увидела, а потом всегда знала, что люди приходят сюда, приносят цветы, некоторые даже, уединившись, стоят на коленях. И получают силы, но не телесные, которые получают змеи, питаясь кровью, а особые силы — силы мужества. Всё-таки Змея, зная, что за ней наблюдают тысячи и тысячи змей, решила ползти напрямик.

Уже в самом начале она ощутила в себе глухое сопротивление, как сигнал опасности завибрировал в ней спинной мускул. Но она заставила себя продвигаться дальше.

И здесь Змея увидела Его! Он шел легкой, летящей походкой, седые волосы непокрытой головы и борода серебрились в закатных лучах. Что ж! Мгновенно к Змее пришло решение — эта смерть будет почетнее любой, она с такой скоростью согнула тело в спираль, что над нею взлетели опавшие листья.

Он приближался. Еще, еще... Вот! Она с силой, содрогаясь всем телом, оттолкнулась и... была отброшена непонятной упругой волной. Она еще напряглась — и снова отшатнулась. Он удалялся. Все такой же летящей была походка, все так же бодро и размеренно касался земли Его посох.

Змея, делая огромные прыжки по обочине, догнала Его и хотела кинуться сзади, со спины. И вновь — прозрачная отбрасывающая стена. Тогда пусть Он убьет ее, решила Змея. Она по обочине обогнала Его и вытянулась поперек дороги. Он приблизился и засмеялся:

— Иди и скажи Змию, что я вернулся, чтобы он явился ко мне с повинной позади всех змей, скажи, что времена смены шкур, времена вашей угрозы прошли. Вам не дано больше затмевать маяки и сбивать с дороги корабли. Скоро я коснусь посохом вашей жертвенной чаши и превращу ваш яд в песок. Вы были посланы в наказание и испытание, вы решили, что предела злу нет. Предел есть. Он в нашей силе наступать на вас. Иди!

Он пошел дальше. Он даже не наступил на нее, а переступил, как переступают через брошенную за ненадобностью палку.

Змея, извернувшись, рванулась к Нему, но получила такой удар, что очнулась не скоро. В бессильной злобе, корчась от позора, она, открыв страшную пасть, вцепилась зубами в огромный камень на перекрестье дорог и услышала, как лома-

ются зубы, как хлещет из пасти сверкающий желтый яд.

Поздним вечером того же дня Змея была у Змия. Он знал о встрече. Он только хотел многое уточнить.

— Великий, это была неведомая сила.

— Проклятье! Куда Он шел?

— Не знаю. Там было три дороги. Когда я очнулась, Его не было.

— Я думаю, Он не с этой Земли. Здесь все боятся нас.

— Это был Он.

— Для нас лучше, что Он не с этой Земли. Пусть так считают во всех змеиных пределах. Мы укрепим охрану чаши настолько, что даже случайный человек, оказавшийся вблизи, исчезнет бесследно. О-о, сегодня, в разгар полнолуния, тревожный вечер. Я спросил тебя, куда Он ушел, неспроста. Люди не могут поглощать расстояния, как мы. Ты встретила Его в Поле, а с севера пришло страшное сообщение. Там тоже ссылаются на Него, говоря, что Он учинил явление Света. Свет сам по себе не страшен нашим узким глазам, но это был особый Свет. Мало того! Этот Свет делил всех не на старых и молодых, не на самцов и самок, не на чёрных и белых, не на умных и глупых, нет! Все делились на злых и добрых. Добрые радовались, злые падали на землю и ползли прочь от страха. Самые злые змеи превратились в бессильные плети. На кишку они были похожи! — закричал Змий. — На кишку, полную смертельного страха!

Всё так же вправо и влево раскачивались у его трона кобры. Вот подошел полуночный час. Подползла сзади и встала на смену новая пара кобр. Только вдруг заметила Змея, что эти кобры качаются чаще и не в такт. Змий поднял голову. Кобры попали в ритм и выровнялись.

— Птицы распелись среди ночи! Небо стало бездонным, каждый листочек трепетал от счастья — вот какой был Свет! Крысы дохли от разрыва сердца, никакой твари не осталось даже малой тёмной щели, чтоб скрыться, — вот какой был Свет! Если такой Свет будет здесь, яд и впрямь станет песком.

— Великий! — наконец решила Змея. — Ты мог бы говорить с Ним для начала о дележе Земли. Ты мудр, обмани Его. Признай Его силу, проси для нас условий существования.

— Боюсь, что Он не согласится.

— Ты сказал слово «боюсь», Великий.

— Да, — чётко произнес Змий, — боюсь, что Он не согласится... Так. Тебе следует продолжать свое дело пополнения и воспитания выводков.

— Слушаюсь, Великий, но те, что испугались Света, при-

несут плохое потомство.

— Их убьют, я уже распорядился.

— Мои зубы, они не скоро отрастут.

— У нас достаточно запасов свежей крови, чтобы помочь тебе.

От входа, стремительно извиваясь легким бронзовым телом, приблизилась отмеченная особой метой медянка. Склонила голову.

— Говори, — велел Змий.

— Великий и высокоумный, на наши сигналы вновь нет ответа.

— Продолжайте. Не давайте вырваться в космос никаким сигналам, кроме наших.

Медянка исчезла.

— Я поняла, — сказала Змея, — ты пытаешься связаться с другими змеями других миров. А вдруг их там нет?

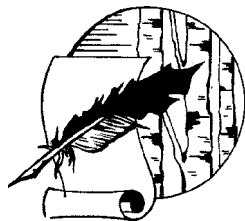
— Молчи! Трижды молчи! Молчи всегда об этом! Иначе тебе не дожить до новых зубов. Прости, но даже с тобой я прибегаю к угрозе. Змеи есть везде, запомни это и втолковывай каждым новым поколением. Везде, всюду и всегда. До этих тревожных дней не было в этом мире сплоченнее нас, увереннее нас, и это надо продолжить и усилить. Не жалеть яда на новые, подчиняющие тело и мысли ритмы, на бесовские страсти к вину и плотской любви, к деньгам, к власти, к успеху, ничего не жалеть! Охранять плантации наркотических растений! Убивать внезапно и без всякой системы! Тех, кто помнит прошлое, кусать не до смерти, но до потери памяти. Заставить их голодать, бросать недостроенное, ссориться и грызть друг друга, заставить их уничтожать все запасы пищи и топлива, заставить их и дальше безумствовать в разложении вещества, в сжигании для энергии отходов природы... Пусть они задохнутся в дыму и копоты своего прогресса, пусть отравятся радиацией, пусть живут и думают, что они живут! Пусть они без конца болтают и думают, что этим что-то изменят. Нет, Он не сможет ничего сделать, мы так много успели — Он пришел слишком поздно.

Змий опустил голову, показав этим Змее, что она должна идти. Навстречу ей ползла новая стража тронного времени.

Ничего, думала Змея, вползая в воду спокойной реки и отдаваясь течению, ничего. У змей есть силы, змеям есть из чего собирать новые силы, ничего, они крепнут от неудач...

— Ванька! — звенел над рекою мальчишеский голос. — Ты чего не забрасываешь, я уж вторую поймал!

— Сейчас заброшу! — кричал в ответ другой мальчишка. — Вот только эта коряга проплывет.

Николай ДЕНИСОВ
(1943 — 2016)

МАЛИНОВЫЙ КОЛОКОЛ БЬЁТ

ПРОШЛИ ГОДА

Я помню день, московский первый день,
Литинститут. И стен его величье.
Мы шли туда из русских деревень,
Ловя ухмылки мальчиков столичных.

Мы состязаться с ними не могли
И восхищать поклонниц на эстраде,
Нам было проще грузные кули
Без лишних слов таскать на зерноскладе.

Что знали мы? Лишь сельскую страду
Да телогрейки, выжженные потом!
И вновь впряглись мы в чёрную работу,
Пока они шумели на виду.

О, мальчики! Хитер крестьянский ум:
Мы были к жизни пристальной и тише.
Где вы теперь? Я помню только шум.
А может, это дождь стучал по крыше?

ДОЖДЬ ВНАХЛЕСТ

Дождь стучит о крышу глухо,
А вчера мело.
Кочегарю печку. Муха
Бьется о стекло.

Слышно, как на зорьке талой,
После зимних пург
Электричка простучала
В Екатеринбург.

Пронеслась полоской света,
Строчкою живой
В этот град, где нет поэтов,
Нет! Хоть волком вой.

Двадцать первый век печальный
Никому не рад.
Не ругай, прости, начальник,
Я не виноват.

Как и прежде, будем слушать
Пересвист скворцов,
Сосен шум, он лечит душу,
Как писал Рубцов.

Слушать, как бушуют воды,
Как, предтеча гроз, —
Будит зимний сон природы
Этот дождь внахлест.

* * *

Словья кто заменит?! В кромешных кустах
Он, как проклятый, реет, не зная оплошки.
А земля всё слабее стоит на китах,
Отощавших без доброй хозяйской кормёжки.

Огнедышат вулканы, огонь до небес,
Нет уж сил удержать смертоносные гулы.
А Хозяин-создатель куда-то исчез,
Уж две тысячи лет в непомерных отгулах.

На Святых рубежах, что ни день, выходной.
Водит дьявол разрухи бесовские свиты.
Без надзора свистят в атмосфере земной,
Заблудившись в галактиках, метеориты.

Где-то с краю стоит еще хата моя,
Хорошо, что до горьких времен достояла.
Перезрелые думы ведут в те края,
Где родился, где вечность отрадно сияла.

Где возможно утешиться, стопку поднять.
Соловья подзадорить: сбирай свои силы!
Жаль, что пенсийки мало — венки заказать,
Ублажить хоть отчасти родные могилы.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

О, движенье культур, о, Ньютоны, Эвклиды!
Ренессанс азиатчины — в самом конце:
Представляю, как шах под доглядом шахидов
Размещает гарем в Букингемском дворце.

Польский гонор — он враз и навеки померкнет,
Опустеет Париж — ни покрывки, ни дна.
Скандинавию сглазит немецкая Меркель,
Нидерланды балтийская скроет волна.

Незалежное сало доест Украина,
Киев вновь будет русским, и нашим Царьград!
И Америка, в дёгте и пухе курином,
На последнем ресурсе отправится в ад...

Нынче в городе смог. Перегрелась планета.
И деревня теперь на блины не зовет.
Свет отключен. Долги. Да и нет Интернета.
Но деревне «до лампочки» — горькую пьёт.

РАСКЛАД

Отец мой был
природный пахарь...
Из народной песни

Ну что, орлы-интеллигенты,
Соколики, тетерева,
Как там «текущие моменты»,
«Свободы» ваши и «права»?

Теперь повсюду тары-бары,
Не жмёт, не душит агитпроп.
Вы ж так хрипели под гитары
Об этом — в кухонках — взахлёб!

Ну, допросились в кои веки
Почетных званий и наград,
Ну, вышли в общечеловеки...
А дальше что? Какой расклад?

Вокруг желудка интересы,
Всё те же всхлипы про «судьбу»
Да злые шуточки от беса
Про белы тапочки в гробу.

А не от Бога — болевое
Еще живого бытия:
«Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя...»

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

Когда громили танки Дом Советов,
Я горько пил, присутствуя при этом.
И багрянел от крови сам собой
Телеэкран, когда-то голубой.
Шестой канал — эстрадный хит «лаванда»,
А на втором — расстрельная команда:
Грачев-паша — змеиный камуфляж,
Бурбулис — подстрекателей типаж,
Немцов в кудрях — во что-то кандидат...
Зашел сосед — упёртый демократ.
Я без раздумий вышвырнул соседа:
Локальный гром, негромкая победа.
И пусть ликует сам с собой, один,
Зомбированный «ящиком» кретин.
А Дом горел, прицельно танки били,
При СССР их ладили в Тагиле:
Комулятивным ухнут, пробасят...
И я налил еще сто пятьдесят.
Возник Спецназ, ОМОН, Бейтара тени...
В столице кровь, беспамятство в Тюмени.
Россия вновь на дыбе и во мгле.
И злой прораб, кайфующий в Кремле,
Торжествовал и всем сулил удавки.
И Черномырдин — слон в посудной лавке,
Гоня мух во рту, в герои лез,
Как лез вчера в ЦК КПСС.

Когда Немцов с Явлинским мух прогнали,
И всем гайдарам сребреники дали,
В квартире дверь, как будто в небе кратер,
Разверзлась вдруг, явилась Богоматерь:
«Переживем, — рекла. — А пьянку брось!»
И нимб сняла, повесила на гвоздь.

АНТИХРИСТ

А месяц будет плыть и плыть...
С. Есенин

В листве осины зреет страх,
Трепещет древо-выкрест:
Для всех голов не хватит плах,
Когда придет антихрист!

И ты наивен, человек,
И так в наивстве канешь.
Еще добром жестокий век,
Двадцатый век, помянешь.

Ты по теченью будешь плыть,
Пришествию не веря...
Дурные головы рубить —
Одна забава зверю.

Вот он идет — загробный свист! —
Все три шестерки — ко дню.
И русский лес последний лист
Роняет в преисподню.

ЭПОХА

У меня не дом теперь — жильё.
И сума — пакет из целлофана.
Как-то враз ушли в небытие
Бежин луг и Ясная Поляна.

Славил труд. Ославили и труд.
Красота в шипах чертополоха.
Как избрать тут праведный маршрут?
Но молчит глумливая эпоха.

Ведь пока свой проклятый табак
Я смолил над строчками, над словом,
Вновь на Русь спустили всех собак —
Наших дней бронштейны и свердловы.

Содрогнешься, боже сохрани:
И напор, и выучка, и стойка!
Жадной сворой кинулись они
К пирогу с начинкой — «перестройка».

Да, в струю кричат про Соловки,
Да, правы — нехватка ширпотреба.
И эпоха жарит шашлыки
На огне, похищенном у неба.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ХРАМ

Храм возведен. Завершен возведения круг.
Серые гуси над ним пролетели на юг.

Белые стены и выпавший белый снежок.
В чёрном священник моленные свечи возжёт.

Господи святы! На клиросе дети поют.
Древним двуперстием радостно крестится люд.

Детство припомнил, старинный восторг бытия.
Родина ж это! Живая сторона моя!

Взреет весной тут стрижей вострокрылых страда.
Може, и сам возвращусь я домой навсегда!

Дружно пред Господом шапки ломает народ.
Что ж так тревожно малиновый колокол бьёт?!

г. Тюмень

СУМАРОКОВ

Быль о народном директоре

ПЯТЕРО БРАТЬЕВ

— Слышь, Илья... Не спишь? Может, и правда на агрономов? Пока предлагают... Какой из меня инженер-механик? Здесь же физика, начерталка. Высшая математика!

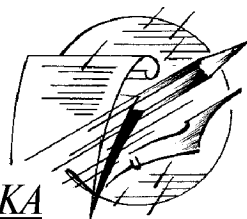
Тень на серой стене полуподвала то уходит к окну, то сдвигается в угол, где пристроился на матрасе Илья. К ночи поднялся ветер, и лампочка за окном, на столбе, мигает, покачивается вместе с листьями клёна.

— Как думаешь, Илья? — снова шепчет сосед, чтобы не разбудить расположившихся на полу дружков-первокурсников, которым, как и им, не нашлось пока места в общежитии.

— Не переживай. Главное, зачислили. Вытянем. С математикой помогу.

Конкурс на факультет механизации был высокий, но профильные предметы Илья сдал на пятёрки. Только вот русский... Но в приёмной комиссии, наверно, рассудили, что подтянет русский язык будущий инженер.

Весь день на ногах, с этажа на этаж: справки, заявления, расписание занятий, и с ночлегом определился. Мест в общежитии нет, пока здесь, в полуподвале, но всё же не на вокзальной скамейке.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Завтра с утра первые лекции, записаться в библиотеку, получить учебники. И письмо в Доронинское — ещё один студент в сумароковской семье. Старший, Иван, выбрал юридический, Михаил хотел стать техником-путейцем.

Семилетку Илья окончил в пятьдесят первом. Отец, Алексей Михайлович, колхозный водитель, судил-рядил с женой, как быть со средним сыном. Может, хватит и семи классов? Выучится, как батька, на водителя, всё же подмога семье. За ним-то ещё двое школьников. Пятерых сыновей Бог дал Сумароковым, Алексей Михайлович сам-шест. Но Дарья Ивановна рассудила так: «Нет, отец, хватит с меня, неграмотной. Пусть ребята учатся. Поднимем, пока силы есть». Как всякий неспешный, основательно знающий своё дело труженик, был Сумароков-старший на слова скуп, полностью доверял жене в семейном устройстве. В войну, пускай и с роднёй, но всё же без него, хозяина, сберегла, сохранила всех птенцов, мал-мала меньше... Возражать не стал. «Делай, мать, как знаешь». Семья дышала согласием, всё это чувствовала, да ещё как, детская душа.

Местные ребята тянулись к сумароковскому двору не только потому, что тропа к речке Дороник пробегала тут. Ни грубого слова, ни окрика... Иной раз всей ватагой усаживались за стол к картошке, молоку. Тогда деревенский мир не делил детей на своих и сторонних.

Все пятеро — как малая артель. На каждый день в домашнем хозяйстве, особенно летом, назначались, как в колхозной бригаде, уроки. И старшие, и младшие понимали, что это не забава, не игра, а помощь родителям, прибавка к тем трудовым, что начислялись им в колхозе.

Дел хватало всем. С одной коровой и зимой, и летом столько забот... Да ещё огород-кормилец с ранней весны до осени ждёт и взрослых, и ребячьих рук: сажай, окучивай, рви сорняки, копай урожай, потом — сортировать, перебирать, сушить, спускать на зиму в подвал.

Братья не слышали от матери жалоб на тяжёлую жизнь. Она и не могла быть лёгкой после войны, сколько мужских рук лишилось село, сколько похоронок легло за божницу в деревенских избах. Да и грех роптать, муж вернулся с войны не инвалидом-калекой, дети накормлены, одеты, не хуже, чем у других.

Слово Дарьи Ивановны и решило судьбу Ильи. Уехал он в райцентр, село Улёты, где была десятилетка.

Жил у знакомых отца, не имелось в Улётах сумароковской родни, но чужим себя не чувствовал. Так же, как у себя дома, помогал по хозяйству, так же, как в Доронинском, дружил-ладил со сверстниками. В свои шестнадцать многое умел

Илья. Молоток, рубанок, пила, стамеска, сверло... Было от кого перенимать мастеровитость сумароковской детской артели. Дед Иван, Ардашов Иван Николаевич, отец матери, в Первую мировую надолго застрял в плену, вернулся только после Брестского перемирия. Многому научился приметливый солдат-сибиряк от немецких бюргеров и австрийских селян. Вернулся дед Иван на родину мастером на все руки, да ещё мог оказать лекарскую помощь доронинцам. Лечил своими средствами животину — лошадей, овец, коров. Построил не избышку, дом, самый видный в Старом Доронинском.

По слесарной, механической части кое-что перешло к Илье и от отца. Сельский шофёр не городской водитель — с электриками, сварщиками, слесарями в гараже. За полсотни километров от села, в степи, на безлюдной дороге надейся только на себя. Фронтная жизнь каждый день учила — приказ должен выполнить при любых обстоятельствах, машина это и твоя походная автомастерская. В первый раз с колен отца покрутил «баранку» Илья, запомнил особый запах кабины, выхлопного дымка. В рейсы Алексей Михайлович сына не брал, не отрывал от учёбы, если только осенью, на базар продать картошки, купить сыновьям-школьникам обновы да кое-что по хозяйству.

...Где он теперь, в поздний час? Какие лощины, бугры выхватывают фары запоздавшей машины, какие спуски, подъёмы дороги среди зажелтевшего тальника, пучков жухлой осенней травы. О чём думает, размышляет он, глава семьи — о делах-заботах, о сыновьях, незаметно подросших и уже определяющих свои пути?

Спать, спать, Илья. Подъём в шесть, без будильника. В крестьянской семье без поблажек, день начинается затемно. До восхода ещё напомним о себе живность в хлеву или вдруг громкая выхлопная стрельба оставленного где-то возле двора трактора.

Сладок ребячий сон на заре, даже если на полу, на потнике, под одним на пятерых, сшитом из овчин, одеялом. Но если побудка всем — надо вставать.

«НИЖНЕУДИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Осень шестьдесят первого, затяжная, солнечная, дала возможность совхозу завершить жатву без потерь, сгладить напряжение последних двух лет. Наконец-то можно было хоть ненадолго разомкнуть круг неотложных дел, собраться вместе им, молодым специалистам, выбраться с ночёвкой на берег Уды. Освободиться от ежедневных забот, оглядеться, увидеть свечение березняковой желтизны, неслышный бег холодной Уды...

К реке, воде его тянуло сызмала, и перед распределением как один из лучших выпускников курса высказал три пожелания: жильё, детский сад, близость реки. Направлял институт в хозяйство двух специалистов Сумароковых — инженера-механика и экономиста. Альбина Михайловна, ставшая женой третьекурсника Сумарокова, в пятьдесят девятом тоже, несмотря на рождение сына, окончила институт. И побыв немного с ребёнком, заняла в совхозе открывшуюся вакансию экономиста.

Совхоз «Уковский» сам по себе был немал, да ещё во время хрущёвских укрупнений присоединили к нему пять хозяйств. Более двадцати тысяч голов на свинофермах, две тысячи крупного рогатого скота, огромные поля для обеспечения хозяйства кормами. (Позже «Уковский» всё же разделили на два хозяйства, выбрав оптимальный вариант.)

Начиналась эпоха механизации сельского хозяйства, все отрасли переводились на «машинную» силу, и главный инженер действительно становился в совхозе главным... Всего два месяца после переезда семьи из Иркутска в Нижнеудинский район был Сумароков заведующим гаражом и вот уже — ответственный за всю технику, разбросанную по ближним и дальним отделениям. Обновление ремонтной базы, снабжение запасными частями, освоение новых технологий... И всё же не это главное. Как наладить отношения с людьми, не споткнуться на первых шагах, не войти в роль командираниначальника. Почему тихий голос одного руководителя подчинённые слышат, без пререканий выполняют распоряжения, а крик другого пролетает мимо ушей...

Директор совхоза, Барахтенёв Алексей Ильич, был из таких, неторопливых, вдумчивых, способный принимать правительные решения и отвечать за них. Но подорванное здоровье требовало поправки. И остались Сумароков и главный агроном, такой же молодой специалист, за старших. А это не только утренние планёрки, доклады районному начальству, подпись многих бумаг, но ответственность за всё хозяйство, где в важных делах за тобой последнее слово.

Был пример отца, Алексея Михайловича. Прочность семейного уклада Сумароков-старший видел во взаимном доверии, уважении, понимании обстоятельств. Большой коллектив — та же семья, от тех же причин разрастается ком взаимных упреков, претензий, и тут до производственных неурядиц один шаг. Воспитывать надо прежде всего не других, а себя. Казалось бы, пустяк, не перебивая, выслушать собеседника до конца, хотя с первых слов виден просчёт. Но бывает и так, что человек видит дальше тебя, у каждого свой опыт.

Главными специалистами хозяйств в те годы были, как и Сумароков, тридцатилетние. В шестьдесят шестом, на межобластных курсах главных инженеров в Иркутске, снялись, как водится, на память. Все до одного — молодёжь. Кто в белой рубашке, при галстукке, кто в свитере... Новое пополнение, гвардия, «безусые комбаты» сельского переустройства.

Техническое перевооружение выводило российскую деревню на новый виток. Обновлялась не только техника, иным становилось отношение к селу, к аграрному сектору экономики. И всё же, при всех успехах, совхоз «Уковский» среди хозяйств области едва дотягивал до середняка. Нужен был новый руководитель, стратег, опытный командир. Обком направил директором в этот отдалённый совхоз Александра Антоновича Тарасова. За ним уже закрепилась репутация хозяйственника, способного вывести из прорыва хронического «слабака».

Наметив вместе с совхозными специалистами комплексный план развития предприятия, Тарасов не оставил его на бумаге. Экономика хозяйства стала укрепляться, появился, пока небольшой, запас прочности. Засушливое лето, неурожай, вспышка заболеваний на ферме не выбивали из колеи, совхоз приближался к цели стать рентабельным. Сам Александр Антонович называл свой «Уковский» Нижнеудинской республикой. На сто двадцать километров раскинулись поля совхоза-гиганта — с посёлками, фермами, токами, ремонтными мастерскими. Повсюду началось строительство и производственных объектов, и того, что принято называть инфраструктурой. Обком подключил к строительству в «Уковском» известные в области СМП-267, трест «Востоксибтрансстрой». Появились новые тока, зерносушилки, возводились животноводческие фермы, телятники, свинарники. В посёлках строилось жильё, детские сады, дома быта...

Три года из девяти, отданных «Уковскому», Сумароков был рядом с Александром Антоновичем. Только три года, но сколько раз потом в тяжёлых ситуациях тарасовский подход к делу выводил его на правильное решение.

Молодые специалисты продолжали учиться. Всё новое, что появлялось в отрасли, передавалось от хозяйства к хозяйству. Новинка в технике доения — «карусель». Сумароков спешит в Омскую область, вникает в детали, мелочи, от которых часто и зависит успех. Была командировка и в Подмосковье, в «Белые дачи», где осваивалась новая технология в свиноводстве. Ручной труд сменила механизация: приготовление кормов, их раздача, удаление отходов... В светлых залах техники, операторы, в каждом корпусе комнаты отдыха.

Для перевода сельхозпредприятий на рельсы промышленного производства требовалось мощное энергообеспечение. Даже в таком посёлке, как Ук (бурятское слово означало пустой мешок), энергоснабжение было местное, от дизельной электростанции. Настало время подключить посёлок, центральную усадьбу, объекты хозяйства к магистральной линии. Подключение запомнилось. Для прокладки высоковольтного кабеля под насыпью Транссибирской магистрали потребовалось на два часа остановить движение поездов. Ответственный за работы — главный инженер. Уложились не только в срок, с опережением.

Там же, в «Уковском», Сумароков познакомился с «хозяйном» области. Однажды в район приехал первый секретарь обкома Семён Николаевич Щетинин. Был он не прибайкальский, а из Донбасса, руководил подпольной работой во время немецкой оккупации. Семён Николаевич собрал специалистов, начал с главного: «Что мешает? Какие трудности?» Вопросы задавал дельные, по существу. Чувствовалось, что за местными неурядицами он видит большее, понимает стратегию развития села. В прошлом остались времена уполномоченных, направляемых из «района» на вспашку, посевную, уборку. Всё строилось тогда на живую нитку, только-только свести концы с концами, выполнить план сдачи молока, мяса, зерна, чтобы накормить города, где поднималась промышленность, зарождались новые отрасли.

В шестидесятые государство уже могло вкладывать в производство продовольствия крупные средства, развивать сельскохозяйственное машиностроение, химическую промышленность, наращивать выпуск минеральных удобрений, поднимать плодородие почвы.

... Тысячи километров в те годы накрутила сумароковская «летучка» с будкой в кузове по долам-горам Прибайкалья. Сто двадцать километров, из края в край — и в осенний дождь, и в февральскую стужу. Монтаж нового оборудования, доводка, регулировка уже действующих линий, консультации молодых специалистов, каким ещё совсем недавно был сам.

Альбина Михайловна уважала профессию мужа. Жёны сельских специалистов, как жёны офицеров, изначально знают, что их ждёт в замужестве. Дальние деревни, посёлки — те же армейские гарнизоны, где никаких бытовых удобств, и работа у мужа не от девяти до шести.

Время молодости, безбрежное, всеподъёмное, когда столько можешь успеть от восхода до вечерней зари. Заполночь, в зимней степи, за рулём, в расстёгнутом полушубке... Прыгают по снежной колее световые столбы, наматывает

спидометр километр за километром, ведут отсчёт новых суток часы. Не на завтра, уже на сегодня выстраивается ряд срочных дел...

Подкладывая чурки в печь, пока пламя не накалит плиту, Илья Алексеевич глянет на жену и на Володеньку, гонящего на полу свой автопарк.

— Завтра в Шипицыно надо ехать.

— До пятницы? — на минуту оторвётся Альбина Михайловна от своих женских дел.

— Как получится...

До Шипицына, самого дальнего отделения, все восемьдесят пять, да ещё две переправы...

Володя, гоня свой транспорт возле стола, вдруг затих. Одолеп сон водителя. Встаёт спозаранку вместе с родителями, полусонный спешит с мамой в детский сад, тоже весь день в делах.

Там, в «Уковском», и появился у Володи младший братишка, Паша. Там же молодые родители собрали старшему сыну в первый раз портфель: тетради, книжки, пенал...

Дарья Ивановна собирала Илюшу в первый класс в тот год, когда ещё призывали на войну, а оттуда, с фронта, разносила почтальонка по домам и солдатские треугольники, и серые конверты с незнакомым почерком.

Триста двенадцать доронинцев, кто пешком, кто на попутном транспорте, ушли в свой срок в районный военкомат.

Сто шестьдесят восемь из них не вернулись под родной кров.

ОТ ПЕРВЫХ ВЕШЕК

В феврале в Прибайкалье привычные для Сибири морозы иногда вдруг потеснит метель, завьёт, закружит, переходя в оттепельную пургу, предвестницу долгих ветров из степной Бурятии...

В феврале семьдесят первого, с раннего утра до темноты, в тёплой куртке, сапогах, осматривал, вымерял Сумароков участок, где намечалось строительство тепличного хозяйства. Не маломерки-теплички, которые были в некоторых колхозах, совхозах, подсобных хозяйствах предприятий — современный тепличный комбинат, способный снабжать овощами, витаминной зеленью население целого города.

Мартовский Пленум шестьдесят пятого определил стратегическое направление: перевод сельского хозяйства на промышленную основу. От малоэффективных колхозов-карликов, артелей, к созданию специализированных сельхозпред-

приятий, применяющих новые технологии. Не лихие хрущёвские прожекты — одним махом распашкой целины, кукурузной компании вывести село из нужды, с его ручным трудом, настагающими через два-три года, как это было испокон, губительными засухами. Научно-обоснованная программа подкреплялась вложением больших средств. Закладывался фундамент сельхозиндустрии, сравнимой с великими промышленными стройками тридцатых. Росло городское население, иными стали запросы. Не только хлеб, макароны, сахар, маргарин, как было в пятидесятые... На столе стали появляться молоко, сыр, колбаса, яйца и не по «коммерческим» ценам. Всё это требовало перевооружения отрасли. Механизация, новые технологии позволяли выпускать больше продукции с меньшим количеством сеян. Только в овцеводстве при выпасной системе по старинке требовалось в стране четыреста тысяч новых работников. Где их взять?

В Иркутской области, вблизи крупных промышленных центров — Братске, Саянске, Усолье-Сибирском с его гигантским химкомбинатом, да и с самим шестисоттысячным областным городом — закладывались комплексные сельхозпредприятия. Не разбросанные по совхозам, колхозам свинофермы, птичники, теплички, а птицефабрики-миллионники, свинокомплексы, тепличные комбинаты. Возводились они вблизи мощных поставщиков теплоэнергии, таких, как Усольская ТЭЦ. Огромный экономический район Восточной Сибири, объединённый в один комплекс, — а именно так в СССР развивалось народное хозяйство, намечалось обеспечивать не привозным, а своим, местным продовольствием. (Птицефабрики-миллионники, построенные в семидесятые-восьмидесятые годы по Программе индустриализации села, и через полвека успешно обеспечивают недорогим куриным мясом, яйцами, уже после уничтожения СССР, регионы России от Мурманска до Владивостока. Таким же путём планировалось обеспечить внутренний рынок в необходимом количестве говядиной, свининой.)

В Усолье-Сибирском предполагалось строительство крупнейшего в Восточной Сибири свинокомплекса, комбикормового завода, птицефабрики, тепличного комбината. С тепличного комбината и началось возведение будущего агрокомплекса.

Не приходилось Сумарокову вести дела такого масштаба, и всё же уковский опыт, уроки школы Тарасова научили видеть и просчёты проектировщиков, и неполадки завтрашнего дня. Обычная практика тех лет: акты подписаны, на бумаге объект сдан, но вместо наращивания выпуска про-

дукции — доделки, переделки, изменения в документации. Авралы, простои, заработки падают, текучка кадров... Всё это обрекает молодое предприятие на затяжное, хроническое отставание.

Работу ведут десятки организаций — тресты, управления, мелкие подрядчики, но руководитель будущего производства должен знать не меньше строителей. Весь день на ногах, с мастерами, прорабами, монтажниками, а вечером, дома, допоздна — чертежи, таблицы, расчёты... Инженерное образование, опыт хозяйственника помогли Сумарокову находить правильное решение. Возведение тепличного комбината, «стеклянного городка», было только частью стройки, требовалось проложить линии теплосетей от ТЭЦ, водоснабжения, канализации...

В конце семьдесят третьего государственная комиссия приняла в эксплуатацию первую очередь тепличного комбината, а уже через три месяца в «стеклянном городке» собрали первый урожай. Строительство ещё не завершилось, но Сумароков убедил руководство вводить производственные мощности частями, одновременно готовя специалистов-тепличников.

Способных молодых руководителей «наверху» включали в кадровый резерв, на повышение. В апреле того же года Сумарокова вызвали в Иркутск. Так и стал Илья Алексеевич руководителем Дирекции строительства будущего Усольского свинокомплекса. Намечалось возвести его за четыре года — уже по этим срокам можно было судить о масштабах будущего предприятия.

Далёкие от экономики люди считают, что строительство предприятий в СССР велось из государственного, казённого кармана. Бери, сколько хочешь. Но будущему свинокомплексу из государственных средств безвозмездно выделялась только четверть, остальные средства выдавались в виде беспроцентного кредита на десять лет. (Свинокомплекс «Усольский» за счёт прибыли предприятия рассчитался с займом за четыре года.)

Это была громадная стройка. Поблизости возводилась птицефабрика на двести пятьдесят тысяч кур-несушек, комбикормовый завод на пятьсот тонн продукции в сутки. Одновременно закладывался для работников агрокомплекса посёлок Белореченский на десять тысяч жителей.

— Что было там, где сейчас многоквартирные дома, улицы, магазины, Дом культуры? — вспоминает Илья Алексеевич. — Да ничего. Чистое поле. Недалеко Московский тракт, из Красноярска на Иркутск, Читу...

К городку надо было проложить дорогу, коммуникации, дать тепло, сделать всё, что называют бытовым обустройством.

Прямой обязанностью руководителя дирекции строительства будущего предприятия было обеспечение оборудования, его поставки, контроль за сроками монтажа. В действительности с первых месяцев назначения приходилось вмешиваться постоянно и в проектные, и в строительные дела. Не один раз в году Сумароков с исправленной документацией летал в Москву. Его расчёты, поправки проходили экспертизу в Госплане СССР, Госстрое, Министерстве сельского хозяйства. Изменения требовали дополнительных средств, но Сумароков считал, что лучше потратиться сейчас, чем потом вкладывать многократно больше. Сумел он доказать, что квартирами надо обеспечить не менее семидесяти процентов работников. Случайно набранные люди, без жилья, не задержатся надолго на производстве. Стабильность, планомерная работа невозможны при текучке кадров. Девять лет отдавший «Уковскому», он знал, какое это тонкое дело — свиноводство, и какой катастрофой может обернуться массовый падёж.

На первой стадии оборудование поступало импортное, потом многие механизмы, агрегаты стала выпускать наша промышленность. Авторы проекта, итальянцы, такого гигантского комплекса у себя так и не возвели — общая площадь земель с полями кормовых трав для гранулированных кормов — более пятисот гектаров!

По ходу строительства подбирались кадры, в основном специалисты из свиноводческих хозяйств ближних районов — Нижнеудинского, Тулунского. И первый вопрос директору — жильё. «Через сколько получу?» — «Через полгода».

Человек быстро привыкает к хорошему. Стали заселять первый дом на семьдесят квартир. Головная боль директору: «Почему Наталье дали третий этаж, а мне пятый?» Встречный вопрос: «А сколько ждут жильё в других местах, тоже полгода?» Не станешь объяснять каждому, что сам он получил ключи от квартиры только через двенадцать лет после института. Только здесь, в Усолье, его сыновья впервые смогли вволю поплескаться в своей ванной. Не говоря уже про Альбину Михайловну. На кухне из крана горячая вода! И утром просыпаешься в тепле, не подбрасывая ночью в печку дровишки.

Двадцать третьего октября семьдесят восьмого года министр сельского хозяйства РСФСР Леонид Яковлевич Флорентьев подписал приказ о вводе комплекса в строй. Помнит Илья Алексеевич этот день, не многим выпадает в жизни та-

кое. В поле, на пустоши выстроить огромный комбинат — животноводческие корпуса, технические службы, очистные сооружения...

Первые два года молодняк завозили из других хозяйств, а в 1980-м построили свою племенную ферму. Через четыре года комплекс работал на полную мощность. Особое внимание уделяли кормам. Здоровье живности во многом зависит от их качества. Комбикорм — продукт непростой. По паспорту — всё в порядке, соответствует требованиям, а на самом деле кормить таким «обедом» нельзя. Подмоченное зерно полежало немного в буртах, подгорело, но владелец сдаёт его на комбикормовый завод, у которого тоже свои интересы. Многому учился тогда и сам директор, и его специалисты, и весь коллектив.

Через восемь лет после пуска свиновхоз, носивший тогда название им. 60-летия СССР, был занесён на ВДНХ на Всесоюзную Доску почёта. Рядом с ним — знаменитый Иркутский авиационный завод.

В восьмидесятые годы возведённые в стране агрокомплексы развивались, совершенствовались. Нарастивался опыт — и свой, отечественный, и братских стран. В составе делегации, посетившей Польшу, был и Сумароков. Побывали на сельхозпредприятиях в двух воеводствах, кое-что взяли «на карандаш».

В пору «перестройки» в Усолье создаётся агрокомбинат. Вошли в него совхозы, «Сельхозтехника», птицефабрика, молочный комбинат и, конечно, флагман сельхозпроизводства района — свинокомплекс.

Возглавил агрокомбинат, оставаясь директором своего предприятия, Илья Алексеевич Сумароков.

ПРИЕЗЖАЛИ В УСОЛЬЕ МИНИСТРЫ

С начала строительства комплекса, с первых котлованов, траншей, первых бетонных свай, за четыре года побывало в Усолье-Сибирском немало столичных руководителей. Проектировщики, начальники главков, ведущие специалисты... Встречал Илья Алексеевич и на строительстве, и потом, на действующем предприятии, министров, ответственных работников ЦК. Все они начинали когда-то трудовую жизнь рядовыми агрономами, зоотехниками, инженерами, как и сам Сумароков. Знали вековую бедность российского села, его затяжные хвори, губительность скоропалительных «реформ». Не из докладов, отчётов, справок хотели они знать возможности новых технологий в наших условиях, своевременно внести поправки при возведении новых сельхозпредприятий.

А строились они и в Ленинградской области, и в Подмоскowie, и в Поволжье, и в Сибири...

После смещения Хрущёва осенью шестьдесят четвёртого новые руководители Брежнев и Косыгин редко появлялись «на людях»; прекратились заграничные вояжи вроде шумных визитов в Америку с Шолоховым и в Англию с Булганиным, поездки-накачки по стране с выступлениями-поучениями хозяйственников, партработников, учёных — как надо пахать-сеять, чтобы догнать и перегнать Америку... И в промышленности, и в сельском хозяйстве началась, без призывов и поучений, повседневная хозяйственная работа. В колхозы, совхозы стала поступать современная техника. В сельских домах, квартирах, как у горожан, появились холодильники, телевизоры, стиральные машины. Выходным днём, кроме воскресенья, стала и суббота.

За мартовским Пленумом шестьдесят пятого, подготовленного с учётом опыта передовых хозяйств, рекомендаций ведущих учёных, институтов, последовала глубокая разработка программ, накопление ресурсов для их выполнения. В конце шестидесятых — в начале семидесятых большие перемены коснулись самых отдалённых сёл и деревень.

Совхоз «Уковский», школа Сумарокова, считался хозяйством многоотраслевым, и всё же свиноводство было стержнем его экономики. Опыт тех девяти лет, с ошибками и достижениями, пригодился Сумарокову в Усолье. Важно было знать, на каких участках будущего предприятия-гиганта возможны сбои, что нужно сделать сейчас, при строительстве, чтобы их избежать. На промышленном предприятии изменить планировку помещений, сделать перестановку оборудования, внести поправки в технологию значительно проще, чем на «живом» производстве с десятками тысяч обитателей. Следил Сумароков и за первыми шагами уже действующих предприятий, встречался с коллегами, с такими же в основном молодыми руководителями, брал на заметку их опыт.

На карте СССР появлялись новые города. В Сибири, на Урале, Дальнем Востоке формировались промышленные районы — второй эшелон промышленной базы страны, заложенный в годы Великой Отечественной. Городское население промышленных областей, таких, как Иркутская, приближалось к восьмидесяти процентам. Решить продовольственное обеспечение могли только крупные агропредприятия. Правительство понимало важность этой проблемы. За год до пуска свиного комплекса Усолье посетил председатель Совета министров РСФСР Михаил Сергеевич Соломенцев.

При завершении строительства без задержки, через Москву принимались срочные решения.

Особый след в жизни Сумарокова оставил Леонид Яковлевич Флорентьев. Это был близкий к земле, свой по духу человек. Волжанин, агроном по образованию, впоследствии доктор экономических наук — прошёл путь от довоенного специалиста МТС, преподавателя сельхозинститута, до Наркома земледелия Марийской АССР. В тяжёлые послевоенные годы председатель Ульяновского облисполкома Флорентьев сумел поднять земледелие, животноводство области. При нём был пущен Ульяновский автозавод, давший селу те самые «УАЗы», способные одолеть сельское бездорожье, при нём впервые ребятишки из отдалённых сёл стали ездить в школу на автобусах. До этого и три, и пять километров ребячьи стайки отмеряли каждый день. В годы освоения целины возглавлял Флорентьев Алтайское краевое управление сельского хозяйства, позже был секретарём Алтайского крайкома. Он знал уклад крестьянской семьи, знал не только современное село с механизированным трудом на полях и фермах, но и старую деревенскую жизнь, когда каждая семья, как могла, выбивалась из нужды.

Нечиновный, простой в общении и с руководителями колхозов, совхозов, и с бригадирами, механизаторами, доярками, скотниками, он видел главное, понимал, что может двинуть вперёд сельское хозяйство. Миллионы гектаров земли, миллионы живности, тысячи и тысячи посёлков, центральных усадеб, отделений, глухотных деревень... Пашня, молочное хозяйство, птицеводство, свиноводство — не завод, где за два-три года можно сменить оборудование, поднять производительность труда. Прибыль коллективного хозяйства, достаток семей наживаются годами.

В столице назначение министром сельского хозяйства часто расценивалось как опала. Во времена Хрущёва так и было с назначением Д.С. Полянского министром сельского хозяйства СССР. Золотую Звезду Героя Соцтруда едва ли получишь на этом поприще. Засуха, охватывавшая огромные зерновые районы, неурожай, бескормица скота — положение не выправишь совещаниями, циркулярами... Флорентьев думал о завтрашнем дне, реально понимал возможности бедных аграрных стран, какой была Россия всю свою историю. Без крупных вложений в агропром, внедрения новых технологий ждать заметных сдвигов в отрасли — пустые надежды. Опыт богатого Запада подсказывал: даже при их финансовых возможностях, покровительстве агросектору во второй половине двадцатого века наметился рост механизированных, ав-

томатизированных, специализированных производств. Мелкие семейные фермы, при всех льготах, субсидиях в той же Америке неуклонно разоряются. Слабосильное, кустарное производство не в состоянии дать дешёвую товарную сельхозпродукцию. Сельское хозяйство СССР, а это четверть ВВП страны, не может жить вчерашним днём, всё больше отставая от достижений промышленного сектора.

Как крестьянин, обдумывающий каждый шаг, Флорентьев предвидел последствия принимаемых решений. И, будучи секретарём Костромского обкома партии, отказался выполнять указания Хрущёва о масштабной распашке клина многолетних трав. Агроном Флорентьев знал, что распашка подорвёт на многие годы и растениеводство, и животноводство области. В те времена «отсталых травопольщиков» громили в центральной печати, высмеивали в частушках на концертах художественной самодеятельности. Надо было иметь крестьянскую твёрдость, чтобы не смалодушничать, не пойти вслед исполнительному большинству. До восемьдесят третьего года Леонид Яковлевич возглавлял Министерство сельского хозяйства РСФСР, положив немало сил на залечивание «ушибов» от хрущёвских новаций, обещавшего «построить коммунизм уже при жизни нынешнего поколения».

В семидесятые, восьмидесятые годы упрочнялась техническая база, внедрялись достижения науки, вкладывались немалые средства в обустройство деревни. За годы флорентьевского руководства «вал» сельхозпродукции вырос почти в два раза, производство зерна увеличилось более чем в полтора раза, мяса в 1,9 раза, яиц в 5 раз, сбор овощей и фруктов увеличился вдвое. Началось масштабное улучшение земельных угодий: мелиорация, поливное земледелие, подкормка полей минеральными удобрениями. В колхозах была введена денежная оплата труда. Сколько за эти годы было построено на селе школ, детских садов, стадионов, спортивных залов, бассейнов, сельских поликлиник, больниц, колхозных домов отдыха, санаториев на Чёрном море, в горах Кавказа. И строились они на средства самих хозяйств. В каждом крае, области появились хозяйства-миллионеры — пример другим, как можно на этих землях, при этих погодных условиях развивать экономику, получать прибыль. Так, к Василию Александровичу Стародубцеву в Тульскую область приезжали за опытом не только гости из союзных республик, стран народной демократии, но и практичные «капиталисты».

Флорентьев не довольствовался московскими встречами с руководителями совхозов, колхозов, промышленных сельхозкомплексов на совещаниях, конференциях, семинарах.

Выезжал в ближние, центральные области России, которые хорошо знал, посещал Сибирь, Дальний Восток. Не из отчётов, справок знал министр реальное положение в своей огромной отрасли.

Его приезд в Усолье меньше всего походил на инспекторскую проверку. Леонид Яковлевич расспрашивал, выяснял, что тревожит молодого директора строительства, размышлял вместе с ним о будущем российского села. Тогда, в семьдесят пятом, всё было разрыто, перекопано — горы грунта, песка, траншеи, ленты фундамента. Леонид Яковлевич слушал пояснения, где будут откормочные корпуса, подсобные цеха, очистные сооружения. Слушал, вздыхал: тот год выпал засушливый, неурожайный, с хлебом перебоев не ожидалось, но в животноводстве с кормами трудностей не избежать.

Таким же вдумчивым, знающим дело, был и Виктор Петрович Никонов, сменивший Флорентьева. Чуть старше Сумарокова, хуторской, уроженец донского края, после института по распределению начинал трудовой путь агрономом в Красноярском крае. Руководил МТС, как и Флорентьев, в своё время был выдвинут на партийную работу. Прошёл школу Поволжья, с его бедными почвами, засухами, жестокими ветрами. Министром сельского хозяйства Никонов стал, значительно укрепив Всесоюзное производственно-научное объединение «Сельхозтехника». С восьмидесят пятого, сменив главного «по селу» Горбачёва, почти до конца «перестройки» был секретарём ЦК по аграрной отрасли.

Чувствовалось, что с генсеком-юристом, считавшим себя, как и Хрущёв, знатоком села, у агронома Никонова разные взгляды на назревшие проблемы. Надо не ломать, перекраивать схему управления, а материально укреплять, развивать сельскохозяйственное производство с применением новейших технологий. На опыте передовых производств, считал Никонов, таких, как Усольский комплекс, надо подтягивать другие хозяйства, ставить производство продовольствия на индустриальную основу.

С началом горбачёвской «перестройки» хозяйственные дела в стране отошли на второй план. Запущенное сверху умелой рукой колесо разоблачений, обвинений власти, осмеяние российской истории, стремительно набирало обороты. Не только сельскохозяйственный сектор, экономика всей страны покатила в пропасть.

Последний раз Виктор Петрович был в Усолье в восьмидесят восьмом. Комплекс отмечал своё десятилетие. Шла реконструкция участков, монтировалось более современное оборудование, металлические фермы цехов покрывали от

коррозии эпоксидной смолой... В том же году в городке аграрников Белореченском открыли садик на сто сорок мест, сдали ещё один, пятый по счёту, многоквартирный дом. Очередников на отдельные квартиры оставалось всего двадцать шесть семей. Только бы радоваться гостю таким успехам.

Сумароков не мог не уловить в настроении Никонова затаённой тревоги. Там, «наверху», назревали грозные события. Виктор Петрович знал, конечно, куда больше директора Усольского предприятия.

Держава стояла у последней черты.

«В ИСЛАНДИИ, НАПРИМЕР...»

На фотографии, накануне вылета из Иркутска в Москву, стоят они в два ряда, двенадцать человек... Май восемьдесят девятого, Первый съезд народных депутатов. Как-будто прежние депутаты Верховного Совета СССР, такие же председатели колхозов, учёные, токари, врачи, не были народными представителями. Многих с той фотографии уже нет, как и Валентина Григорьевича Распутина, вернувшегося в марте 2015 года спецрейсом из столицы в родной Иркутск, в ограду Знаменского монастыря, теперь уже навсегда.

А тогда, весной восемьдесят девятого, летели они в столицу — и верившие горбачёвским рассуждениям про социализм «с человеческим лицом», и чувствовавшие недоброе от «перестроечной» чехарды. Ничего не производящие кооперативы с тысячными зарплатами, выборные директора, по малоопытности губящие производства, а наиболее дальновидные — уже приступившие к растаскиванию предприятий, созданию этих самых жульнических «кооперативов». Рвались по-живому многолетние связи со странами СЭВ, внутри страны стремительно разрушался фундамент народного хозяйства. Из четырёх тысяч народных депутатов только небольшая группа, примыкавшая к горбачёвской команде «перестройщиков», знала, что под личиной «рыночной экономики» начинается реставрация капитализма.

С начала строительства комплекса не один раз в году приходилось Сумарокову летать в Москву по делам службы: утверждение изменений в проектах, экспертизы специалистов, совещания в главках. Теперь же летел как депутат, не очень-то веря, что экономические проблемы государства можно решить общим голосованием. В любом деле правильное решение могут принять только знающие это дело специалисты, практики, а не краснобаи-всезнайки.

В семидесятые–восемидесятые годы появились первые результаты нового магистрального направления в сельском хозяйстве. Рядом, в Красноярском крае, вблизи индустриальных гигантов, запущены, дают продукцию современные комплексы по производству говядины, свинины, баранины, птицы. Вступил в строй крупнейший на Северо-Востоке Сибири Первомайский откормочный свинокомбинат... Передовые технологии, современное оборудование подняли производительность труда в три-четыре раза выше, чем на старых фермах. В крае действуют два новых откормочных свинокомплекса, рассчитанных на 108 тысяч «постояльцев» каждый.

Да и само Усолье... Всё, что в начале семидесятых было в чертежах, возведено, действует. Тепличный комбинат, птицефабрика, свинокомплекс со своей, построенной в восьмидесятом году, племенной фермой. Начинается объединение сельхозпредприятий района в агрокомбинаты — с переработкой, своими фирменными магазинами.

Но в прессе, по телевидению всё больше набирала обороты кампания по очернению существующего сельского хозяйства и восхвалению фермерства. От новых технологий, механизированных комплексов, современных поточных линий — к единоличнику-кустарю начала века с вилами и лопатой, с его десятком поросят и двумя бурёнками. Далёкие от земли «специалисты», вроде «асфальтового фермера» Юрия Черниченко уверяли, что тысячи и тысячи горожан горят желанием работать «не на государство, а на себя». Знал ли кто из тех горожан, что «перестройщики» готовят делёж-разграбление общенародной собственности, в том числе и земли — по проектам гарвардских, госдеповских советологов, вдруг воспылавших любовь к врагу-конкуренту, тому самому «дракону». (После разгрома СССР один из конгрессменов объявит: «Дракон убит».)

Встречала Москва «народных», конечно, не так, как чешушкинцев или Гагарина, но «свободная» пресса заходила в восторге: всенародно избранные покажут партократам, как надо управлять государством. (Осенью девяносто первого «всенародно избранные», похоронив великую державу, самораспустятся, разбегутся, как мыши, по своим углам.)

Кремль, Дворец съездов... Сумароков как руководитель крупного производства не раз был участником многих совещаний, конференций, пленумов, но такого пустозвонства, базарного галдежа, войны амбиций видеть не приходилось. У микрофонов в зале — хвосты желающих врезать «правдую матку». Прямая трансляция — как же не покрасоваться на экране на всю страну? «Мои избиратели дали наказ...», «От имени моих избирателей...» Претензии, обвинения, требова-

ния... К кому? И ни одного дельного совета, предложения, как укрепить экономику, в каком направлении идти. Да и кто из них знал реальную жизнь, производство, имея дело с бумагой, пером, конспектами лекций, как какой-нибудь профессор-юрист, по вечерам с мегафоном у метро излагавший свою программу превращения мощнейшего индустриального центра страны в Северную Венецию, с небывалым доходом от иностранных туристов...

Но за всей этой бестолковщиной, шумихой, чувствовалась тайная сила, набирающая вес, и сила нешуточная. Уже на первых заседаниях Сумароков почувствовал, насколько за годы «перестройки» расшатаны устои нашего многонационального, великого дома, насколько хрупок мир в этом доме и насколько мудр и твёрд в своих решениях должен быть глава многомиллионной семьи. Но этот «глава» то ли сам не видел, куда завёл, то ли затеял тайную игру, всё чаще встречаясь с лондонскими и вашингтонскими «друзьями». Карабах, Прибалтийские республики, Закавказье... Понимал ли «глава» и его окружение, куда эта игра может завести, или преднамеренно вёл к этому?..

Депутатов-сельхозников пригласили на Старую площадь, в ЦК. Зал мест на четыреста. В президиуме члены Политбюро, Николай Иванович Рыжков, сам Горбачёв. Обычные разглагольствования о перестройке, гласности, ускорении, новом мышлении. Никаких цифр, программ, задач. Всё образуется само собой, рынок сам отрегулирует, единоличник-фермер накормит страну. Пример? «Архангельский мужик» с его шестью десятками бычков. «Сколько стоит у вас килограмм мяса? Вот. А у него вполонину дешевле». Конечно, ни слова о том, что бычки взяты на откорм из совхоза, как и трактор «Беларусь». ГСМ, комбикорма, и вся огромная социалка лежит на плечах совхоза.

Соседом Сумарокова оказался председатель колхоза с Украины. Переглянулись, без слов понимая друг друга. Только-только стала укрепляться огромная отрасль, приобщаясь, как и промышленность, к современным технологиям, и вот — «шестьдесят бычков»... Это даже не хрущёвские гонения на «отсталых травопольщиков».

Первым взял слово Стародубцев.

Горбачёв бросил реплику:

— Снова будешь говорить о долгах?

— Буду. Долги селу надо возвращать. А с тридцатых их набралось, если посчитать...

Героя Соцтруда Василия Александровича Стародубцева знала вся страна. (Тогда печать рассказывала о таких талан-

тливых хозяйственников, изобретателях-самородках, замечательных тружениках на селе и в городе, а не о серийных убийцах, маньяках, мошенниках, как станет вскоре.) Захудалый колхоз-должник стал при Стародубцеве многоотраслевым хозяйством с миллионной прибылью. Хватило средств и на повышение зарплаты колхозникам, на развитие агропредприятия и на обустройство центральной усадьбы. В Спасском было всё, что имеют горожане, даже музыкальная школа для ребятешек...

В зале собрались те, кто, пройдя путь от агрономов, инженеров-механиков до руководителей колхозов, совхозов, областных управлений сельского хозяйства, в отличие от юриста-перестройщика, знали, каких усилий, затрат требуется, чтобы на сотню килограммов увеличить на ферме удои, поднять на десяток центнеров урожай.

Илья Алексеевич здесь, в этом зале, думал о судьбе хозяйства Приангарья. Знал он особенности районов, лучшие и отстающие хозяйства области, слабые места сельской экономики, которую постановлениями не выведешь к процветанию. Сложнейшая отрасль, около трёх сотен колхозов и совхозов, хотя и в неполном объёме обеспечивала продовольствием промышленную область. Что ждёт её, брошенную в рыночный омут? Десятки хозяйств без государственной поддержки обречены на разорение. Сколько останется без работы кормильцев семей?

За Стародубцевым дали слово Сумарокову. На примере своего хозяйства он пытался объяснить президиуму — не залу, от имени собравшихся он и выступал, — в каком направлении надо двигаться. Не разрушать созданное, учитывать мировой опыт концентрации, специализации сельскохозяйственного производства. По настроению президиума чувствовал — хотели бы слышать другое. Это и высказал Горбачёв, подводя черту. Не поставив в пример подмосковный Раменский агрокомбинат, где соединили воедино производство молока, мяса, зерна, их переработку, где построили звероводческие фермы и из своей пушнины шьют модные куртки. Клич прежний: «Фермер накормит страну!».

И «процесс пошёл». По указанию-приказу сверху разрушалась система государственных закупок сельхозпродукции, ломалась схема централизованного распределения комбикормов, техники. Каждая республика, область в этой чехарде тянула «одеяло» на себя. Механизм распределения комбикормов для многомиллионного живого хозяйства страны разом выключили — как хотите, обеспечивайте сами себя. Открывался прямой путь к гибели сотен крупнейших сель-

хозпредприятий, уничтожалась продовольственная безопасность страны. Заокеанские наставники перестройщиков умалчивали, что в их собственной системе всё жёстко регулируется — и мощные агрохолдинги и мелкие фермы заранее получают план-задание от министерства с точным указанием закупочных цен. И дотации на каждый гектар, на каждый центнер продукции выплачиваются в разной форме неукоснительно.

В СССР с ликвидацией Госплана, Госснаба, многих структур на местах, огромная отрасль обрекалась на гибель.

А в Кремлёвском дворце всё больше накалялись страсти, далёкие от забот жителей сёл и городов. Комиссия по претензиям Польши, комиссии по репрессиям, по договору между Германией и СССР, для вящей значительности названному пактом, хотя такие «пакты» задолго до СССР подписали четырнадцать государств Европы, в том числе и Польша...

В декабре восемьдесят девятого, на Втором съезде ещё обсуждались меры по оздоровлению экономики, но процесс уничтожения планирования, государственного регулирования всё глубже затягивал страну в воронку хаоса — с невиданным обесцениванием рубля, неудержимым падением производства. Горбачёв, чтобы как-то свести концы с концами, загонял СССР в кабальные долги.

С полок магазинов стремительно исчезали ходовые и лежащие товары. Дефицит, очереди, нарастающее недовольство. Схема свержения неугодных режимов, отработанная в Чили, Латинской Америке, действовала безотказно. Чем хуже, тем лучше. «Вот до чего довели страну. Даже за сигаретами стой полдня». Чего уж жалеть такую власть, туда ей и дорога!

Рынок подразумевался как лекарство от всех бед. В том рыночном мороке едва ли кто и услышал бы голос здравого смысла, что речь идёт о возвращении российского капитализма с засильем иностранных монополий, вывозе из страны миллиарда золотых рублей при бюджете в полтора миллиарда, массовых голодовках через каждые пять-шесть лет и выделению на «народное здравие» из казны шестнадцать копеек в год на душу населения.

Рядом с Сумароковым, на всех заседаниях был Валентин Григорьевич Распутин, близкий по духу, взглядам на жизнь человек. Его выступление в предчувствии грядущих бед, с болью о судьбе страны запомнилось многим. Но это — исключение, дирижёры съезда всё чаще давали слово «своим», больше известным на Западе, чем дома.

Горбачёв, при обсуждении всех важных вопросов, обращался в первую очередь к главному авторитету, физику Сахарову. «А что думает Андрей Дмитриевич?». А думал Андрей

Дмитриевич всё то же, что многократно излагал и по «Голосу Америки», и на «Свободе», филиале всё того же Госдепа. Летом восемьдесят девятого в «Огоньке» появилось большое интервью с академиком. Учёный муж авторитетно заявлял, что знает причину всех наших бед. Очень уж он большой, этот СССР. «На самом деле мы видим, что в малых государствах жизнь и лучше, и свободнее, и безопаснее, чем в больших, как правило... В Исландии, например». Что делать со страной? Да распустить все республики, автономии, края, области, распустить всю Россию. Потом потихоньку пусть собираются, если захотят. А не захотят, пусть так и живут, как в трёхсоттысячной Исландии... На такое не замахивались даже Киссинджер и сам Бжезинский, мечтавшие расчленить СССР на сорок девять карликовых государств. Конечно, под присмотром Америки и полным контролем над российскими богатствами. Пусть удельные князьки терзают народ в кровавых междоусобицах, как во времена Калины, да исправно платят ясак.

От съезда к съезду состав редел: убедившись в пустой трагедии времени на депутатских «сидениях», уже на Второй съезд не приехал знаменитый кардиолог Амосов, другие известные в стране люди. «Процесс» продолжался, экономика рушилась, московские «сидения» депутатов были ширмой для горбачёвских «перестройщиков».

Илья Алексеевич был на всех съездах, в том числе и на «тёмном», когда ненужные теперь депутаты самовольно собрались в Подмосковье, в здании с отключенными коммуникациями и обрезанным светом.

Распустил съезд сам Горбачёв после странного «путча». Дело сделано, пора по домам. Не до вас, господа-товарищи. Так и выпроводили по-тихому «всенародно избранных» из Москвы.

А выступить Илья Алексеевич хотел только один раз, в декабре восемьдесят девятого, после расстрела Чаушеску и его жены. Хотел задать один вопрос Горбачёву. Как же так — недавно встречались, обнимались и вдруг президент страны-союзицы расстрелян военными. Неужели спецслужбы вовремя не донесли?

Не дали слово иркутскому директору.

Пробил час предательства, измены, лжи.

КАПИТАЛИЗМ

Капитализм в Усолье, как и по всей стране, начался с разграбления, захвата народной собственности. Разграбление назвали уклончивым словечком «приватизация».

Наверху гигантские металлургические комбинаты, заводы, фабрики, шахты, морские порты переходили в руки теневиков, «криминала», чиновников; стратегические объекты оборонки с новейшими разработками «акционировались» американскими компаниями и вскоре банкротились. Внизу народ, доверчивое дитя, разглядывал фантики, те самые чубайсовские ваучеры. Разорялось нажитое потом и кровью нескольких поколений.

Приходили вести из Доронинского. Колхозную технику — трактора, комбайны, машины раздавали по дворам. Без ремонтной базы, специалистов техника, как и в тысячах других разорённых колхозов и совхозов России, превращалась в ржавый металлолом. Нарезанные паи «осваивал» бурьян.

Тётя Ильи Алексеевича, сорок лет отдавшая общественному хозяйству, тоже пришла в правление. «Бери, — сказали ей, — вон, здание фермы, пили с угла». Женщина заплакала. Остался один на один со своей бедой трудовой человек.

Акционировался и Усольский свинокомплекс. Только не так, как другие предприятия, где руководители, часто не без личной выгоды, подчиняясь указаниям сверху, позволили разорить общественную собственность. «Усольский» пошёл по другому пути. В Устав хозяйства, по предложению Сумарокова, записали центральный пункт: собственность коллектива неделима, это общее достояние. И даже если один пайщик будет против дележа, его голос станет решающим.

В основу документа легли положения проверенного десятилетиями колхозного Устава.

«Прибайкальский», с 1977 года совхоз имени 60-летия СССР, избежал участи дробления-разграбления, став народным предприятием. За десять лет, с момента пуска комплекса, хозяйство вошло в десятку лучших предприятий области. На ВДНХ, на Всесоюзной Доске почёта, комплекс соседствовал со знаменитым Иркутским авиационным заводом. Такой куш хотели прибрать к рукам многие. Сумароков оставался твёрд: хозяин комплекса — коллектив. А в области, как и по всей стране, началась открытая расправа с несговорчивыми. Шквал разоблачений, запущенный в СМИ, о «терроре тридцатых», должен был заглушить взрывы, выстрелы, автоматные очереди на улицах, в кабинетах, подездах. Кто подсчитает теперь, сколько несговорчивых директоров совхозов, председателей колхозов, руководителей фабрик, заводов, НИИ погибли в те годы на скрытной делёжной войне. Выбивали в стране лучших, самых честных, совестливых — от академика, физика Глебова до заведующего РОНО, не позволившего «приватизировать» здание детского садика. (Потери афганской

войны, как известно, пятнадцать тысяч. Вывод войск из Афганистана отмечается ежегодно. Будет ли когда отмечаться День памяти тысяч и тысяч жертв девяностых, на какой площади установят Памятный камень?)

Криминальный террор имел и другую, подспудную цель: загнать человека за оконные решётки, стальные двери квартир, чтобы не путался под ногами во время дележа.

Огромный комплекс, с непрерывным циклом, сложной системой очистных сооружений, требовал напряжения всех сил. Каждый день, в пургу или в зной, в будни и в выходные — подай в корпуса тонны корма, и не какого-нибудь сорного зерна, прикупленного по случаю. От плохого корма живность слабеет, снижается иммунитет, начинаются болезни, падёж... А где его взять, хороший корм, если хозяйства в округе разорены, подрублены под корень запредельными ценами на топливо и запчасти, дикими процентами кредитов, без чего не обойтись... Плановые государственные закупки сельхозпродукции по твёрдым ценам отменили еще горбачёвские «перестройщики», хотя в «цивилизованных странах» на этом держится село. Закупать зерно пришлось в соседних областях, именуемых теперь регионами, и даже в дальнем зарубежье.

В 1993—1994 годах комплекс, сменивший в третий раз имя, выдержал тяжёлое испытание, эпидемию, как называют её специалисты, классической чумы. Ужесточили санитарные требования, провели вакцинацию, усилили витаминную подкормку. От нашествия нынешней африканской чумы, против которой ещё не создана вакцина, в «Усольском» защищаются специальным карантинным режимом. Для исключения въезда «чужого» автотранспорта, новый склад кормов построили вне основной территории комплекса. Не посещают посторонние производственные участки, где растёт поголовье. Даже человеческое дыхание может стать источником вирусной беды.

После первой пятилетки «деиндустриализации», сгубившей тогда большую часть из восьмидесяти тысяч уничтоженных предприятий страны, «Усольский» стал учитывать законы «дикого» рынка. Взяли в свои руки не только переработку, но и торговлю — создали сеть своих точек. Каждый день, каждое утро в фирменные магазины Усолья, Иркутска, Ангарска, Черемхово поступает более шестидесяти тонн сарделек, сосисок, колбас, буженины, ветчины — от деликатесов до вполне доступных по цене продуктов. А начинал свою работу колбасный цех с шести тонн...

В СССР действовали ГОСТы, за рецептурой, технологией был жёсткий контроль санэпидстанции, лабораторий. В ка-

питалистической России рецептуру, технологию диктуют не качество, а максимальная прибыль, даже при экономическом спаде, хронической инфляции. Жители и райцентра, и городов, где есть фирменные магазины «Усольского», покупая его продукцию, знают: здесь без обмана.

Качество — это не только «безобманный» состав из свинины, говядины, но и тонкие вкусовые качества. На Западе опыт мастеров передавался из поколения в поколение. Европа, не перенёсшая столько иноземных нашествий, войн, занимавшаяся земледелием в более благоприятном климате, жила благополучнее, сытнее Руси, не всегда имевшей вдоволь хлеба засушного. Общение с коллегами из Франции, Германии, Австрии стало той самой школой, где ремесло поднимается до высот искусства. Особенно полезной оказалась поездка в Ганновер. Там и познакомились усольцы с фирмой, выпускающей самое современное оборудование по переработке мяса.

Оборудование можно найти на зарубежных выставках, приобрести, запустить самую современную линию. С кормами всё не так просто. В мелких хозяйствах у единоличника-фермера зерно часто некачественное, передержанное. Бытует представление, что чушка всё съест. Приходится закупать в других регионах, у надёжных поставщиков, увеличивая дополнительные, транспортные расходы. Сельское хозяйство — отрасль малоприбыльная, если не сказать, убыточная. Семьдесят пять процентов доходов японских фермеров составляют дотации из бюджета. Ежегодно на это тратится шестьдесят пять миллиардов долларов, почти столько же расходуется и в США на значительно большей площади сельскохозяйственных земель. Не имея поддержки из федерального бюджета и получая лишь небольшую из местного, «Усольский» живёт, выбираясь из кризисных передряг, при восьми процентах рентабельности.

Бывал Илья Алексеевич и в странах Евросоюза, которые нам постоянно ставят в пример, и за океаном, в Америке, с её мягким, ровным климатом. Стенки помещений, где растёт молодняк, пятнадцать сантиметров, этого там достаточно. В Сибири, где морозы за тридцать, надо возводить корпуса с толщиной до шестидесяти четырёх сантиметров. В опоросном помещении, как требуют специалисты, температура должна быть не ниже двадцати пяти градусов. И это только один пример из многих...

— Вступление в ВТО, как и предупреждали мы политиков, — говорит Илья Алексеевич, — ничего не принесло российскому селу, кроме новых убытков. Если Китай, вступая,

выторговал себе множество уступок, а некоторые статьи тут же «заморозил», чтобы оградить интересы своих крестьян, то наши «эффективные менеджеры» не только подписали одним махом весь блок документов, но и потребовали от селян неукоснительного выполнения, пригрозив непослушным применить экономические рычаги. Не только мелкие хозяйственники, но даже руководители крупнейших сельхозпредприятий, даже депутаты-аграрники Госдумы не знали до последнего момента, на каких условиях страна вступает в ВТО. В документе более сотни пунктов, и все они направлены не на развитие нашего сельского хозяйства...

Что говорить о России, если даже в Финляндии, после вступления в Евросоюз и ВТО, молочное животноводство стало убыточным — многие фермеры отвели коров на мясокомбинаты и, чтобы чем-то занять себя, пытаются переключиться на «сельскохозяйственный туризм». Сдают горожанам на выходные жилые строения, обеспечивают лодками для рыбалки. Подрублины вековые корни крестьянского уклада. Переживает затяжной кризис Греция: до вступления в Евросоюз это была благополучная страна с развитым сельскохозяйственным сектором. Система многочисленных ограничений, квот обанкротила не только сельское хозяйство, но и всю экономику страны.

В Евросоюзе пошлины на экспорт свинины нулевые. Другие у них и транспортные расходы по доставке кормов. В немалой степени удешевляют продукцию щадящие тарифы на электроэнергию, тепло. В Иркутской области, одной из самых энергонасыщенных в Сибири, с гигантскими Братской и Усть-Илимской ГЭС в советское время электроэнергия промышленным предприятиям отпускалась по две копейки за киловатт, селу — по копейке. Кто теперь поверит в это, когда постоянный рост цен на энергоносители стал одним из главных доходов и частных компаний, и государства.

Кадровой текучки на комплексе нет. Зарплата здесь значительно выше, чем на окрестных производствах. Да и много ли осталось их после горбачёвско-ельцинского погрома? Знаменитый Усольский химкомбинат, где среди многочисленной продукции выпускался и силикон — стратегический материал для оборонки, теперь мёртвая зона. А там вместе с социалкой работали семнадцать тысяч человек!

Безработица — мать воровства. В каждом колбасном магазине охранника не поставишь, да и едва ли охрана уберёжёт. Как-то на комплексе среди белого дня группа налётчиков перекинула через забор мешки с добычей и скрылась на машине... В районной газете жители жалуются на нашествие

бродяг-бомжей, устраивающих свои таборы вблизи пятиэтажек. А как им не быть, этим сборищам бомжей, если окрест, как и по всей сельской России, на месте токов, молочно-товарных ферм, ремонтных мастерских бывших колхозов и совхозов поднимается в полроста бурьян. Кто они, бродяги-бомжи? Вчерашние скотники, сварщики, трактористы...

Посёлок Белореченский, где живут работники комплекса «Усольский» и птицефабрики, сохранённой от разгрома таким же, как Сумароков, советским директором Гавриилом Степановичем Франтенко, держится на двух «китах», двух предприятиях. Их платежи в местный бюджет дают возможность благоустроить улицы, дворовые площадки, поддерживать в порядке жилой фонд и сохранять старый «капитал» — детскую музыкальную школу с ансамблем народных инструментов, детскую школу искусств, Дом культуры, лечебное учреждение...

Июль. После ночного дождя нежарко светит солнышко, шумит листва берёз, рябин. Опрятное, ухоженное поселение, где чувствуется и хозяйский пригляд, и вложение средств. Что осталось бы от посёлка с «речным» именем, если бы Сумароков и Франтенко, оба ныне депутаты областной Думы от фракции КПРФ, не отстояли бы в девяностые от разграбления свинокомплекс и птицефабрику?

От Красноярска на Иркутск и Читу бежит знаменитый Московский тракт. Города, посёлки, деревеньки... Города, подпитываясь от незагубленных до конца производств, кое-как сводят концы с концами. Посёлки, деревни, оставшиеся на руинах коллективных хозяйств, медленно разрушаются, вымирают.

Даже в Америке, как пишут в СМИ, с начала нулевых, после утечки многих промышленных производств в дешёвую по трудозатратам Юго-Восточную Азию, началось вымирание белого населения среднего возраста. Не может человек, даже имея хлеб, смириться со своей никчемностью, бесцельным прозябанием.

Вспомнились слова Сумарокова: «Никому не нужен стал деревенский человек». В прежние времена о нём помнили, ценили его труд, поощряли наградами. Теперь же — если только районная власть соберёт хлебопашцев после жатвы, отметит грамотами. А он, как и в древние времена, хоть уже и не с сохой-бороной — на комбайне, тракторе, всё тот же «один в поле воин». Кормилец и своей семьи, и всех нас.

ПО СУББОТАМ

В прошлые времена у сельских хозяев утро начиналось по-разному. Тургеневский помещик, призвав повара, обстоятель-

но заказывал обед, помещик Энгельгардт, в прошлом известный химик, в отставке купивший усадьбу, попив чаю, вызывал для доклада старосту Ивана. Среди разных дел выяснялось, почему выужной ночью лаял Лыска. Сходились на том, что лаял Лыска на оголодавшего волка.

В коллективных хозяйствах на утренней планёрке, где собирались бригадиры, агрономы, зоотехники, другие специалисты, вкратце подводились итоги минувшего дня, намечались планы на новый. Такой порядок был и в «Уковском», когда Сумарокова в пятьдесят девятом назначили главным инженером. В семь утра все сходились в директорском кабинете... В Усолье, на строительстве комплекса, с утра обходил Илья Алексеевич стройку, проверял качество работ — сделано-то сделано, но как? Со временем строители усвоили: лучше один раз выполнить, как положено...

Теперь утром Илья Алексеевич в первую очередь знакомится с отчётностью: сколько и какой продукции отправлено вчера в магазины, что пользуется особым спросом и что сократить. Производственный механизм отлажен, начальники цехов, инженеры, руководители служб — целый завод, где заняты более семисот работников — отвечают за свои участки. Казалось бы, как в прежние времена, задача всё та же — рентабельность, прибыль, вложение средств в развитие. Двигаться вперёд, совершенствуя, улучшая. Но всё это теперь направляется в главное русло: при капитализме выживает сильнейший. Окончательное слово за ним, руководителем, но тот, кто будет выполнять, должен понимать, чем вызвано это решение. После советской эпохи непросто человеку в полной мере понять смысл биологического закона выживания.

По субботам, с утра, по давно заведённому правилу, обходит Илья Алексеевич «линию»: цеха, склады, технические участки... Производство непрерывное, «живое», не знает выходных дней. Задействованы все специалисты — слесаря-ремонтники, сварщики, электрики, шофера, лаборанты, машинисты очистных сооружений. И, конечно, те, кто на первой «линии». Раньше их называли свинарками, теперь, при нынешнем уровне механизации, операторами.

Без спешки, в беседке возле корпусов, толкует Илья Алексеевич о текущей жизни. Малое собрание. На планёрках решаются технические, финансовые дела. А здесь, без протокола и председателя, услышит он то, о чём не всегда скажут в директорском кабинете. Ветврач, операторы, водитель...

Ольга Алексеевна Горевая, оператор откормочного цеха. Более десяти лет назад, с семьёй, переехала в Белореченский из Тайшетского района. Тепличница бывшего совхоза, от

которого после «реформ» остались руины. Двое взрослых детей. Сын Алексей работает здесь же, в убойном цехе. Дочь Екатерина оператор цеха полуфабрикатов. Муж, Валерий Анатольевич, тоже занят на комплексе. Директор и оператор — в одной партии. Илья Алексеевич руководитель фракции КПРФ в Иркутской областной думе, Ольга Алексеевна — кандидат в члены ЦК. Любовь Викторовна Антохина, ветврач, помоложе, окончила Омский аграрный университет в конце девяностых. Ветеринарный стаж более пятнадцати лет. Новые медикаменты в «Усольском» испытываются на небольших группах «пациентов», и если есть хороший результат, пойдут в другие цеха. Наша ветеринарная наука подтягивается к зарубежному опыту. В Германии, рассказывает Любовь Викторовна, специальная обработка, прививки для всех новорожденных обязательны. На первом месте профилактика. И, конечно, «человеческий фактор». Всё живое чувствует и ласку, и заботу.

За корпусами зеленеют поля кормовых трав, дальше низкая кромка леса. Ночью из тяжёлых туч лил дождь с шумным ветром, частым в Приангарье. К утру улеглось, июльский день наполнился влажным теплом.

О чём беседует Илья Алексеевич здесь, в беседке, — свой со своими? Они ещё той, советской эпохи, не привыкшие к мысли, что где-то, может, в чужеземных краях, на биржах, после продажи-купли акций, как на шахматной доске, от хозяина к хозяину передвигаются или вообще исчезают шахты, заводы, комбинаты. А людям куда? В охранники, уборщики, на торговые базы на расфасовку вермишели, гороха? Не всё ли равно им, думают биржевые маклеры, с какой карточки банкомата снимать свои гроши — бурятам, башкирам, украинцам, русским... Теперь-то и графы такой нет в паспорте, все — производители-потребители.

Не похож Сумароков ни на хозяина-заводчика давней России, с работягами, ютящимися в бараках и землянках, ни на западного дельца, вытесняющего автоматизацией, роботизацией лишних за ворота. В сфере услуг требуются повара, официанты, парикмахеры... Остался Илья Алексеевич в душе тем же пареньком, что возвращался из институтской библиотеки к себе в общежитие с друзьями, Геной Барановым, Лёней Упкуновым. Кто в пальто, кто в стёганом ватнике. Под мышкой учебники. Не было у них тогда портфелей... Хотели стать инженерами, внести свою долю, свою часть в общий, народный труд, чтобы жизнь стала лучше. И она менялась...

От строений откормочных цехов лента дороги привела на склад-ангар, просторный, с большим объёмом воздуха. Хра-

нится здесь витаминно-травяная гранулированная подкормка из трав, скошенных на своих полях. В открытые ворота склада, двигаясь задним ходом, въезжает самосвал, готовый опрокинуть привоз.

Илья Алексеевич подал водителю знак: не торопись. Протечка в крыше немного подмочила с краю ссыпанный прежде корм.

— Отгребни. Подмоченное сторит...

За три десятка лет побывало на комплексе народу немало. Столичные руководители, депутаты Госдумы, директора сельхозпредприятий из разных областей России. Проходило в Усолье и Всероссийское совещание руководителей свинокомплексов страны. Приезжают коллеги-иностранцы, чаще из Германии, почётные гости — космонавты, артисты, писатели... Народное предприятие, живой островок среди великого разора российского села. В былые времена такие крепкие хозяйства, как сумароковское, разной специализации, были в каждой области, в каждом крае. Теперь это диво, на которое приезжают взглянуть издалека.

При всей своей занятости, Илья Алексеевич находит время, сам ведёт гостей, показывает своё детище, рассказывает историю комплекса — от первых опор, котлованов до новинок оборудования, закупленного, к сожалению, чаще всего, за рубежом. Где же им быть, отечественным новинкам, если целые НИИ ликвидированы «реформаторами».

«Усольский», включённый в список лучших предприятий России, знают в стране. Приезжают сюда за опытом и молодые руководители, и хозяйственники из поколения Сумарокова. Это поколение помнит своих предшественников, кто поднимал село из послевоенной нищеты. Им не пришлось, как дважды Герою Соцтруда ставропольцу Николаю Дмитриевичу Терещенко, прицепщиком на тракторе глотать пыль на ветру, а потом самому, пареньком, вести СТЗ при ночной вспашке, пристроив к заводной рукоятке самодельную керосиновую коптилку, чтобы видеть борозду метра на два. Не пришлось, как дважды Герою Соцтруда белорусу Владимиру Леонтьевичу Бедуле или земляку из Прибайкальского колхоза «Парижская коммуна» Герою Соцтруда Николаю Тимофеевичу Романкевичу, начинать своё председательство с тяжёлых долгов. Это благодаря им, мудрым руководителям и миллионам колхозных, совхозных тружеников, сельское хозяйство за три-четыре послевоенных десятилетия стало индустриальной отраслью. Во главе её стояли не «эффективные менеджеры», не дамы-министры, превратившие бюджетный лизинг в семейный капитал, а труженики-селяне Флорентьев, Соломенцев, Никонов...

По субботам, осматривая своё хозяйство, Илья Алексеевич подводит итоги недели, размышляет над тем, что слышал от людей. Бывает, и одно слово много значит, если чувствуешь, что у человека на душе.

Перед сном берёт Илья Алексеевич с полки что-нибудь почитать. Чаще — о деревне. Абрамовские «Две зимы и три лета», «Братья и сёстры»... Как знакомо это всё! Поднимали, надрывались, вытянули. Казалось, ожило село, набралось сил.

Как могло случиться такое?

*Мы золото рыли в горах,
Мы мёрзли в палатках и мокли,
Что труд наш развеют во прах —
Об этом подумать кто мог ли?..*

Собрат, из их, сумароковского поколения, поэт-северянин, в четырёх строках сказал всё, что лежит у них на душе.

И ВНОВЬ РЕКА ИНГОДА

Так же бликуют, играют, свиваясь в жгуты, неостановимые воды, отражая июльское небо и купы белесых ив, только нет уже той деревянной мельницы, нет запруды, где осталось детское счастье от холодной речной воды, мальчишеский восторг от солнца, бесконечного летнего дня... Лай, бег по гальке верного Дружка, голоса сверстников, ныряющих к холодным донным родникам. Сколько было выхвачено здесь из воды сверкающих, бьющихся на крючке гальянов, сколько жарено, варено из рыбной добычи ухи...

За многие годы сузилась, обмелела Дороник, впадающая здесь, у села, в устремлённую на восток многоводную Ингоду, но в памяти осталась река детства в тех же пределах, в тех же берегах.

В тот летний приезд Сумарокова на родину жители поселения отмечали трёхсотлетие слободы Доронинской. Навестил, как всегда, Илья Алексеевич свой бывший, давно нежилой двор, поросший травой, топтанный-перетоптанный босыми ребячьими ногами. Присел на край кирпичной кладки, оставшейся от отслужившей свой век печи. Тишина. Не взмыкнет в сарае, напоминая о себе степенная Кормилица, опора многолетней семьи. И ни Ночка, ни Майка, ни Зорька, как звались они в других дворах. Не громыхнёт бортами со стороны тракта на своём «зиске» Алексей Михайлович, безотказный колхозный водитель. «Сеятель и хранитель» Руси, фронтовик, отдыхает теперь от крестьянских трудов на ти-

хом погосте, где покоится сумароковский род. Хлебопашцы, скотоводы, кузнецы, плотники...

Хорошо думается на солнышке о прожитом, былом, на уголке печи, избяной русской заботнице-труженице. Кто считал, сколько караваев ржаного, пшеничного хлеба, оладий, блинов, шей, каш, запарки для живности было испечено-сготовлено на этих кирпичках, высушено за ночь взрослой и детской обувки, одежки. Мягкое тепло грело здесь в зимние вечера и старческие, и детские косточки под неторопливый сказ про серого волчонку, Ивана-царевича, гусей-лебедей, да если ещё бродяга Васька, старый мышелов, привалится, пригреется в ногах...

Было Доронинское за три века и городком, и уездным селом, и волостным поселением. Обживали эти места и вольные хлебопашцы, и ссыльные, и лихие людишки, и потомки уральских казаков, наделявшие реки мужскими именами: Дон, Урал, Яик, вот и Дороник. Край рыбаков, охотников, земледельцев, искусных умельцев разных промыслов.

В предвоенные годы в селе был крупный по тем временам колхоз имени братьев Сущих и Бургуловых — память об Ингодинском крестьянском восстании в девятнадцатом году, подавленном семёновцами и интервентами-японцами. (Среди шестидесяти трёх расстрелянных повстанцев-партизан было шестеро братьев Сущих и трое Бургуловых. Не редкостью были тогда такие семьи в Забайкалье.)

После объединения единоличных хозяйств колхоз быстро набирал силу. Огородная бригада, четыре полеводческих, ферма крупного рогатого скота, свиноводческая, коневодческая. Тысячи таких коллективных хозяйств от гор Памира до «диких степей Забайкалья» всю войну кормили наше войско. Отправили в начале войны на запад не только трактора, но и лучших лошадей — пахали в колхозах на быках, бракованных одрах... Отдавали фронту до зёрнышка. В марте сорок второго, как писала местная газета, доронинцы поставили на откорм двадцать свиней, три скотины, собрали полторы тысячи яиц, более семидесяти центнеров картофеля, внесли в фонд обороны более одиннадцати тысяч рублей.

С возвращением победителей-солдат с трудом поднималось, становилось на ноги пережившее тяжкое лихо Доронинское. В сорок шестом создаётся МТС, через год для неё запускается электростанция, потом свет дали всему селу — в школу, в клуб, библиотеку, жилые дома. В пятьдесят втором — радио, услышали из репродуктора голос Москвы! По копейке, по рублю наживался достаток. Кто строил свой дом на трудовую копейку, знает цену каждой доске, каждому кир-

пичу. Это только в сказках вырастают легко дома-терема. Если в пятьдесят втором на трудодень, кроме зерна, приходилось по одиннадцать копеек, то в пятьдесят седьмом уже полтинник. Не ахти сколько, но жизнь двигалась к лучшему.

В шестьдесят пятом, уже при Брежневе и Косыгине, в хозяйстве, объединившем несколько деревень, насчитывалось четыре с половиной тысячи бурёнок, около тридцати тысяч овец. Доход почти в два миллиона давал возможность развернуть строительство. Четыре коровника, три телятника, кошары для овец, два гаража, кирпичный завод... Вырос парк техники, только новых комбайнов приобрели более тридцати. Остались в прошлом грузовики на чурках — немало поколесил Сумароков-старший по Забайкальским степям на таком транспорте. Крепло Доронинское: два детских садика, больница, четыре школы, в которых училось более пятисот ребят. Дом культуры с картинной галереей!

В семидесятые, после разделения на два хозяйства, колхоз имени братьев Суших и Бургуловых продолжал расти. Три МТФ, шестнадцать овцеводческих бригад, два зернотока, столярный цех, пилорама, три гаража, семьдесят тракторов, сорок грузовых машин. Только на строительные и ремонтные работы колхоз тратил более полумиллиона рублей. Село стало зажиточным. Не слёзные одиннадцать копеек на трудодень, а ежемесячная зарплата. Доронинские доярки, чабаны, скотники, механизаторы, строители получали не меньше, а в иной год и больше городских. Не одна, а две библиотеки, восемь садиков, пять магазинов, краеведческий музей, своя средняя школа. Не пришлось бы теперь Илье Алексеевичу, как тогда, в пятьдесят втором, уезжать за аттестатом в Улётное.

Не городским гостем приезжал каждый год в Доронинское со своей семьёй Илья Алексеевич. Всё близкое, родное, лучше не сказать — «зов земли». Радовалась душа — дальше и дальше удалялось, уходило в прошлое пережитое и взрослыми, и детьми. И в Усолье, на свинокомплексе, и в доронинском хозяйстве заметно сокращался ручной труд. Молодёжь уже в школе могла выбрать технические специальности, определиться в жизни, найти себе дело на селе. Полные классы в школе — верный знак того, что село не стареет, зеленеют молодые побеги на трёхсотлетнем древе.

В двухтысячном году, когда российские и мировые СМИ пугали обывателя загадочным «миллениумом», колхоз имени братьев Суших и Бургуловых, после «перестроечного» удущения села на восьмом десятке прекратил своё существование. С доронинским хозяйством случилось то, что стало с тысячами сельских предприятий. «Золотые» запчасти, «се-

ребряные» литры горючки, кредитные ставки-удавки банков, отказ государства от закупок по твёрдым ценам молока, мяса, зерна... «Рынок сам отрегулирует...» Политика банкротства не убыточных, а крепких, рентабельных хозяйств, запущенная горбачёвско-яковлевскими распоряжениями по указке западных наставников, согнала с земли миллионы селян.

Чем занимаются бывшие колхозники в Доронинском? Молодёжь, как сто лет назад, подалась в город на заработки, только теперь не в кучера, дворники, крючники, а в охранники, экспедиторы, укладчики продуктов. Кто постарше и кого не возьмут в городе, кормится огородом. Кто-то держит корову, овец. Сельский специалист и механизатор оказались не у дел. Старики в лучшем положении. Охаянная «демократами» старая власть дала колхозникам пенсию. К этому привыкли давно, как будто так было всегда. А было в старой России, как теперь в Китае. Пенсия? А дети на что? Меньше забот государства. Но какой трудовой стаж и какие пенсионные накопления получит нынешний доронинский житель, владелец десятка овец?.. Не любит русский человек о своей жизни думать загодя.

Судьба доронинского колхоза, участь разорения выпала и Уковскому совхозу, где Илья Алексеевич, Альбина Михайловна и их первенец Володя встречали в Приангарье девять вёсен-зим. Как и в Доронинском, в посёлке Ук погибло хозяйство, даже фундамента не осталось от свиноводческих ферм. А был «Уковский» не середняком — уже после отъезда Сумарокова хозяйство наградили орденом Ленина. Такую награду давали не часто — только за большие успехи, заслуги, высокую культуру производства.

Доронинский колхоз, совхоз «Уковский» — капля в море великого разорения промышленности и русского села. Исчезли, словно град Китеж, молочные фермы, ремонтные цеха, зерносушилки, тока, парки сельхозтехники, как в городах фабрики и заводы — от мелких предприятий до гигантов по производству турбинных лопаток и уникальных станков. Учёные мужи свидетельствуют: только за девяносто шестой год экономические потери страны в два с половиной раза превзошли ущерб, нанесённый за четыре года Великой Отечественной... В укреплении, подъёме села был немалый труд и их, тридцатилетних агрономов, инженеров-механиков, ветврачей, учившихся друг у друга, перенимавших опыт. Они, тридцатилетние, и их наставники выполнили свой долг. Не их вина, что не разглядели, как под прикрытием «реформ» начинается невиданное опустошение земли.

— Дед, тебя ждут, все собрались, — доносится с дороги нетерпеливый детский голос.

В сквере перед летней сценой на праздник села, обычно в конце июля, на Петров день, собираются и стар, и мал. Пожилых больше. Местная власть не скрывает — за год умирает втрое больше, чем рождается. Притока нет, это в города текут и свои, из деревень, и мигранты. Школьников в Доронинском теперь пятьдесят шесть...

В траве-мураве, за бывшим сумароковским двором, не паханная, не сеянная приусадебная делянка, где с начала лета когда-то зеленела картофельная ботва, всякий огородный овощ. Ещё дальше видна бывшая «Лёнина горка», с которой зимой лихо скатывались самодельные санки, унося далеко-далеко шумный ребячий рой...

С этого двора уезжал он, четырнадцатилетний, в школу, в Улёты. Дарья Ивановна, провожая сына, как материнское благословение, дала простой наказ: «Чужо не бери...» Два слова всего, а запали на всю жизнь, как и сказанное позже: «Ты, Илюш, если в Бога не веришь — смотри, но при себе держи».

Заведено не нами — в глазах людей много значат разные звания, должности, медали, ордена. А надо всего-то жить по совести, в ладу с собой, чтобы, продлевая род, передать детям, внукам вечные заветы. Многих, многих уже нет, кто с дипломом инженеров-механиков уезжал в тот год в хозяйства области. Ему Бог дал дожить до глубоких лет: сыновья, невестки, внуки, правнуки... И рядом верный друг — Альбина Михайловна, как в тот летний день студенческой поры, на песчаном берегу Ангары, недалеко от причаленной лодки...

Блестит, играет река, вбирая июльское тепло, небесную синь, как в прежние времена, когда жили свой век Ардашевы, Гавриловы, Исаевы, Сушицы, Сумароковы...

Внук снова зовёт: «Дед!» Пора. Но тянет ещё раз взглянуть на дальние сопки, сосны, берега с белесыми полосами наносной в половодье гальки. Охватить взглядом всё, что запечатлелось когда-то в детской душе и осталось в ней навсегда.

Усолье-Сибирское — Иркутск — Санкт-Петербург

РАСКАЗЫ

ИСПОВЕДЬ МУЖА

На улице всю владычествует май. По деревьям и дорожкам мини-парка, примыкающего к кардиохирургическому центру областной клинической больницы, хозяйски снуют наглые привередливые белки. Раньше четырехэтажное здание считалось окраиной мегаполиса, в котором вот уже почти четверть века проживаем мы с женой и двое взрослых, пока «непристроенных» детей. Но за последние годы по соседству с лечебным учреждением выросли типовые многоквартирные дома и крутые дачи новых русских.

Нередкий случай: на втором этаже «центра сердца» имеется так называемая домовая церковь со встроенной звонницей и моленной комнатой, открытой для больных и медперсонала. Здесь приходской священник раз в неделю совершает молебен о здравии.

Сам я недавно уже помолился дома перед иконой Богородицы — по совету моего друга, батюшки, он мне этот образ и подарил. Неординарный у нас сложился тандем: отставной майор, четверть века отдавший госслужбе в армии и милиции, и цер-

ПРОЗА

ковный служитель, надолго задержавшийся на низшей ступени священства, в диаконах, но недавно-таки рукоположенный в иереи. Нет, никаких канонических молитв я не знаю; просто, как мог, просил Всевышнего не разрывать навсегда наш с женой семейный союз.

Останавливаюсь перед крохотной церковью и, взирая на ее скромный купол, не очень привычно осеняю себя крестным знамением. Не очень, поскольку таинство крещения принял лишь год назад, в возрасте за пятьдесят, — но к вере пришел именно сам, — и пока не совсем сжился с нательным крестиком. Хотя батюшка и просветил, что его вовеки не должно снимать — при рентгене помещать в рот, а перед операцией, чтобы не мешал анестезиологу, обмотать шнурок вокруг запястья или даже лодыжки: в конце концов, крест-то, он нательный, а не нашейный. Я же регулярно грешу по мелочи, расставаясь со средством благодатной защиты на время ваннных процедур, что есть отступление от веры и настоящего церковного сознания. Господи, Ты только помоги нынче, а уж я обещаю к крестонесниманию побыстрее приладиться...

Вот она, входная дверь в здание, где нынче я уже побывал около полудня — пообщался с кардиохирургом и с решившейся на кардинальную меру женой, на прощанье поцеловав ее особым трепетным поцелуем. Выглядела она ужасно: одышка, осунувшееся лицо с нездоровым румянцем, тонкие руки с отчетливыми синюшными венами, а в приметно запавших глазах читался страх надвигающейся неизвестности. Мои шаги всё неувереннее. Что ждет меня сейчас? А вдруг уже?..

Гоню от себя паническую гнетущую мысль. Увы, это не фильм и не сон, а реальность безжалостной жизни... Нет, нет, не хочу, не может быть, только не сегодня!

В небольшом вестибюле, за вахтерским столиком, уверенно восседает пожилая белохалатная толстуха с рыбьими глазами и заедами в уголках рта. А в полдень тут дежурила молоденькая худышка.

— Вы к кому?

— К жене. Точнее — к оперирующему ее хирургу. Он мне велел к семи вечера подходить. Сейчас без пятнадцати, так что прибыл с ефрейторским зазором.

— Фамилия и инициалы супруги?.. — Нацепив очки, толстуха блюститительно сверяется со списками больных, исполненными от руки на стандартных листах. И вроде бы даже удивляется: — Хм. Действительно, есть... Ваш паспорт! — Поданный документ изучается постранично, особенно запись

о регистрации брака, и лишь только затем фото в нем при-
дирчиво сличается с оригиналом. — Заберите документ! Ба-
хилы предъявите... Без них не пропущу!

Из кармана брюк достаю пакет с одноразовой обувью.

— Не дырявые? — сурово интересуется вахтерша. И, по
всему судя, далеко не впервые, привычно-повелительно тре-
бует: — А ну-ка, растяните одну.

Вот он, момент триумфа, позволяющий ничтожности,
мыльному пузырю почувствовать себя значимой личностью,
принудив другого человека исполнить совершенно бесполез-
ное дело. И чем бессмысленнее оно, чем пустячнее, тем милее
и обостреннее испытываемое при этом чувство всевластия.

Толстуха критично взирает на распяленный кончиками
пальцев тонкий голубой чехол на резинке, изображая из себя
эксперта.

— Обычные, гладкие, скользкие, — недобро итожат блек-
лые расплывшиеся губы. — Вот уж нашли на чем сэконо-
мить! Чай, не разорились бы, купив текстурированные. — Пос-
леднее слово произносится тщательно, с удовольствием. — Они
из специальной плотной пленки с шероховатостью, за счет
чего и возникает антискользящий, — вновь усердие в произ-
ношении, — эффект. И вообще гораздо удобнее, особенно
при ходьбе по мокрому полу. Ну да радуйтесь, вам повезло:
сейчас укажу, где они всегда в наличии. Записывайте!

— Уважаемая ответственная за пропускной режим, — воз-
вращаю я толстуху в ипостась вахтерши, — благодарю, ко-
нечно, за заботу, но ведь и в гладких бахилах вход тоже не
возбраняется? Так и закроем вопрос. Мне сейчас не до тек-
стирования и прочих эффектов — жена под хирургичес-
ким ножом не первый час распанаханная лежит.

Присаживаюсь на один из стоящих в вестибюле жестких
стульев, натягиваю бахилы на кроссовки, а толстуха брюз-
жит:

— Я ему... от всего сердца... а он... Бывают же люди! Хоть
бы спасибо сказал!

— Так поблагодарил же! — возражаю, поднявшись со
стула.

Ёшки-матрёшки! «От всего сердца», обросшего каменным
панцирем! Да этой мегере на рабочем месте просто скучно,
она поразвлекчя желает, поумничать, поменторствовать.
Трудится-то в особом медучреждении, для стен которого
смерть — увы — явление заурядное, так чего уж там обра-
щать внимание на чьи-то душевные переживания. Подума-
ешь, распанаханная! Да все больные сюда как раз для этого-
то и припожалуют.

И словесная атака продолжается:

— Не услышала!

Мне очень хочется сыронизировать, посоветовать атакующей мадам сходить к ЛОР-врачу... Тьфу ты! В такую минуту — и ввязываться в дурацкую склоку?! Плюс ведь ничего и не докажешь. Спокойствие, только спокойствие...

Не произнеся больше ни слова, скрываюсь за дверь, ведущей на лестницу. Пусть вахтерша почувствует себя победительницей: ведь последнее слово осталось за ней, а с меня, грешного, от того не убудет.

Мой путь — на самый верхний этаж, где в правом крыле находится операционный блок с шестью (простите за тавтологию) операционными. В левом же — отделение реанимации, но в него пациенты попадают уже после операции на сердце. Та, которую проводят сейчас моей жене, относится к категории наиболее сложных, выполняемых под общим наркозом, с отключением сердечной и легочной деятельности. При этом хирург вскрывает кожу и мягкие ткани на грудной клетке, а потом и ее саму, распиливая ребра и рассекая грудину, чтобы добраться до главной мышцы животрепещущего под ножом организма.

Разумеется, одно дело, когда про всё это хладнодушно читаешь в Сети. И совсем иное, когда любимую женщину представляешь именно распластанной, бездыханной, с «сухим», отграниченным от системы искусственного кровообращения сердцем, которое режут, кромсают — и с непредсказуемым исходом! Мною вновь овладевает безотчетный, подстрекающий бессильно завывать и бежать непонятно куда животный страх неизбежности смерти. Пусть пока не своей, но самого родного мне человека. Пытаюсь успокоиться, уповаю на то, что у меня сильный ангел-хранитель, — не раз в том убеждался. Поможет ли он сегодня? Нет, не лги себе! Жена — не ты, и твой ангел нынче не при делах!

Сразу за входными на этаж дверями пост медицинской сестры. Здравуюсь с круглолицей блондинкой с выбивающимися из-под накрахмаленного колпака кучеряшками, называюсь, поясняя суть прихода.

— Как фамилия вашего кардиохирурга? — уточняет она. — Ага... Значит, оперировать вашу супругу начали не в четырнадцать часов, а в пятнадцать — первая смена затянулась. Так что советую спуститься на второй этаж; там, в холле, телевизор есть. А около меня сидеть бессмысленно. Сюда вернётесь не раньше чем через час. — И, упредив готовый сорваться с моего языка вопрос, добавляет: — Сведений, что по ходу операции возникли проблемы, нет, а больше мне пока

вам сказать нечего. Всё, извините, тут еще кучу бумаг нужно оформлять.

Ничего не попишешь: бросив тоскливый взгляд в сторону дверей с окнами- иллюминаторами в коридор операционного блока, в сумбурных чувствах топаю вниз. В сумбурных — поскольку не ясно ничего: как именно протекает операция, когда, хотя бы предположительно, она закончится, насколько окажется удачной и самое страшное — окажется ли удачной вообще... Дай-то Бог врачебного успеха!

На втором этаже аналогичный сестринский пост, здесь владения кукольной брюнетки с элегантной прической — объемная коса набок. Излагаю ситуацию и получаю разрешение присесть на свободное кресло перед телевизором. Рядом расположились несколько прооперированных больных. У иных в районе левой ключицы в грудную клетку вставлены и зафиксированы лейкопластырем по три дренажные трубки. Любопытствую, что за хитрая конструкция. Меня прощещают: «гроздь» — так здесь именуют эти трубки — для установки капельницы и удаления избытка крови и прочих жидкостей из околосердечных тканей.

На телеэкране как раз закончились вступительные титры какого-то фильма. Интересуюсь у соседа — жердяистого, с благородной седой шевелюрой — названием ленты. Оказалось, «Идеальный шторм», производства США.

Пробую отвлечься от отрицательных эмоций. Итак, два рыболовецких бота причаливают к пристани. У одной команды — большой улов меч-рыбы, вторая в прогаре. Владелец судна распекает не оправдавшего надежд капитана — его играет Джордж Клуни. Тот решается выйти в море повторно уже через день. Далее идет ряд сцен в незавидном баре, где тусуются киногерои. У стойки усатый матрос-живчик пытается склеить пышную разведенку, впрочем, безуспешно. Однако перед отплытием судна сдобная неговорщица неожиданно появляется на пристани, зародив в моряке надежду на будущие серьезные отношения...

Меня же память ассоциативно возвращает к моменту знакомства с суженой.

Ёлочным вечером 1979-го я, лейтенант-«пиджак» — необстрелянный, призванный под армейские знамена сразу после гражданского вуза, — прибыл на празднество по приглашению женщины, с которой вместе посещал молодежное литобъединение. Она же с моей будущей спутницей жизни работала на одном заводе. Поприветствовав хозяйку-разведенку, Светлану, и сняв шинель с шапкой, быстренько нанёс визит на кухню: чем нынче бог закусить послал? Многим...

На столе терла морковь для салата с сыром и чесноком высокая стройняшка. С миниатюрной грудью под струящимся платьем цвета кофе с молоком, создающим нестрогий и нескучный образ. В бусах из желтого янтаря овальной формы. С распущенными волосами насыщенного черного цвета, чуть ниже плеч. С четко обрисованным ртом и почти эталонным носиком: он будто бы свойственен замечательным мамам, любящим чистоту и уют. Кареглазая и с большими зрачками. Доказано, что перво-наперво не крупные глаза, а именно зрачки приманивают мужчин.

А неплохо было бы и познакомиться. Назвался, спросил имя у стройняшки.

— Надя, — с улыбкой мягко ответила она, а во взгляде, которым девушка окинула мой темно-синий лётный парадный китель с золотистыми погонами — пока без наград, но со значком классности и вузовским ромбиком, — с внутренней гордостью прочел явный интерес.

Надя, Надюша, Надежда... Красивое имя. Вера, Надежда, Любовь — три христианских добродетели. На память сразу пришло: «Надежда — мой компас земной...»

А еще имя это ассоциируется с действием: шагом марш, и всем смертям назло! Веди меня по жизни, компас земной! Но ведь пока он еще не был моим...

Вскорости я из кухни вышел, и Надя сразу любопытствовала у Светланы, где моя жена. На что услышала: ошибка, ожидающаяся супружеская пара пока не подошла, а я — экземпляр холостой. Когда же, много позднее, узнал от жены про этот спрос, пошутил: мол, следовало тогда в ответ просто подвести интересующуюся к настенному зеркалу: «Вот она, любуйся сполна».

Хозяйка — она была постарше гостей — постаралась усадить меня за столом рядом со своей племянницей-студенткой. Но на нее я вообще внимания не обратил, а вот с Надей друг на друга мы запали разом и конкретно. Скажу больше: уверенность в своей мужской привлекательности в тот вечер почувствовал, как никогда. Хотя вообще-то особым успехом у слабого пола не пользовался: женщины нередко улавливают подсознательный мужской страх «не понравиться» и враз отвергают поклонника. А тут девушка пригласила меня на танец сама! После этого мы с ней уже не отходили друг от друга, за что даже получили упрек от Светланы. Да по фигу, когда тебя переполняет та самая любовь с первого взгляда!

От общей знакомой мы ушли на пару около пяти утра. Надя жила неподалеку, в заводском общежитии. В новогоднюю ночь, в виде исключения, гостей туда дозволялось привести

в любой час. Оставив меня в коридоре, дама предупредила двух уже заснувших соседок по комнате, что пожаловала с кавалером. Те нехотя оделись, выставили на стол бутылку водки, закуску. Мы познакомились, быстренько хлопнули по паре рюмашек очищенной и сыграли отбой.

На узкой железной койке наша пара уместилась спинами друг к другу. Нет, близости тогда не случилось, да, собственно и не могло произойти. В то позднебрежневское время люди даже в возрасте двадцати пяти лет — а почти по столько исполнилось нам обоим — были куда целомудреннее. Да еще и при двух соседках...

Проснулись часов в десять, покормились, малость употребили. Навестили Светлану, немного посидели за столом и у нее. Затем поехали с окраины города в центр. Побывали в моей съемной комнате в «двушке», там я представил мою кареглазку квартирной хозяйке. Сходили в кино, в кафе... К общежитию возвратились около девяти вечера, попрощались, договорившись о новой встрече. И назавтра вновь не расставались целый день. Третьего числа оба уже работали — при «совке» взрослых новогодних каникул не имелось. Но после службы я опять навестил Надю в общежитии, где мы досыта наобнимались за шторой у окна в коридоре и где она постепенно позволила мне и более смелую ласку.

А следующим вечером, поскольку в комнате общаги, при посторонних взорах, особо не на милуешься, мы вынужденно ушли гулять. Быстро промерзли, на полчаса зааскочили к Светлане, выпили по чашке чая.

— Я смотрю, у вас всё по-серьезному, — сделала она вывод.

Мы только молча улыбнулись. И вновь подались на морозец...

Сколько раз в книгах и фильмах изображался момент предложения руки и сердца. Классические варианты: во время романтического ужина в ресторане, на лунной прогулке по набережной либо по тенистому парку, а также при встрече восхода солнца. В театре, кинотеатре или под окном любимой — в окружении друзей, с серенадой под гитару и транспарантом: «Выходи за меня замуж!» Предложения делаются и под водой, и при купании с дельфинами, и на конной прогулке. А если позволяют финансы, для благородной цели нанимается воздушный шар, а то и самолет. Суровой зимой для романтического сватовства вполне подходит одинокий уютный домик с пылающим камином и приглушенным светом, мягким диваном с обилием подушек и пушистым ковром. Ну а у нас важнейшее жизненное событие оказалось баналь-

но-приземленным. От обильного снегопада мы тогда спрятались в подъезде пятиэтажки — в глубинке еще не знали домофонов. Вот там, по холоду, в темноте, оторвавшись после очередного поцелуя от чувственных губ желанной и не выпуская ее из объятий, переполненный окрыляющим чувством и, по сути, проигнорировав конфетно-букетный период, я и спросил-предложил:

— Пойдешь за меня замуж?

И замер в томительном ожидании. Избранница четко выдержала небольшую паузу и коротко, без щенячьих восторгов, ответила:

— Пойду... — И с крестьянской рассудительностью решительно открылась — она вообще не умела шифроваться за тысячей улыбок, хлопаньем ресничек, многозначительными жестами. — Только сразу предупреждаю: у меня порок сердца. То ли врожденный, то ли в раннем детстве приобретенный. Но надеюсь, что одного-то ребенка родить точно смогу.

Много ли тогда я знал о делах сердечных-врачебных? Да, у отца уже была мерцательная аритмия на фоне гипертонии. Однако его болезнь протекала в щадящем режиме. А тут молодая девушка... Может, это проверка на вшивость?..

Заявление на регистрацию брака мы подали седьмого января. Месяц в ожидании свадьбы пролетел на редкость стремительно. Я написал рапорт на десятидневный отпуск по семейным обстоятельствам — после бракосочетания собирались слетать ко мне на родину. Комбат дал лишь неделю: мол, и то еще жирно будет для добычи, которую изловили и теперь под уздцы ведут в ЗАГС. Неброскую свадьбу играли в поселке, в доме родителей Нади, куда из областного центра добирались нанятым автобусом. В числе гостей был и отряженный руководством воинской части «для обеспечения порядка» замполит нашей роты. Из самого праздника почему-то наиболее запомнилась постоянно хныкающая на застолье от переизбытка чувств престарелая тетка моей матери Мария Ивановна. И еще всплыл в памяти быстро наквасившийся замполит. Он тогда усердно пытался склеить свидетельницу Светлану, прилагая всё свое солдафонское обаяние, а в итоге отрубился прямо по ходу неуклюжих ухаживаний и лихо подхрапывал, сраженный водкой и сном прямо за столом.

Ну а когда я с молодой женой, которую еще во время первой близости стал ласково называть Надюшей, прибыл в городок моего детства, мать на следующий же день повела ее на прием к кардиологу. А вернувшись от него, втихую выбрала меня: что же ты, сын, додумался связать жизнь с сердечницей?

— Запомни: лет до пятидесяти она как-то доживет — если, конечно, будет постоянно беречься. А вот дальше точно пойдут проблемы. И серьезные. Хотя они вас гораздо раньше ожидают: рожать-то ей нужно будет в специализированном роддоме для сердечников, не иначе... — подытожила родительница.

Забегая вперед, отмечу, что во всех предсказаниях мать оказалась права. Что ж, специалист она была исключительный. Начинала гинекологом, а доросла до замглавврача по лечебной части райбольницы. И именно благодаря ее стараниям Надюша — пусть и с трудностями, но смогла подарить мне дочь и сына.

...В телевизоре драка двух киногероев, начавших выяснять отношения еще до выхода в море, в том самом непрезентабельном баре. Затем конфликт продолжился уже на борту, во время рыбной ловли. А у меня увиденное вызвало неприятное, заторное воспоминание. Увы, из песни слов не выкинешь.

К тому времени мы были женаты три года, жили пока на съемной квартире, у нас росла двухлетняя дочь. Заботы о воспитании ее в основном ложились на Надюшу — ведь когда я уходил на службу, малышка еще спала, а возвращался порой, когда она уже спала. Даже воскресный день и то далеко не всегда мог посвятить семье, за что избранница — и точно оказавшаяся очень заботливой мамой — шутливо, а изредка с ноткой недовольства именовала меня «приходящим папой». И не зря.

— Рабочий день офицера не нормирован! — без устали и на все лады повторял ротный. — Служба превыше всего, а всякие вшивые семейные проблемы меня ни на волос не интересуют! Для их решения как раз жена и имеется! А если ее нет, значит, и никаких проблем нет! И вообще: у тебя в этом месяце выходной уже был? Был! Так какого лешего наглеешь?! Ты офицер молодой, училища не заканчивал, тебе самому еще до хрена чему учиться надо! Проникаться жизнью подразделения! Короче: в воскресенье выходишь ответственным по роте — и бдеть, бдеть, бдеть от подъема до отбоя! Только посмей в канцелярии втихую отсиживаться! В течение дня проверишь во взводе состояние оружия, внешний вид, заправку коек, порядок в тумбочках. И чем дышит личный состав... А в понедельник я тебя сам до упора проверю! Смотри у меня, жеребец стоялый!

Уж что-что, а залезть на шею всех взводных одновременно и нещадно погонять и погонять подчиненных — это ротный умел. Впрочем, комбат тоже...

И вот однажды, в наконец-то состоявшийся выходной, позавтракав, я уселся за письменный стол с пишущей машинкой, пытаюсь сотворить очередной рассказ: постепенно осваивал армейскую тему. Занятий литературой не бросал — они, как и семейная жизнь, помогли не озлобиться и не очерстветь в серо-зеленом мире уставов, ненормативной лексики и сапог. На сей раз муза неожиданно и благосклонно спустилась ко мне, и я уверенно выпечатывал на старенькой «Башкирии» с огромной кареткой строки очередной «нетленки». Порой указательный палец соскальзывал с клавиши, застревая меж литерными рычагами, и, вытаскивая его из мышеловки, я про себя матерился, награждая пишмаш неординарными эпитетами. А что? По ходу работы могли и пригодиться.

Но вдруг...

— Любимый и родной, давай-ка быстренько переселяйся со своим агрегатом за кухонный стол. А здесь я сейчас гладить буду, — потребовала жена.

Прицепилась она тогда ко мне вовсе не из-за стервозности характера, а по элементарной неопытности в супружеских отношениях. Большинству женщин ведь свойственно изначально желать всецело править мыслями и чувствами, поступками и финансами любимого, да хоть бы и прошедшего Крым и Рим.

— Уйди, не мешай! Тут только-только дело на лад пошло! С тем же успехом и на кухонном разутюжишь! — отмахнулся я и вновь забарабанил по клавишам.

— Он маленький! А тебе — без разницы! Всё одно ерундой занимаешься, только время убиваешь. Лучше бы пыль с обожаемых книжных полок вытер! Давай, освобождай территорию! — И рядом с машинкой был водружен утюг.

Супруга на первых порах совместной жизни была скептически настроена по поводу моих литературных опытов. Тот наш диалог достаточно быстро перерос в ссору. И в итоге я зримо почувствовал, как капризная «крылатая стерва» игриво помахала мне изящной ручкой: «Прощай, бумагомарак! Не сумел как должно оценить мой приход, так и нетушки тебе, а не источник вдохновения!»

С тупым бешенством я вскочил и хрястнул об пол утюг. А потом залепил пощечину жене. Она непритворно испугалась и зарыдала, закрыв лицо ладонями. Кляня себя, тут же бросился ее успокаивать. Делать это пришлось долго. Хорошо еще, что маленькая дочь сам момент рукоприкладства не видела. Но притопала на крики из кухни и, завидев плачущую маму, немедленно разревелась сама.

Разумеется, в тот день я больше не написал ни слова. Да еще пришлось идти срочно покупать новый уют. С тех пор я на Надюшу никогда руку не поднимал...

За нашу продолжительную брачную жизнь — а в этом году мы отметили жемчужную свадьбу, где, за неимением средств на изделия из натурального жемчуга, я подарил жене букет благородных калл и зеркало в перламутровой раме, — словесно на ней срывался, и не счесть, сколько раз. И всё по молодости, по дури, по пьяни и разновариантно. Случалось, в гневе посуду бил, дверное стекло. Чего ни попадая на пол швырял. Новогоднюю елку раз в куски изрубил. Холерик, ёж твою клёшь! Было, было, было...

А ведь сегодня, в пожилом возрасте, когда уже тихо отошли в мир иной родители, именно жена является самым близким человеком. «Который, — как сформулировал Ницше, — знает твоё прошлое, верит в твоё будущее, а сейчас принимает тебя таким, какой ты есть».

Так точно, принимает. И по полной программе. Ведь теперь, когда сижу за компьютером, моя половина может лишь осторожно поинтересоваться, нельзя ли оторвать меня на минуту. А услышав в ответ: «Потом, потом!» или «не раньше чем через полчаса!» — тут же, без дальнейших разговоров, ретируется.

Сколько же прошло времени, пока я здесь тупо пялюсь в зомбоящик, а мою жену продолжают резать, распиливать и рассекать? Непредставимо, ужасно... Полчаса? Это и много, и мало... Успешны ли действия врачей? Нет ли осложнений? Эх, Надюша-Надюшенька... Может, ты сейчас способна с границы бытия и небытия прочесть мои мысли, любимая и родная? Тогда прости за всё...

«Любимая и родная», «любимый и родной». Так с легкой руки жены мы стали называть друг друга, пересмотрев однажды «строительную» серию «Ну, погоди!» В начале ее Волк приманивает Зайца в ломаемое шар-бабой здание, где патефон крутит пластинку с песней «Любимый мой, родной» в исполнении Шульженко. Правда, фразу эту мы на свой лад чуть переиначили... А много лет спустя — поди ж ты! — еще и сиамба Тома тоже эдак стали обозначать. Кот, достойно прожив пятнадцать лет и наплодив огромное количество породистого и несортowego потомства, год назад умер во сне — уже отошавший, беззубый, с большими глазами, которые по несколько раз на дню протирали марлей, смоченной теплой водой. Куча капельниц продлила ему жизнь ненадолго.

Прощались с животным всей семьей, как с человеком. Тельце уложили в корзиночку, поставили на столе меж двух

свечей, посидели с полчаса... Мой друг батюшка сказал потом, что нельзя было так поступать, у животных души нет, но это действие — грех небольшой, по незнанию. Тома мы упокоили невдалеке от дома, за гаражами, установив в головах могилки крупный треугольный камень. Время от времени навещаемся к захоронению любимца.

Но неужели мне вот-вот предстоит безмерное испытание — потеря иного, несравнимого порядка? И ведь нет у нас другого пути, исключительно операция...

Сегодня, в половине десятого утра, жена позвонила мне на мобильник:

— Послушай, ты можешь подъехать ко мне в кардиоцентр к одиннадцати?

— Без проблем. Кому я, пенсионер, нынче нужен? Тебе и только тебе. Ну, еще чуть-чуть детям. А что вообще-то произошло? Не отменяют же операцию?

— Тоже, сморозил. Я еще вчера все бумаги подписала. Ну, что согласна на риск и всё такое прочее... — Через трубу услышал отчетливый всхлип. — Просто хирург, который будет меня оперировать, с ближайшим родственником побеседовать должен. У них это в обязательке. В общем, давай, поспешай, жду...

И вот я сижу в ординаторской, а напротив, за угловым компьютерным столом, расположился крупный мужчина в бирюзовом халате и шапочке. Высокий лоб, тонкое лицо и пальцы, внимательный взгляд, убеждающий голос.

— У больной выраженная недостаточность митрального клапана, по-иному — пролапс, — разъясняет ситуацию врач. — Клапанные створки при биении «провисают» и смыкаются не до конца, отчего в этом случае возникает обратный ток крови, и она постоянно болтается в сердце. Насосная функция его падает, органы не получают нормального питания, страдает весь организм. Взамен не справляющегося со своей работой клапана необходимо поставить механический двухстворчатый протез. Прибавьте, что одна из основных идущих от сердца артерий на девяносто пять процентов забита бляшками и пациентка живет только за счет второй, испытывающей двойную нагрузку. Она ведь часто жаловалась на давящие боли за грудиной?

— Да. Еще и с отдачей в плечо, лопатку, руку.

— Вот видите... Здесь уже требуется аортокоронарное шунтирование. Это восстановление кровотока обходом суженного сосуда, когда вокруг его пораженного фрагмента накладывают шунт. Им послужит подходящая вена, взятая у самой пациентки, ну а негодный участок сосуда заизолирую-

ют. Вообще-то «шунт» — английское слово и в медицину пришло из электротехники. В дословном переводе означает «ответвление», «перевод на запасной путь».

Кардиохирург тяжело вздохнул и продолжил:

— Поймите, если вашей супруге не сделать операцию сегодня, то в обозримом будущем ее непременно ожидает обширный инфаркт. А это — девяностопроцентный летальный исход. Остальные проценты — превращение больной в овощ: не ходит, не говорит либо несет полный бред, мочится под себя, испытывает удушье от отека легких. Хорошо еще, что вы своевременно забили тревогу...

Тут у врача запиликал мобильник, и он взглянул на номер.

— Извините, мне нужно ответить... — И отошел в сторону.

А я сразу вспомнил, как около полугода назад мы с Надюшей собирали документы, чтобы ее поставили в очередь на операцию в кардиоцентре. И один из его врачей, который сам сердечников в хирургическом смысле не пользует, а только формирует пакет необходимых медицинских бумаг, сказал нам в рабочем кабинете почти то же самое. Добавив:

— Вы случайно не обратили внимания на моего предыдущего пациента?

— Не особо. Мужчина лет сорока, очень полный. Врачный какой-то он от вас вышел, — ответила жена; я же, признаться, и того не углядел. Мужик и мужик.

— А не с чего ему было радоваться, — пояснил врач. — Обратись он к нам хотя бы года на два пораньше... Увы, на сегодня его время безвозвратно упущено. Диффузное поражение всех коронарных артерий и ярко выраженные признаки застойной сердечной недостаточности. Тут уж никакое хирургическое вмешательство не поможет. Человек обречен, вопрос лишь во времени.

— Ну хоть что-то вы ему посоветовали? — невольно вырвалось у меня.

— Во-первых, беречься, не перегружаться ни в коем случае, не забывать принимать прописанные лекарства, а во-вторых — постараться с толком распорядиться отпущенным ему временем, — несколько цинично ответил врач.

Что чувствует человек при объявлении ему смертного приговора, пусть с неконкретной, но явно недолгой отсрочкой? Какие действия предпринимает в страшном знании своем первоочередно? Избави Бог испытать! Что ж, мы хотя бы успели вовремя обратиться к медицине...

*Кто-то скупо и четко
Отсчитал нам часы*

*Нашей жизни короткой,
Как бетон полосы, —*

рывком воспроизводит память строки из «Песни о погибшем летчике» Высоцкого. И затем выуживает из своих кладовых слова отцовского коллеги по техникуму, произнесенные им на его же семидесятилетия.

— Нам сейчас загадывать далеко вперед уже нельзя, — самоиронично вещал он, держа в руке бокал с красным вином. — Ни на десять лет, ни даже на пять. Разве что — на годок... И еще на годок... И еще... Глядишь, эдак пятилетка и наберется. А коли Господь сподобит, и вторую освоим... Нет, сразу надолго никак нельзя. Мы помаленьку, лечебным шагом, ступенька за ступенькой...

Только теперь, когда сам уже давно перевалил за «полтинник», начинаю понимать, насколько прав был в элегических рассуждениях своих тот юбиляр.

Как неуловимо промелькнул блаженный самообман молодости, мнящей, что жизнь мчит нас к радужному завтра, а на проверку оказалось — к неумолимой старости, слабости, недугам и утратам — порой невозполнимым... Бесконечно несчастны по замыслу все люди во временной обреченности своей...

Кардиохирург завершил телефонный разговор, и я осторожно завожу речь об опасности предстоящей операции.

— Ну... Даже диагностическая коронарография, когда пациенту через разрез в паху запускают зонд с камерой для исследования венечных артерий сердца, уже предполагает малый профессиональный риск. Напомню, что эту предварительную операцию больная перенесла успешно. Потом — всегда возможна аллергическая реакция на какой-то лекарственный препарат. Но, понятно, так называемые открытые операции на сердце, которые ей сегодня предстоят, считаются наиболее тяжелыми и травматичными. Однако у нас и они отработаны весьма технологично, — педантично успокаивает меня врач.

— Так насколько всё же риск конкретно велик? — гну свою линию дальше.

Кардиохирург легонько поглаживает подбородок и пространно поясняет:

— Есть семь степеней операционного риска. К первой можно отнести удаление аппендикса или грыжи у молодых, не обремененных хроническими болячками пациентов. Вторая несколько посложнее: скажем, ушивание прободных язв. Третья уже предполагает значительный объем операции: та же гастрэктомия — полное либо частичное удаление желудка

или реконструкция желчных путей. Причем всё это — без какой-то сопутствующей патологии. Ваш случай — четвертая степень риска. То есть когда имелся тяжелый дооперационный период, а основное заболевание умеренно осложнено и налицо сопутствующие органические изменения. И если пациенты — люди пожилые или старики. Пугать вас пятой, шестой и седьмой степенью не вижу смысла. Скажу лишь, что все они предполагают исключительный риск срочного оперативного вмешательства, производимого по жизненным показаниям. Но четвертая степень совсем не столь опасна, мы подобного рода операции проводим по несколько раз в неделю и, как правило, вполне успешно. А сейчас извините, больше вам времени уделить не могу..

Эк как он умело обставился! Всё вокруг да около, да «четвертая степень совсем не столь опасна» и «по несколько раз в неделю», «вполне успешно»... По сути же, угроза летальности имеется даже и при первой степени. Сам в Сети читал! Но, собственно, чего я ожидал от врача? Письменного обязательства, что у моей жены «двойная» операция на открытом сердце пройдет исключительно благополучно? Ага, еще и заверенного нотариусом... Тут стопроцентную гарантию может дать лишь Всевышний. К Нему и взываю: смилостивься, помоги, не разлучай нас! И вновь осеняю себя крестом.

...На экране молодая и пожилая женщины говорят о том, как младшая из них будет строить семейную жизнь с одним из ушедших в море рыбаков и подойдут ли они друг другу. Да, могут и не подойти: ведь все люди разные. И в сексуальном отношении тоже.

Положа руку на сердце, у меня самого предшествующий амурный опыт хотя и имелся, но небольшой — так, случайные пролетные связи. Посему наша альковная уместость развивалась по нарастающей. А в тот вечер, когда я сделал своей избраннице предложение руки и сердца и она без манерничанья дала свое согласие, мы чуть ли не сразу после этого направились к автобусной остановке. До центра города ехали по большей части в молчании, со сплетенными пальцами — моя ладонь сверху, — что обозначает высокую степень доверия, мысленно готовясь к телесной близости.

Потом втихую прокрались в мою съемную комнату — благо хозяйка обычно укладывалась спать рано, а то ведь она еще при моем заселении настрого предупредила: «И чтоб никаких баб! Иначе сразу на выкинштейн!»

Однако кто ничем не рискует, тот ничего не получает. Получить же хотелось, причем много и сразу... Спи спокойно, бабусенька-ягусенька!

Тогда мы провели неповторимую и незабываемую первую ночь нашей любви. Сокровенные же подробности ее — призову на помощь Симонова — «будем знать только мы с тобой...» И, переполненные эмоциями, ранним утром, пока хозяйка еще спала, бесшумно покинули квартиру, надев обувь уже за ее порогом.

Небольшой экскурс в мое студенческое прошлое. Будучи на четвертом курсе, выпивал с однокашниками в общаге. И одна из студенток при обсуждении спонтанно поднятой меж рюмками темы — насколько невинное прошлое невесты принципиально для жениха — обратилась к парню, которому симпатизировала:

— Вот ты скажи, какая для тебя, в принципе, разница, окажется твоя жена в брачную ночь девственницей или нет? Главное-то ведь — любить друг друга!

— Ну ты и сказала! — вмиг отреагировал парень. — Большая-ая разница!

И, рефлекторно отклонившись от соседки по застолью, сторожко покосился на нее, да еще и с легко прочитавшимся на лице предметным подозрением...

Что ж, лет сто или больше назад досвадебное целомудрие невесты являлось привычно-должным — страх потенциального прилюдного позора, огромный риск забеременеть при полном отсутствии контрацептивов, невозможность точного определения отцовства. Да и не встречались пары о ту пору подолгу, сватов, случалось, засылали и после недельного знакомства. А еще родители тогда вообще могли повенчать детей по своему усмотрению, вовсе не заморачиваясь их согласием.

Для советской глубинки требования девичьей непорочности в семейной жизни играли куда меньшую роль — и то сказать, ведь счастливого брака это вовсе не гарантировало. И если при царе-батюшке невесты часто шли под венец семнадцатилетними, а к двадцати уже имели одного-двух детей, то впоследствии средний возраст замужества вырос лет на пять. Так стоило ли девице подолгу блюсти безгрешность? И кто в итоге по достоинству оценит «позднюю» девочку?

Я — оценил. Оказаться у невесты первым мужчиной — это вообще-то дорогого стоит и из памяти явно не выпадет. С особой благодарностью осознаешь, что в серьезность именно твоих намерений девушка поверила еще до свадьбы, не поставив жесткого, но само по себе достаточно правильного условия: сначала брак, потом секс. Значимое самоуважение «первопроходца» побуждает в дальнейшем почитать и ценить свою избранницу. С другой стороны, она тоже перманентно помнит, что ее не отбросили, поматросив, и испытывает чув-

ство особой признательности к главе семьи. Да, решилась-таки, рискнула, но при ином раскладе вполне могла нарваться на «дефлоратора», для которого любая связь случайна, и вообще ему юных подавай, а не семью.

Уверен, что добрая, но именно по обоюдному желанию сотворенная связь будущей четы безусловно порождает известное доверие в супружеских отношениях, ненавязчиво укрепляет их, работает на эмоциональную близость.

Верность Надюше я хранил несколько лет. Даже гордился этим, хотя большинство моих сослуживцев — офицеров и прапорщиков — подобной точки зрения не разделяло, напропалую хвастая своими победами на любовном фронте. Более чем убежден: далеко не всё расславленное имело место фактически.

Впрочем, не зря говорится, что жизнь — как луна: то полная, то на ущербе.

Шел июнь 1985-го. К тому времени я уже носил на плечах капитанские погоны. Жена давно рассчиталась с завода и поначалу сидела дома, с дочкой, пока той не исполнилось три годика. С грехом пополам определив затем ребенка в детсад, Надюша устроилась кассиром в небольшое протезно-ортопедическое предприятие по соседству с нами. Через год ей предоставили календарный отпуск, и она с дочкой уехала погостить к своей матери. А мне как раз перепал законный выходной (к слову: число их, с учетом прослуженных лет, несколько увеличилось, хотя я так и продолжал тянуть всё ту же незавидную лямку ваньки-взводного — карьерным ростом даже и не пахло).

Отоспавшись с утра, позавтракал, почитал детектив и поглазел в телеящик. А после обеда облачился в джинсы и махнул в кино: самое популярное развлечение тех лет. После фильма прошелся по парку, посреди которого и располагался кинотеатр, держа курс на кафе-мороженое — гулять, так сладко. И вот тут угораздило встретить знакомого — через кого-то из литобъединения — молодого художника. Вместо пломбира ударил с ним по пиву. Труженик кисти и холста поинтересовался, какие у меня планы на вечер. Особо никаких? И супруга в отъезде? Вот и чудненько! А не завалиться ли в таком разе на пару к его любовнице, рядом с которой на той же лестничной площадке проживает подруга, — и обе разведёнки? Не Мэрилины Монро, конечно, но и не уродины. Аккурат то! Покуда холостякуешь, аппарат потренируешь, от левой ходки он не изотрется.

Фривольный афоризм: «Каждый мужчина имеет право налево». И многие этим правом пользуются. Подвернувший-

ся случай тоже сходить в ту сторону я обмыслил, как-то не-терпяче ощутив желание телесной близости. Соскучился, блин! А ведь вторая половина отсутствовала всего две неде-ли! Что ж, бывает, шлея под хвост попадает... В тот момент мысленно убеждал себя, что разовый секс на стороне, счита-й, и не измена совсем. Так, вполне доступное и приемлемое по затратам удовольствие для «настоящего мужика» в возра-сте под тридцать. Самое время для освоения новых эротичес-ких ощущений! И вообще: мужчина изменяет головой, а жен-щина сердцем! Так почему бы и не сегодня?

Всё сложилось довольно тривиально. Мы приобрели вод-ку, вино. Изыскали и приличную закуску: краковскую кол-басу в коопторге, копченого леща на рынке. Полки гастро-номов-то в то время глаз не радовали... Большую часть зат-рат тогда я взял на себя: художник закладывал от души, и наличные у него не задерживались. Однако, будучи при за-работке, друзей-знакомых он поил щедро.

Встретили нас разведенки — блондинка и брюнетка при-мерно моего возраста — весьма радушно, и вскоре мы уже общались как старые знакомые. Женщины споро нажарили картошки, и мы в восемь рук быстренько сервировали стол. По ходу кухонных работ я травил анекдоты, а художник по-ведал пару занятных историй из жизни именитых живопис-цев. А потом — пошла гулянка!

Старенький кассетник «Электроника-302» с олимпийской символикой у дам имелся, так что, употребив и заев, мы по-прыгали под быстрые мелодии и потоптались под медленные. Опять выпили-закусили. Художник показал несколько кар-точных фокусов, я опять повеселил дам анекдотами. Дотра-пезничали. И парами разошлись по разным квартирам...

Сметанное тело блондинистой секс-партнерши пахло не-привычно-неприятно, а на ощупь оказалось рыхлым, с ше-лушащейся на плечах кожей. И та случайная близость вовсе не доставила удовольствия: заурядный мерзопакостный пе-репих по пьяни, почти без прелюдий. Не зря же говорят, что быстрый секс — это как десерт без обеда.

Проснулся в шесть утра, наскоро попрощался с «пасси-ей». И двинул домой — переодеться в форму да поспешать на неблагодарную погонную службу.

А ближе к обеду солдат из наряда по контрольно-пропуск-ному пункту доложил, что ко мне прибыл какой-то молодой мужчина. Оказалось — художник.

— Слушай, тут, понимаешь, такое дело... приключи-лось... — пряча глаза от моего взгляда, покаянно начал мой вчерашний собутыльник.

— Какое такое?

— Я бы сказал, хворое. Через час как ты ушел, к твоей подруге милиция вломилась. Оказывается, у нее вторичный сифилис и она им уже кого-то осчастливила. Пока ее в «Замок коварства и любви» (так в городе окрестили расположенный на его окраине, в старинном вычурном здании из ракушечника, венерологический диспансер) определили. Лечить, а потом судить, видимо, будут. Статья такая есть: за умышленное заражение венерической болезнью.

Я немедленно высказал всё, что думаю, как по поводу своей вчерашней секс-партнерши, так и о самом художнике от слова «худо».

— Его по дружбе предупреждают, а он, вместо спасибо, еще и материт! — окрылся труженик кисти и холста. — Еще неизвестно, может, она и меня тоже наградила — жралито с одного стола! Вот дочку свою семилетнюю уж наверняка оделила, ее вчера не было, бабка на выходной забирала. А не исключено, и бабку заодно. Короче, разбирайся сам, а я вообще-то мог и не приходить. Только одно дело, если ты завтра прокалываться начнешь, и совсем иное, ежели через месяц, когда болт язвами обсыпет. Ладно, мне некогда, давай, адью!

Мать твою! Вот уж нашел на свою голову приключений! Точнее — как раз не на голову. И что теперь делать?

Обращаться к доморощенным эскулапам не стал — себе дороже станет. Куда деваться, явился к старшему врачу части, коротко обрисовал ситуацию. Майор изругал тогда меня последними словами и подытожил:

— Я думал, ты не такой, как большинство наших вояк! Читаешь много и даже сам рассказы пишешь, а на деле, выходит, не научила литература ничему путному! В той же кадушке оказался квашен, чтоб тебе ни дыха, ни передышки!

Однако выдал-таки врач мне направление в кожное отделение гарнизонного госпиталя, а в своих меддокументах зашифровал венерическую болезнь под крапивницу. Тем самым прикрыв меня от политотдельцев, которые не преминули бы покопаться в грязном белье, да чтоб с подробностями. И за аморалку, ясен пень, непременно взыскания как по партийной, так и по служебной линии на меня бы навесили. Майор еще и командир роты позвонил, сообщил, что срочно определяет меня на стационарное лечение. Ротный тут же в телефонную трубку завопил: никакого такого, мол, госпиталя — а со взводом моим кто хороводиться будет? И потребовал, чтобы я немедленно выдвигался в казарму: он там меня, значит, сам лечить будет, «без отрыва от производства». Какими-нибудь таблетками, которые пусть старший врач и прописывает. Хоть целую гору!

Однако тот весо­мо заявил, что кон­так­та ин­фек­ци­он­но­го боль­но­го с лич­ным со­ста­вом не до­пус­тит. До­бил же ком­ро­ты ри­то­ри­че­ским во­про­сом:

— Так ты же­ла­ешь, что­бы у те­бя в по­драз­де­ле­нии эпи­де­мия раз­ри­за­лась?..

И мой не­по­сред­ствен­ный на­чаль­ник сразу зат­кнулся...

От­де­ла­лся я еще срав­ни­тель­но лег­ко — ле­че­ние-то на­ча­ли на ран­ней ста­дии бо­лез­ни, по­ка внеш­не еще ни­как не про­я­вив­шей­ся. Не­де­лю внут­ри­мыш­ечно ко­ло­ли че­рез ка­ж­дые три ча­са во­до­ра­ство­ри­мый пе­ни­цил­лин и по­тче­ва­ли ви­та­ми­на­ми, по­вы­ша­ю­щи­ми им­му­ни­тет. Бе­д­ная моя мно­го­стра­даль­ная зад­ни­ца, ока­зав­шая­ся в от­ве­те за ду­рые моз­ги! На­по­сле­док в нее же всо­ба­чи­ли об­ъем­ный у­ко­ли­ще би­цил­ли­на-5 и — на вы­пис­ку. Еще две ин­ъек­ции мо­щ­но­го ан­ти­би­оти­ка по­зд­нее в­ка­тил уже в мед­сан­ча­сти на­шей во­ин­ской ча­сти лич­но стар­ший вра­ч. И что­б ни­ка­ких по­ло­вых кон­так­тов на бли­жай­ший ме­сяц!

Ну и как бы­ло об­яс­нять стран­ное плот­ское воз­дер­жа­ние воз­вра­тив­шей­ся че­рез не­сколь­ко дней по­сле моей вы­пис­ки из гос­пи­та­ля же­не? И да­же ни еди­но­го по­це­лу­я?! И что­бы она с доч­кой не поль­зо­ва­лась по­су­дой, из ко­то­рой я ел и пил?! Да и во­об­ще...

Умно или, на­про­тив, глупо по­сту­пил — это смот­ря от ка­кой ве­хи пля­сать. Во вся­ком слу­чае, прак­ти­чно. В ин­тим­ном грехе по­ви­нил­ся сам, но — ни­ка­ких де­та­лей. Об­са­сы­ва­ние ча­ст­но­стей прелю­бо­дей­ства уби­ло бы се­мей­ные от­но­ше­ния без­воз­вра­тно, при­чем не­за­ви­си­мо от сро­ка про­жи­то­го.

Мне ду­ма­ется, поч­ти ка­ж­дая же­на хо­ть еди­но­жды, но ис­пы­та­ла пре­да­тель­ство му­жа. Ко­неч­но, да­леко не вся­кая за­ста­ет его «на го­ря­чем». Но, да­же и од­но­знач­но ули­чив бла­го­вер­но­го в из­ме­не, ко­то­рую он ча­ще всего об­яс­няет весь­ма спе­ку­ля­тив­ной иде­ей муж­ской по­ли­гам­но­сти, же­н­щи­ны дей­ст­вую­ют по-раз­но­му. В смы­сле, кто-то уме­ет про­щать по­стель­ную не­вер­ность, а кто-то нет. И да­же ее слу­чай­ный ва­ри­ант: ну вот не дано! Хо­тя од­но де­ло, ко­гда му­ж­чи­на раз­влек­ся на­ле­том, эпи­зо­дич­но, и со­всем иное, е­сли у не­го дли­тель­ная связь на сто­роне — по су­ти, жи­вет на две се­мьи, и это тя­нется не­ско­н­ча­емо. Тем не ме­нее да­же и в по­доб­ных слу­ча­ях не­ко­то­рые ино­гда за­крыва­ют гла­за на творя­щее­ся бес­чи­ние. Тут ведь мно­гое за­ви­сит и от эмо­ци­о­наль­ной при­вя­зан­но­сти, и от ин­ди­ви­ду­аль­но­сти.

Меня лю­би­мая то­гда про­сти­ла. И за по­сле­ду­ю­щие три­д­цать лет се­мей­ной жи­зни про то ока­ян­ство вспо­ми­на­ла лишь два­жды — оба ра­за пре­дуп­ре­ди­тель­но. Во­истину ум­ни­чка! Су­ме­ла пе­ре­ст­упить че­рез ве­ли­кую обиду, спа­сла наш брак!

Случались ли в жизни моей иные адюльтеры? Вопрос некорректен. Сказать, что нет, — всё равно никто не поверит. Так что предпочтительнее промолчать...

...В фильме наступил момент истины, который, по словам капитана судна, «отделяет мужчин от мальчиков». Команда решает, возвращаться ли без рыбы и с позором домой, либо рискнуть и попытаться счастья на далекой банке Флемиш-Кейп. По ходу просмотра мой жердяистый сосед просвещает, что морская банка — это подводная мель в океане. Затем действие переносится в уже знакомый бар. У стойки старый спившийся рыбак, когда-то плававший на Флемиш-Кейп, авторитетно разъясняет нескольким женщинам, что там «много рыбы и плохой погоды» — «ураганы, шквалистый ветер и огромные волны». Несмотря на неблагоприятный синоптический прогноз, экипаж ставит на кон собственные жизни и направляется в опасный район, надеясь на удачный улов.

Но это — в кино, а в реальности на чашу весов сейчас положена жизнь моей любимой. А я-то, телеидиот, почти забыл об этом! Сколько сейчас времени?

Господи, да час уже прошел! Бегом на операционный этаж!

Большеглазая медсестра на своем посту. Опять что-то пишет... И ничем меня не порадовала. Впрочем, ведь и тревожного тоже ничего не сообщила... Нет, нельзя допускать трагичного финала даже и в мыслях!

— Успокойтесь, операция идет по плану. Возможно, что через час она уже завершится. Идите пока, досматривайте фильм.

Легко сказать... Ну да, ей с родственниками тяжелобольных на каждом дежурстве общаться приходится. Рабочие моменты... А каково сейчас мне?

Вновь спускаюсь на второй этаж. Кресло, в котором сидел, уже занял кто-то из выздоравливающих. Переживем, это не главное... Прислоняюсь к коридорной стенке. Душевное беспокойство нарастает, ведь неизвестность хуже всего. Нет, совсем не так! Неизвестность всегда оставляет надежду на благоприятный исход! Господи, не оставь милостью Своей! Тороплюсь перекреститься...

В мое отсутствие киногероям наконец пофартило, они взяли у Флемиш-Кейп богатый улов. Но теперь у них вышел из строя холодильник, и, чтобы сохранить рыбу, им предстоит идти домой сквозь надвигающийся ураган.

Весь экипаж бота застыл на палубе и тревожно вглядывается в низко нависшее, затянутое свинцовыми тучами небо. А на горизонте, куда и держит курс судно, оно почти черное, озаряемое яркими сполохами ветвистых молний.

Где-то я читал, что в одиночных случаях гостья из поднебесья способна чудесным образом излечить от серьезной болезни. Например, вернуть зрение, избавиться от онкологии или от аритмии сердца, нормализуя его работу при получении «попавшего в цвет» электрического разряда. Но куда больше по статистике случаев, когда удар молнии вызывает остановку сердца.

Сердце моей жены сегодня остановили руки хирурга. Они же вшивают в человеческий мотор клапан-протез, изыскивают приемлемую для шунта вену. А мне остается лишь «ждать и надеяться» — как советовал в эпилоге романа «Граф Монте-Кристо» его главный герой. Собственно, а что можно сделать еще? Разве лишь помолиться... Господи, прошу, только не разлучай нас!

— А-а-а, ты уже здесь. — Это Татьяна, которая делила с Надюшей палату перед предварительной, «пахово-зондовой» операцией. Повторно под хирургическим ножом однопалаточница оказалась на две недели раньше — ей поставили протезы митрального и аортального сердечных клапанов, — и нынче она, наделенная упомянутой «гроздью», уже малой скоростью прогуливается по коридору.

— Второй час, как пришел, — с каким-то облегчением отвечаю почти родной в одноприродном горе душе. — Только что наверх ходил. Медсестра твердит, что причин для беспокойства нет, — и точка.

— Не волнуйся, — успокаивает Татьяна. — У меня муж тоже во время операции здесь напереживался. А всё прошло нормально — восстанавливаюсь. И у вас так же будет.

— Твои бы слова да Богу в уши...

Мы пообщались несколько минут. Потом я посетовал, что лишился сидячего зрительского места. Собеседница предложила:

— А пойдем ко мне в палату, я тебе стул выделю. Кино закончится — назад принесешь.

Так мы и сделали.

...Строптивный бот упрямо движется в самый эпицентр-глаз урагана. Ночное небо изобилует разрядами молний, волны с пенными гребнями захлестывают палубу. Из-за летящих над поверхностью кипящего океана серых ключев пены воды почти не видно. По радио с капитаном связывается симпатизирующая ему женщина-капитан другого судна. Она выясняет координаты пошедших ва-банк и передает в службу спасения. На помощь им направляется вертолет. Командир предупреждает экипаж, что пилотам предстоит «операция повышенного риска».

И у нас — аналогичная. Любимая и родная, ну как ты там, в пограничной ситуации между жизнью и смертью? Всё ли — тьфу-тьфу через левое плечо — у врачей продвигается без эксцессов? Наследники Авиценны! В ваших участливых руках наше счастье продолжения семейного союза. Так не подведите!

В фильме — сплошь форс-мажорные ситуации. Свирепеющим ветром сломана судовая антенна, и рыбаки остаются без связи. С креплений бортовой стрелы-манипулятора срывается успокоитель качки (это опять растолковал сосед) и мотается на длинной цепи в воздухе огромным кистенем. Раз за разом траловая доска успокоителя стальными ребрами колотится в рулевую рубку. Стекла в ней разбиваются вдребезги, и захлестывающие помещение волны беспрерывно окатывают моряков. Взобравшись на стрелу, капитан с великим трудом, едва не свалившись в море, газорезом срубает цепь. А вертолет спасателей не может при ураганном ветре поймать топливный шланг, выпущенный вертолетом-заправщиком, и дозаправка в воздухе не удаётся.

Память же выдает на-гора еще один наш семейный краугольный эпизод. Почему именно его? Может, потому, что он тоже представлял форс-мажор для нашей семьи? Стопроцентно одно: не будь я офицером-«пиджаком», никогда бы не решился на... Впрочем, всё по порядку.

К тому времени с нашей свадьбы прошло десять с половиной лет, и я уже не первый год как трудился в окружной газете, с которой активно сотрудничал еще с лейтенантских погон. Но в штат четырехполоски меня взяли далеко не сразу: долго присматривались к качеству присылаемых статей, потом вызывали на месячную стажировку... И только затем из взводных я был переведен в военкоры, что является ну очень нетипичным случаем. Как раз таким, когда занятия литературой из хобби итогово перерастают в профессию. Впрочем, истину, что художественное творчество и журналистика весьма далеки друг от друга, на собственной шкуре я постигал тяжко, долгонько и с грехом пополам. А о взаимоотношениях в коллективах пишущих — без разницы, публицистику или литературные вещи, — очень точно выразился Михалков-старший: «Для того чтобы тебе никто, никогда и нигде не завидовал, нужно соблюдать правила трёх «Б» — в наших кругах не завидуют бездарным, больным и бедным».

Мы так и не дождались собственной крыши над головой на предыдущем месте службы, где я дорос до капитана, а после перевода в другой город около года даже жили порознь. Надюша с детьми — как раз перед самым моим переводом у нас

родился сын — в деревне у своих родителей. Меня же редактор-полковник изначально сумел пристроить в общежитие лётного полка, а уж позднее выцарапал для нашей ячейки общества так называемую квартиру по договору. Поясню: в советскую эпоху немало армейских офицеров выезжали — обычно на пять лет — для прохождения службы за границей. Предоставляя на это время свое жильё бесквартирным военным, которые и оплачивали коммуналку.

Однако наше проживание на чужой площади подходило к концу, а с предоставлением собственной обители что-то никак не срасталось. Я поехал в квартирную комиссию штаба округа и там с изумлением обнаружил, что в списках очередников я перенесен человек на двадцать назад. Начал возмущаться беспределом, потребовал поднять рапорт о принятии на жилищный учет... А он — тут явно просматривалась система — оказался утерян при невыясненных обстоятельствах. При этом на меня еще и наехали: а ты вот докажи, что вообще его писал! Но ведь если бы не писал, то совсем бы в очереди не числился!

Штабники признали мой довод весомым, но... на этом и поставили большую жирную точку.

Редактор помогать мне с «очередной» проблемой отказался сразу и наотрез:

— Не хватало еще, чтобы я из-за твоего рапорта с большим начальством поссорился! Подумаешь, двадцать! Штабная очередь быстро идет, а значит, перегодишь, перетопчешься! Тебе же предлагался двухкомнатный вариант?! Не согласился, а ведь следовало бы! Потом на расширение новый рапорт подал бы — и всех делов! Под своей-то крышей улучшения квартирных условий бесконечно долго можно ждать!

— Вот именно: бесконечно! — с нажимом повторил я. — В таком случае до самой пенсии так ничего бы и не расширил! А у меня, между прочим, дети разнополые. И в бесквартирниках двенадцатый год кряду хожу.

— Это не аргументы! — буркнул редактор. — Ты сам во всём виноват! Так, ладно, свободен, мне работать надо!

А тут вскоре пришло письмо от хозяина договорного жилья. Он предупреждал, что вернется из забугорья через месяц, и к тому сроку требовал освободить жилплощадь. Надюша тогда не работала — сыну только-только исполнилось три года. Так что если бы и удалось найти съёмную крышу приличной квадратуры, то на финише не оправдавшей себя перестройки платить за нее пришлось бы... во всяком случае явно больше половины моего денежного довольствия. И что, на хлеб, кашу и воду семье садиться? Да детям и мясное, и

молочное, и фрукты необходимы! А одежда — дочь и сын растут! А... Да что там говорить! Идти на постой — не выход! И миллионов в кубышке как-то не скопил.

Вот тогда — признаю, не посоветовавшись с женой, — я и совершил один из самых дурацких в жизни поступков: объявил на службе настоящую забастовку. Пояснив своему начальнику отдела, что пока мой квартирный вопрос каким-то образом не решится «сверху», на службу-то выходить буду, но вот писать статьи или ездить по командировкам — чёрта с два! Буду просиживать весь рабочий день за столом сложа руки. Если это не поможет, отобью телеграммы с просьбой о жилищной помощи во все мыслимые властные инстанции. И наконец, с женой, детьми и плакатом соответствующего содержания встану перед зданием штаба округа, где буду стараться привлечь к нашему бедственному положению внимание независимой прессы.

Этим последним обещанием я вынудил редактора доложить о демарше члену военного совета — начальнику политуправления штаба округа. Но — не сразу. Надлежащая реакция сначала прошла на местном уровне.

Царь и бог газеты спешно собрал заседание редколлегии, и руководство издания тогда усердно наехало на меня. В игре в одни ворота я упорно отмалчивался, в буквальном смысле прекрасно осознавая, что «всё, что вы скажете, может быть в дальнейшем использовано против вас». Начальство такую бессловесную линию поведения никак не могло взять в толк. В итоге шеф завершил разборку обещанием, что если завтра приступлю к работе, то «всего лишь» отделаюсь строгим выговором, а формулировка найдется! Вестимо, без стрёмного слова «забастовка» в резолютивной части приказа. А ежели, такой-сякой, за ночь не поумнееешь, принятые меры будут покруче.

Я рекомендации не внял. Вскоре один из офицеров отдела боевой подготовки втихую сообщил мне, что теперь меня будут выгонять из армии через коллектив. Нет человека — нет его проблем! Жилищных — в том числе.

И впрямь: вскоре на доске объявлений появилось сообщение о грядущем через сутки собрании трудового коллектива с повесткой дня: «О ненадлежащем исполнении отдельными сотрудниками своих служебных обязанностей».

Тут-то я и понял, что жареным запахло всерьез. И для начала быстренько наведалься в госпиталь, располагавшийся по соседству с окружным рупором гласности, и у знакомого врача вымолил ОРЗ и трехдневное освобождение от служебных обязанностей, получив временную передышку. А затем

поведал жене о тупике, в который по наивной вере в справедливость загнал себя и семью.

Нет, моя хранительница очага отнюдь не накинулась тогда на меня с оскорблениями. Хотя, конечно, в корректной форме и высказалась по поводу недомыслия и безрассудности совершенного поступка. Следом же посоветовала сходить к священнику, который не столь давно в нашей газете прокомментировал письмо истово верующего солдата из стройбата, — оба материала готовились мною, и после опубликования жена их читала, причем для нашего издания это была первая «церковная ласточка» — и попросить совета и возможного участия.

К слову: протоиерей, о котором идет речь, был родным отцом того самого батюшки, с которым ныне близко дружу. И здорово нам помог, по своим каналам напрямую выйдя по телефону на начальника политуправы.

В каких уж тонах вел с ним разговор служитель культа, могу лишь догадываться, но назавтра перед обедом ко мне — напомню, «болящему» — домой прибыл сочувствующий мне корреспондент-«боевик». Сообщил, что к пятнадцати ноль-ноль меня, а также редактора ожидает член военного совета.

— В таком случае передайте вашему руководству, что я тоже приду вместе с мужем! — твердо заявила Надюша. — Или так — или никак!

Генерал снизошел принять нас обоих. Нет, с редактором — троих.

Все доводы о том, что на прежнем месте службы, узнав о предстоящем переводе в округ, меня с квартирой элементарно «кинули» и продолжают кидать теперь уже в штабной очереди, генерала попросту не интересовали.

— Вы зачем к батюшке побежали? — напористо вопрошал большезвездный начальник. — Он вам всё равно ничем не поможет! стыдоба! Майор, старший офицер, а у церкви заступничества ищет, под поповскую рясу прячется! Да вас уже только за одно это следует из армейских рядов поганой метлой гнать!

Признаться, тогда малость струхнул: не каждый ведь день тебя генералы столь откровенно песочат.

— По крайней мере, хотя бы через церковь мы до вас достучались! — пошла тут в контрнаступление жена. — А вот товарищ редактор мужа защитить категорически отказался! Боясь вас прогневить. Да и вы тоже только и знаете, что наказать да уволить! А может, для начала разберётесь, куда наше заявление о постановке на квартирный учет исчезло? Кому это выгодно? Попробуйте же супруга уволить — точно под

здание штаба с детьми приду! И в Москву с жалобами поеду! Если вы нас бомжами сделать хотите! И это после двенадцати лет, которые муж армии сполна отдал, я же его только по ночам и видела?! Да у него Почётных грамот дома — хоть стенку обклеивай! — И вдруг схватилась за грудь. — Плохо мне... Сердце... Валокордин... В сумке...

Услышав, что моя Надюша — сердечница со стажем, генерал всполошился. А ну-ка, если прямо в его кабинете дуба даст?! И враз схватил трубку телефона, приказав «поднять в ружье» штабной медпункт.

Дежурный врач подтвердил: да, приступ настоящий, не актерская игра...

Короче, во многом благодаря жене нашей семье временно разрешили проживать в одном из редакционных кабинетов. Но хоть там и было квадратов под сорок площади, мы со своим скарбом — а немало его за семейные лета поднакопилось — разместились на них с трудом. И в таких стеснённых условиях просуществовали чуть ли не два года, причем я за это время даже в длительную командировку в «горячую» точку успел съездить. Где быстро убедился: война всегда усиливает в людях их лучшие и худшие качества. Причем лучшее — оно и постигается лучше, и в памяти остается надолго.

А трехкомнатную квартиру в семьдесят метров и с непроходными комнатами, да еще и на втором, так называемом «еврейском» этаже, нам предоставили уже при другом редакторе.

...Фильм продолжается. У вертолета спасателей заканчивается горючее, экипаж вызывает корабль береговой охраны и покидает район поиска терпящего бедствие судна. Тем временем рыбаки пытаются наложить металлические щиты-пластыри (сведущий в «водоплавающих» делах сосед разъяснил и про них) на разбитые окна рубки, и при этом двоих вахтенных слизывает волной. С великим трудом их вытаскивают на палубу, а окна наконец-то задраивают щитами на зажимах-эксцентриках. Экипаж падающего вертолета спрыгивает в бушующую стихию, сама же винтокрылая машина погружается в глубину. Пилоты, упакованные в спасательные жилеты и крепко сцепившиеся руками, поддерживают голову потерявшему сознание товарищу: не захлебнись, браток! Поразительная экранная взаимовыручка! Зато в жизни на поверку дело чаще обстоит совсем по-иному.

Едва мы успели обосноваться в собственной квартире, как в газету пришла разнарядка: одного из военкоров указывалось перевести к новому месту службы. В отделившуюся Грузию, где на тот момент еще дислоцировались отдельные во-

инские части, и в их числе армейская газета. Личный состав ее давно был выдворен из своих квартир и в регулярно обстреливаемом здании пребывал на осадном положении, без семей, потихоньку спиваясь. Увы, в начале девяностых жизнь российского офицера в Грузии не стоила почти ничего, да и за риск и особую враждебность населения к людям в военной форме «боевых» денег не платили. А что послать в ближайшее забугорье следует именно меня, сослуживцы единогласно решили на офицерском собрании, воспользовавшись моим нахождением в командировке. Что у меня жена-сердечница с двумя детьми на руках (сын тогда только-только в детский садик ходить начал) и что только после четырнадцати лет мыкания по чужим углам, лишь недавно и впервые я наконец-то получил квартиру, учитывать никто не пожелал.

Тут ведь главное — любыми путями и средствами не угодить за неперспективный кордон самому! И вообще: в армии виновных назначают!

— Ты не имеешь права игнорировать решение коллектива! — заявил мне редактор, когда я попытался было обратиться его внимание на болезнь Надюши. И издевательски добавил: — В Тбилиси вообще прекрасный для сердечников климат.

— Ну и почему бы вам в таком случае самому туда не перебраться? Кишка тонка? — понимая, что мне уже нечего терять, с сарказмом выдал я и, игнорируя несущиеся в спину рискованные выражения, пошел писать рапорт на увольнение.

При всём при том это еще оказался не конец «грузинской» истории.

Один из моих сослуживцев в перестроечное время возглавлял в газете отдел партийной жизни, а еще раньше — отмечу особо — прошел Афганистан. За два года же до падения СССР мне удалось опубликовать во всесоюзном на тот момент журнале «Литературная учеба» повесть на тему афганской войны. Но участия-то в ней я не принимал! Зато подолгу беседовал с дюжиной побывавших «за речкой» воинов, тщательно отбирая фактуру и выстраивая композицию этой вещи. Она неожиданно удалась, удостоившись позитивных откликов в толстых литературных журналах. Скажем, «Знамя» один из кульминационных эпизодов повести оценило так: «На уровне ситуации, на уровне напряжения материала — за гранью литературы. Следующий шаг — если он возможен — должен быть, очевидно, прорывом в душу: что с ней происходит вот в такие моменты?»

На радостях я и показал авторский экземпляр журнала нашему «афганцу»-подполковнику. Реликтовая недалечно-

видность! Старший офицер вяло полистал номер и в первую очередь поинтересовался:

— А ты партийные взносы с гонорара почему не заплатил?.. Как это «пока не получил»? Журнал-то уже вышел! Смотри, если выясню, что доходы от партии утаиваешь, живо у меня на парткомиссию попадешь!

Про саму же повесть, даже не читая, выразился так: а в ней всё изначально неверно, поскольку сам я Афгана не нюхал. Да и вообще, мол, по этой причине не имел морального права браться за святую тему. Вот он бы сам написал куда лучше и правдивее, но ему пока данным вопросом просто некогда заняться...

Так вот, этот самый подполковник после моего отказа от Грузии пытался проташить идею, что следует собрать новое офицерское собрание, где всенародно обвиновать меня и заклеить позором за трусость, а уж только потом дать коллегияльного пинка, с улюлюканьем изгнав из вооруженных сил. Спасибо, хоть тут большинство военкоров бредовой инициативы не поддержало, и я на удивление тихо-мирно закончил с армейской системой и с фактически предавшим меня коллективом, который вполне подходил под определение «серпентарий единомышленников».

Тысячу раз прав был Михалков по поводу трех «Б»!

Зато Надюша полностью была со мной солидарна — как, впрочем, и всегда.

— Что же мы, брошенными, без мужской руки, здесь остались бы? Да у нас сын еще дошкольник! Ему отец рядом нужен, а не на чужбине и на фотографиях! Хороши, однако, твои газетные друзья-товарищи — считай, на распыл тебя гамузом пустить желали! И самое подлое — решение это принимали за твоей спиной, тебя самого даже не выслушав, так еще и в малодушии обвиняют! Ну да ладно! Господь, он всё видит и всем воздаст, каждому в свой срок. Как там, на кольце Соломона, было выгравировано: «Всё пройдет, и это тоже пройдет». Не пропадешь и на гражданке, любимый и родной! Иди сюда, обниму и расцелую!

Насколько же важно в сложных жизненных перипетиях чувствовать рядом пусть хрупкое, но такое надежное плечо милого сердцу человека! Миллион раз спасибо жене за поддержку в столь принципиальный момент! И низкий поклон...

Можно сказать, что в той ситуации с не выслуженным по армейским меркам минимальным пенсионным сроком мне повезло, и здорово. Через полгода мытарств и случайных заработков сумел-таки аттестоваться и в дальнейшем прочно закрепился в милицейской системе. Причем трудился там

именно по своей журналистской специальности, в пресс-службе. А еще через девять лет, при общей календарной выслуге в четверть века, благополучно вышел в запас.

— Вот видишь! — улыбнулась Надюша, впервые обозрев мое пенсионное удостоверение. — Сдюжил же, перемог. Зато теперь в любом случае кусок хлеба на старость обеспечен...

...Всё тот же рыбацкий бар. Его посетители с тревогой смотрят теленовости. Ураган охватил огромную акваторию и докатился до побережья. В помещении появляется владелец бота. Он сообщает, что спасательный вертолет потерпел аварию и связи с судном, на котором находятся родные и близкие жителей городка, нет. «Мы бессильны, — резюмирует он. Но цинично напоминает: — Что делать, это работа». Жена одного из пропавших бросается на судовладельца с кулаками, кричит, что он считает свои деньги, пока ее муж погибает в океане, и она ненавидит такую работу!

Вертолетчиков подбирает спасательное судно. А боту предстоит пройти через огромную волну. «У нас один шанс... Будем молиться...» — говорит капитан.

И у нашей семьи тоже единственный шанс. «Господи, не оставь Своей милостью! — беззвучно произношу я и, просунув пальцы под рубашку, бережно дотрагиваюсь до нательного креста. — Господи, помоги врачам!»

В голову приходит абсолютно неадекватная мысль. Если сейчас киногороям удастся совершить более чем рискованный маневр, значит, и у Надюши всё будет хорошо. Ну а если всё же нет? Внутренне сопротивляюсь этой притянутой за уши, нежелательной и беспочвенной лотерее. Не путай экранный вымысел с беспощадным настоящим! На мой взгляд, лучше всего об этой беспощадности сказал великий Набоков в строках, открывающих его автобиографический роман «Другие берега»: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь — только шель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, в которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час». Ему же принадлежит и афоризм: «Жизнь — большой сюрприз. Возможно, смерть окажется еще большим сюрпризом».

Я что, начинаю помалу сходить с ума? Прочь, прочь минусовые раздумья! ...Совершив полный продольный оборот, бот взмывает на вершину гигантской волны.

— Такого на практике не бывает! — авторитетно изрекает жердяистый.

«Получилось! — торжествующе кричит капитан. — Ребята, мы живы!»

А вот получится ли победить у нас с женой? Переживет ли завершающиеся сутки она? Господи, сотвори чудо! И вы тоже, люди самой гуманной профессии!

Киногероям в итоге не пофартило. Не достигнув гребня еще одной, уже исполинской волны-убийцы, судно через нос опрокидывается вверх килем и исчезает под многотонной массой воды. «Оверкиль, оверкиль», — бубнит жердяистый, имея в виду переворот корабля. На поверхность выныривает лишь один из моряков — это мог сделать еще и капитан, но он предпочел погибнуть вместе с остальной командой. Однако минуты всплывшего сочтены: на нём нет даже спасательного жилета. Пока рыбак удерживается на кипучей поверхности, но надолго ли ему хватит сил?

Рядом с обреченным сквозь волны проявляется призрачный женский силуэт. Закадровый голос тонущего обращается к спутнице жизни — это она в баре в истерике бросалась на владельца бота: «Ты слышишь меня? Это я разговариваю с тобой... Ты знаешь, как сильно я тебя люблю? Я полюбил тебя, как только увидел. Я люблю тебя сейчас и буду любить тебя всегда. Нет расставаний. Есть только любовь... Только любовь...»

Весь этот внутренний киномонолог до единого слова, до каждой запятой переадресовываю любимой женщине. Я тоже всей душой с тобой, милая, родная, страдающая. Ты только не сдавайся, превозмоги, не уходи!

Женский силуэт безмолвно растворяется в волнах, на прощанье помахав рукой. А камера, «отъезжая», увеличивает картину идеального шторма, на фоне которой несчастный превращается в точку и наконец исчезает в клочьях пены.

Я не в состоянии смотреть ленту дальше! Поспешно встаю, подхватываю стул и заносу его к Татьяне.

— Слушай, да на тебе лица нет! — восклицает она. — Что-то сообщили? Что?..

— Нет, пока так ничего и не известно, — разлепляю я губы.

— А чего ты тогда раскис? — преувеличенно бодрым голосом мягко пристыжает меня женщина. — Не паникуй! Повторяю: всё будет хорошо!

— Очень хотелось бы, кто бы сомневался, — тихо отзываюсь я. — Ладно, пойду, а то уже скоро на четвертый этаж подниматься. Спокойной ночи...

Медленно бреду по больничному коридору. В затылке ощущается пока несильная пульсирующая боль — знаю, это

подпрыгнуло давление, я ведь гипертоник лет с сорока... Дохожу до «телезала», останавливаюсь.

На экране — зауспокойная месса, посвященная памяти усопших рыбаков. Католический костел полон, люди теснятся на церковных скамейках. Портреты погибших выставлены перед алтарем. Торжественно звучит реквием. Потом на микрофонизированный амвон поднимается женщина-капитан, дружившая с капитаном затонувшего бота. Она произносит траурную речь, заканчивая ее так: «Мы можем сохранить вас в наших сердцах и наших мыслях. Мы будем мечтать за вас. Прощайте, родные...»

А я не хочу, не желаю, не мыслю окончательного прощания с самым близким мне на всём белом свете человеком! И мечтать за него тоже не хочу! Да, конечно, есть еще повзрослевшие дети. Участия в их воспитании принимал мало — ненормированный день, частые командировки, бывали и полугодичные. Да и вообще: ну вот не по душе было возиться с малышами — и точка. В отличие от радательной и чадолюбивой, росшей вместе с тремя сестрами и двумя братьями Надюши. Кстати, прекрасно готовящей: меня к «полтиннику» до центнера раскормила. Наследники живут отдельно от нас, а вот внуками пока не порадовали. Но дети — это дети, а жена — она всегда Жена. По крайней мере, для меня. Именно в чувстве взаимной любви утверждается абсолютное значение двух неразделимых самобытностей.

Господи, помоги же! Каюсь, я плохой прихожанин: в храме бываю редко, дома почти не молюсь, посты не соблюдаю, за прошедший после крещения год еще не сподобился исповедаться. Но всё равно, зываю, помоги!

...В кадре — стена, облицованная плитами белого мрамора. На них выбиты списки погибших моряков более чем за сто лет, по годам. Камера крупным планом показывает шесть вновь добавленных фамилий. Это всё. Конец.

В одном из множества своих значений слово ВСЁ бесконечно ужасно, душераздирающе. ВСЁ — это появление под портретом второй даты. Ситуация, когда у человека просто нет никаких аргументов в свою защиту. ВСЁ — в нашем восприятии исключительно внешняя сила, символ необратимости и полная потеря любых надежд...

Уже около получаса я стою у входа в коридор операционного блока, упорно глядя в двустворчатую дверь с окнами-иллюминаторами. Там, за ней, в одной из операционных, моя дальнейшая судьба. Я не хочу терять надежды! Возродите ее, многомогущие служители медицины!

Положа руку на сердце, в узах гименея чувствовал себя всегда духовно комфортно и весьма ими дорожил. Но комфорт-то однозначно создавала мне моя любимая. Наверяд ли ей это доставляло такое же удовольствие. Однако ведь безропотно несла свой крест!

Тьфу, тоже, нашел время и место для самокритики! А где ты был раньше? Гос-по-ди!!!

Вот выйдет сейчас ко мне оперирующий хирург, обреченно разведет руками и привычно-деревяннo — работа такая — произнесет: «Увы...» И... что тогда? Нет, конечно, понятно: прощание-рыдание, похороны, поминки, поутру следующего дня свежую могилку проведать... Но потом-то, потом? Какая она окажется, совершенно другая жизнь?! Без милой, любимой, единственной? Нет, нет, нет! Господи, прошу Тебя, взываю, умоляю: сжался, помоги, сделай милость!

... По коридору операционного блока идет невысокий мужчина в бирюзовом халате, полотняных бахилах и хирургической маске. Кто это? Ах, да! Это же завотделением, он ассистировал оперирующему кардиохирургу.

Осторожно делаю навстречу человеку, который сейчас несколькими словами либо осчастливит меня, либо сделает грубо несчастным, шаг, другой, третий...

Я боюсь услышать всё равно что, мне дико хочется пуститься наутек, улепетнуть, драпануть отсюда далеко-далеко, очутиться вдруг где-то на девственной природе и чтобы рядом — молодая Надюша. Вот именно так: мне за пятьдесят, а ей пусть будет столько же, как в день нашего знакомства...

Ну... Ну? Ну?!!

— Не волнуйтесь, — произносит завотделением, уже снявший маску. — Операция прошла ровно, без осложнений. Вашу супругу сейчас зашивают. А потом она будет продолжительно спать, до суток...

Мобильник высвечивает двадцать два часа. Я опять стою перед «центром сердца». Крещусь на домовую церковку — мои молитвы услышаны.

Спасибо, Отец небесный, что не оставил нашу семью милостью Своей, а меня, грешного, не присовокупил к армии вдовцов. Спасибо и вам, хирурги от Бога! Жизнь снова продолжается! Конечно, теперь жене предстоит долгий период реабилитации, но это ничего, это-то мы сдюжим. А теперь следует срочно сделать три звонка: моему другу-батюшке и детям, поделиться всеобъемлющей радостью. И домой, домой — маршрутки еще ходят, а усталость навалилась такая, будто весь день без отдыха тяжести таскал...

И я напоследок вновь трижды осеняю себя крестом.

С того дня, как жене сделали «двойную» операцию на сердце, прошло шесть лет. И вновь за окнами май, а на аллеях знакомого мини-парка при кардиологическом центре, одна из которых выходит на домовую церковь, из рук больных и посетителей кормятся белки-капризницы. Все шесть операционных блоков кардиоцентра продолжают работать с предельной нагрузкой, даруя многим людям многие годы жизни.

Реабилитация Надюши проходила долго, особенно досаждали боли в нижней части послеоперационного шва, где образовалась спайка. Впрочем, она-таки постепенно рассосалась. Не беспокоит уже и стенокардия, однако давление пошаливает, причем нередко.

Искусственный митральный клапан функционирует исправно. Да и подобранный «родной» шунт вполне вписался в систему кровотока. И это очень даже радует.

Однако теперь у жены иная и тоже очень серьезная проблема со здоровьем: участились микроинсульты с онемением левой половины тела. Пока — лишь на считанные минуты, а как будет дальше — время и лечение у невролога покажут.

Из меня истовый христианин так и не получился. Не утрашаю свою жизнь молитвами и богомыслием, храм продолжаю посещать от случая к случаю, не пощусь, крест нателенный в ванной и поныне снимаю. Вот, правда, на исповеди недавно побывал. Кротким и милосердным меня тоже не назовешь. Забывая другой раз о перенесенной Надюшей тяжелой операции, и сегодня способен в горячке накричать на нее...

И вновь очень комфортно, по-своему вполне счастливо чувствую себя рядом с рассудительной и заботливой, пусть временами недужащей и много в чем теперь ограниченной в обиходе моей хранительницей очага.

Единственным же днем, когда я с утра и до вечера обращался за помощью к Богу, молился, как мог, и перекрестился бесчисленное количество раз, был день открытой операции на сердце у моей любимой и родной.

Грешно и пугающе так думать, но... Выходит, счастливому Он не нужен?..

«Я СВОИХ РЕШЕНИЙ НЕ МЕНЯЮ!»

Майор полиции Михаил Глоткин — мужчина с тонкими гармоничными чертами лица и усами типа карандаш — энергично постучался в облицованную дубовым шпоном дверь и приотворил её. За нею находился кабинет заместителя на-

чальника областного УВД — он же начальник Управления кадров.

— Разрешите, товарищ генерал? Секретарь передала, что вы вызываете...

— А-а, это ты, — оторвался от чтения очередного документа восседавший за обширным двухтумбовым столом генерал-майор полиции Тертерян — упитанный, с узким лбом под низкой линией густых, слегка выющихся волос и с миндалевидными карими глазами. — Заходи, присаживайся.

— Есть... — Михаил подошел к приставному столику, образовавшему вкуче с двухтумбовиком букву «т», и опустился на мягкий стул. — Слушаю вас.

— И внимательно! — уточнил Тертерян. — Я тебя зачем вызвал: прочел, значит, твой отчет о привлечении населения к охране общественного порядка и глазам не поверил. Объясни: тебя сюда, в УВД, для чего брали? Классный специалист, классный специалист... А на деле? Да за что я тебе деньги плачу? Я твою работу делаю! Что у меня, своих проблем мало, еще и за тобой хвосты заносить! Как же! — И негодуя хмыкнул, наморщив удлинённый, с горбинкой нос.

В штат областной полиции майор был зачислен три месяца назад, а до того немало лет прослужил корреспондентом окружной газеты. Начинал же лейтенантом, командиром взвода в учебном полку. Но, окончив потом заочно факультет прозы Литературного института — случай для профессионального военного, прямо скажем, редчайший, — был переведен в армейское издание, резко сменив профиль строевого офицера на стезю штатного военного корреспондента.

Им и отработал почти десять лет, впрочем, из-за ершистости характера так и не поднявшись карьерно хотя бы до начальника отдела газеты.

И тут наступил год 2010-й, когда решением на высшем уровне с военных журналистов, врачей и юристов сняли погоны, сделав эти должности гражданскими. На тот момент майору Глоткину еще не исполнилось сорока лет и права на пенсию (при минимуме двадцати прослуженных «календарей») он заработать не успел. С переводом к новому месту службы тоже не срослось. Так что система безжалостно выкинула человека в безденежную отставку. Ладно хоть, уже жилплощадью...

Промыкавшись с год то сторожем, то грузчиком, отставник сумел-таки пробиться в кадры областной полиции. Да, там имелась собственная пресс-служба, однако вакансии в ней тогда отсутствовали, а вот в отделе воспитательной работы (ОВР) как раз освободилось место старшего инспектора.

Обязанностей здесь офицеру вменили немало: написание приветственных адресов и проектов различных приказов, проведение служебных расследований и взаимодействие с ветеранами УВД, организация всяческих праздников, курсов, встреч и — се ля ви — похорон. А еще ему надлежало исполнять функции спичрайтера — составителя текстов речей и выступлений для руководства УВД. Подобрать для подобной работы конкретного исполнителя оказалось проблематично, так что кандидатура опытного журналиста, еще и побывавшего в «горячих точках», пришлось весьма кстати — он новую для себя полицейскую тематику добросовестно осваивал. И сейчас откровенно не понимал причины столь явного недовольства большого начальника.

— Так в чем, собственно, проблема? — осторожно уточнил Михаил.

— Да в том самом! Чти: ты как здесь написал? «По инициативе генерала Тертеряна...» Эрудит! Уж тебе-то по долгу службы пора бы знать: моя фамилия не склоняется! Вот!

— Извините, товарищ генерал, — негромко, но твердо возразил майор. — По закону русской грамматики она склоняется, как и всякая иная мужская, оканчивающаяся на согласную. Это женские фамилии такого рода не склоняются.

— Что ты мне тут сказки рассказываешь! — не поверил генерал. — При чем здесь русская грамматика, если у меня армянская фамилия? Ну?

— Языковое происхождение в данном случае значения не имеет, — твердо стоял на своем Глоткин. — Правил, что подобные армянские или еще какой-то национальности фамилии не склоняются вовсе, не существует. Нет, конечно, может быть, в вашем родном языке в этом плане всё обстоит по-иному. Но совершенно точно знаю, что в русском фамилия, равно как и любое другое слово, должна подчиняться грамматическим законам.

— Грамматик какой, однако! — буркнул Тертерян. — Читать-писать умеет! — Пожевал губами и поинтересовался: — А ты вообще-то откуда всё это знаешь?

— Так меня ведь русскому языку в Литинституте лучшие профессора учили...

— Что, умный чересчур или как? — подковыристо спросил генерал и попытожил: — Ну и иди тогда отсюда! Специалист, понимаешь, нашелся! Ага!

Майор полиции выдал: «Есть!» — и удалился, унося в душе обиду.

Недели через две он вновь предстал перед генеральскими очами.

— Вот ты тут написал «согласно приказу», а надо «согласно приказа», — даже не поздоровавшись, с места в карьер, напористо обвинил подчиненного Тертерян, и его рот с тонкими губами искривился насмешкой. — Лучшие профессора его учили! Да за что я тебе деньги плачу?

— Товарищ генерал, предлог «согласно» употребляется только с дательным падежом, отвечая на вопрос «кому-чему», а значит, «приказу». И еще есть вариант: предлог «согласно с» — тогда «чем», творительный падеж, «приказом». Но ни в коем случае не с родительным — «чего», «приказа», — пояснил Глоткин.

— Этого не может быть! — рывкнул генерал и раздраженно бухнул кулаком по столу. — Ты вот меня так убеди, чтобы я поверил! Доказательство представь! А?

— Так точно. Сейчас. — И Михаил шагнул к двери.

— Ты куда это собрался?

— За доказательством.

— Не понял...

— Ну.. Вы же требуете вас конкретикой убедить, так я сейчас, быстро...

Глоткин принес Тертеряну «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, открыл на нужной странице, авторучкой указал на ней место:

— Товарищ генерал, прочтите. О предлоге «согласно». Тут совсем немного.

Тертерян с явной неохотой нацепил очки и уткнулся в текст, осмысливая его. Убедившись наконец в правоте подчиненного, в раздумье забарабанил короткими пальцами по столу. Но вот лицо начальника исказилось в гневе, крупные уши с четко очерченными мочками быстротечно порозовели, и он повысил голос:

— То есть ты хочешь сказать, будто я целых двадцать пять лет прослужил и всё это время неправильно писал? Милое дело!

— Товарищ генерал, но вот же перед вами словарь...

— Хрена ты мне им тычешь? Умник нашелся, ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Литераторный он окончил! Да пош-шел ты вместе с этим талмудом знаешь куда? — И генерал негодуя смыхнул большеформатную книгу со стола. — Интеллектуал, твою дивизию! Кулибин! Не голова, а Дом советов! Ага!

— За что же вы меня так нещадно? — поднял Михаил неповинного Ожегова с подломанным уголком обложки. — И при чем тут книга?

— А за то самое, что нечего свою большемозгость перед начальством выпячивать! Иди, и чтоб больше не сметь тут всякими энциклопедиями козырять!

С того дня меж писучим подчиненным, которому до права выхода на «пенсион» оставалось прослужить около двух с половиной лет, и энергичным амбициозным начальником стартовала своего рода игра в одни ворота. Было понятно, что гонористый руководитель загорелся идеей фикс: поймать строптивца хоть на какой-то некомпетентности по части знания русского языка. Посему время от времени генерал требовал майора к себе «на ковер» и задавал очередной каверзный «языковой» вопрос, на который сам уже ответ ранее вынужден был.

Так, однажды Тертерян заставил Глоткина под диктовку писать слова «постимпрессионизм» и «предымпрессионизм», а потом натужно выяснял, почему в одном случае после приставки стоит «и», а в другом «ы», и затем — как это всё соотносится с не укладывающимися в правило глаголом «взимать» и существительным «пединститут».

В другой раз генерал проверил майора, хорошо ли он знает, в каких случаях «не» с глаголами пишется слитно, а в каких — раздельно. Да с примерами чтобы.

А в один прекрасный день потребовал разъяснить, почему к группе прилагательных-исключений, пишущихся с удвоенным «н» в суффиксе «ян» — «оловянный, деревянный, стеклянный», — не добавляется еще слово «окаянный». И был весьма недоволен, что подчиненный оказался в курсе: поскольку оно образовано вовсе не от имени существительного, обозначающего материал (как три упомянутых, составляющих группу исключений), но происходит от глагола «окаять» — то есть отлучить от церкви, являясь однокоренным с «каяться».

Начальник ОВР подполковник полиции Попенко, в непосредственном подчинении которого находился Михаил, неоднократно пенял тому:

— И кто тебя изначально просил вылезать со своим длинным языком? Ну заявил генерал, что его фамилия не склоняется, — есть, виноват, исправлюсь! Ну уперся, что «согласно приказа» правильнее — ладно, так точно, зафиксировал! Спасибо за науку! Самого же его чему-то пытаться научить... Хронически противопоказано! Он себя всегда и во всем полагает величайшим экспертом. Да, завышенная самооценка, да, порой несет ахинею, но что тут поделаешь — генерал!

— Но он же требует нарушения грамматических норм! — возмущался Михаил.

— А кому с того холодно или жарко? Думаешь, во всех учреждениях великие знатоки русского языка сидят? Другой раз в адресованном нам документе такое читаешь — просто диву даешься! Грамотность ниже уровня первоклашек!

— И еще бранится всякий раз, причем чем дальше, тем хлеще! — продолжал досадовать Глоткин.

— Ха! Удивил! Да ты с ним куда реже общаешься, а вот меня или зама он за день трижды очень далеко послать может! Но ведь мы же терпим, что и тебе настоятельно советую. Потому как, в конце-то концов, на деле никто никуда вовсе не идет. Забуди! Без мата жить нельзя на свете, нет... Или, может, когда взводом командовал, всегда чисто на «вы» с солдатами изъяснялся? Убей — не поверю!

— Ну, знаете... Это ж совсем другой коленкор!

— Другой, не другой... Пойми, правдолюбивая твоя душа, нельзя в жизни быть тупо прямолинейным! Иногда для пользы общего дела, а главное, и для себя самого кое-чем поступиться не грех.

— Смотря когда и смотря чем именно.

— Спасибо, что хоть с этим согласился. А то прямо как сталинский министр иностранных дел Молотов, которого в дипломатических кругах за непримиримую позицию, демонстрируемую по многим вопросам, прозвали Господин Нет...

Наконец регулярно экзаменуемый генералом старший инспектор дослужил до двадцати исполнившихся «календарей». И как раз через несколько дней после значимой для Глоткина даты Тертерян вновь выдернул его в свой просторный кабинет, увешанный многочисленными вымпелами и грамотами в рамочках.

— Так, корифей русского языка... Разбери-ка ты мне по составу слово «вынуть», — после традиционного приветствия потребовал руководитель. — Ну-ка?

— Пожалуйста, — вздохнул майор: он интуитивно предугадывал, что сегодня испытание на грамотность грозит закончиться скандалом. Однако не рапортовать же: «Не могу знать!» — Значит, «вы» — приставка, обозначающая действие изнутри наружу, «ну» — суффикс однократности действия, «ть» — окончание инфинитива либо формообразующий суффикс: тут ученые в суждениях расходятся. Корня же в «вынуть», на первый взгляд, вовсе нет, хотя он и имеется. Весьма особое слово...

— То есть? — сделал резкое движение головой в сторону от Глоткина уже потерявший было нить разъяснений экзаменатор, но суть последних предложений уловивший-таки. — Мне доцент из университета именно и объявил: нет вообще! Или, по-иному, — генерал заглянул в подобие шпаргалки, — вот: корень нулевой.

— Да, такое мнение бытует. Если плясать от родственного слова «вынимать», где буква «н» входит в корень «ним», то

при образовании от него «вынуть» получается, что суффикс «ну» отсекает весь корень. Это чтобы избежать непонятного удвоения согласного, ведь произносить «выннуть» нам было бы куда менее комфортно. Но поскольку, по нормам русского языка, корень является основным и обязательным элементом любого слова, то... В общем, самое интересное: в глаголе «вынуть» буква «н» одновременно является и корнем, и частью суффикса, а само явление носит название наложения морфем. Иными словами, хотя формально в структуре слова корень не выделишь, в его внутренней форме он присутствует.

— Ты меня совсем запутал! — с ехидцей перебил скрестивший на груди руки и насупившийся генерал. — Так он есть или нет?

— Ну.. Как вы пожелаете, так и считайте, — пожал плечами Михаил, вспомнив советы начальника отдела. И не удержался, зримо чувствуя за спиной свое пенсионное право: — Собственно, для УВД-то разницы никакой...

— А-а-а, ты, значит, утверждаешь, будто я ничего в русском языке не смыслю? — миг вспетушился Тертерян, упершись ладонями в подлокотники кресла, и весь посунулся вперед, к оппоненту. — Да за что я тебе деньги плачу?

— Вам виднее, — уклончиво ответил майор. И внезапно закусил удила: — Во всяком случае, уж явно не за то, чтобы морфемный анализ выборочных слов делать. Никак не входит это в мои служебные обязанности. За ради чего же не мытьем, так катаньем вы стремитесь уличить меня в профнепригодности? Чтобы опустить ниже плинтуса и торжествующе ноги вытереть? И насчет моего денежного довольствия из вашего личного кармана... Однозначно перебор!

— Вон из кабинета! — завопил опешивший поначалу от «бунта гарнира» генерал, и его слегка скошенный в одну сторону рот — признак горячего нрава — хищно приоткрылся, обнажив мелкие зубы. — Завтра же уволю! По негативу! Вот!

Подчиненный поспешно ретировался. И затем весь остаток рабочего дня отрешенно просидел перед включенным компьютером, так и не закончив проекта очередного приказа. В сознании почему-то всплыл факт, что руковод-экзаменатор лишь в течение нескольких секунд может смотреться в зеркало. А непереносимость зеркал зачастую указывает на нелады психики — несдержанность, нетерпимость к критике, сверхдотошность и заикленность на чем-то, подчас на собственной внешности.

Впрочем, старший инспектор знал и другое. Что в конце девяностых — начале двухтысячных Тертерян неоднократно выезжал в «горячие точки» и по итогам таких служебных

командировок награжден орденом Мужества, а также медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

И еще. До сих пор в игре в одни ворота майор ни разу не спасовал. Но до бесконечности это продолжаться не могло. Ведь о том же нетривиальном бескорневом случае он лишь мимовольно услышал в общежитии Литературного института. Позднее же, из любопытства, обратился за более подробным разъяснением этого лексического феномена к лектору, читавшему курс современного русского языка. Потому-то через много лет и смог защититься...

Переболев ангиной, на следующий день на службу вышел начальник ОВР. И после утреннего общения с генералом тут же потребовал к себе Глоткина.

— Ну ты и нагероил! — осуждающе начал подполковник. — Это ж надо было так его раздраконить! Рвет и мечет! Что ж, давай послушаю твою версию...

А послушав, заявил:

— Ты сам во всем виноват! Сколько раз пенял: не возражай, не раздражай, не обостряй! Теперь вот генерал кричит, что тебя уволить надо... Ладно, это, конечно, он переберется, только не в одночасье. В командировку, что ли, дней на несколько тебя угнать? Хотя к нему же за «добром» на посыл и идти. Зарубит!

— Да я, собственно, против увольнения вовсе не возражаю, — вклинился в монолог начальника Михаил. — Пенсию-то, слава Всевышнему, уже заработал.

— То есть? — аж подавился словами подполковник. — Тебе же еще сорока пяти нет! Если уйдешь, то по денежному минимуму! Других и после «полтинника» пинками на отдых не выгнать, до гробовой доски погонную лямку тянуть готовы!

— Хозяин — барин, а я так не готов... Совсем! Надоели генеральские причуды. Сейчас вот пойду и рапорт на заслуженный отдых накропаю.

— Шутить вздумал? Шантажируешь? Думаешь, все тебе сразу в ножки кинутся? И думать забудь!

— Давайте чистый лист, — усмехнулся Глоткин. — Увидите, шучу или как.

— А работать за тебя кто будет? — почти возопил начальник.

— Скажите, товарищ подполковник, раз уже вы сами завели о том речь, как, на ваш взгляд, я хорошо работаю? — поинтересовался Михаил.

— Ущербное какое-то любопытство... Скажем так: нормально. И что с того?

— Поскромничали. Я свой участок с первого дня прихода в УВД грудью закрываю. Вопрос: так вы меня вообще-то выдвигать хотя бы куда-то думаете?

— Об этом не может быть и речи! — едва не подпрыгнул в кресле Попенко. — Генерал давно сказал: ни при каких обстоятельствах тебя с этой должности не перемещать!

— То есть сколько бы и как бы великолепно я ни служил, в карьерном росте мне отказано навсегда? Тогда объясните: чем я отличаюсь от вас и от Тертеряна? Разумею, вам обоим на жизненном пути подобных палок в спицы не вставляли.

— Ну как ты не понимаешь очевидного? — сбавил обороты начальник ОВР. — Специалист ты редкий. А что, собственно, тебя не устраивает? Сиди и работай дальше на прежней должности. Генерал — он отходчивый. Сегодня поорал — завтра забыл. Вон меня и зама он минимум раз в неделю стабильно «увольняет». И ничего, как-то и дальше живем — хлеб жуем.

— Не хочу я «как-то». Да притом эти постоянные экзамены на грамотность меня уже достали. В общем, так: если генерала я на своей должности пока устраиваю, то пусть он хотя бы подполковника присвоит и перестанет попустому добавываться. Да — да, нет — нет. И если нет, скатертью мне тогда дорога на «дембель», народное хозяйство поднимать.

— С ума сошел... — с сожалением произнес Попенко. — После подобного ультиматума он тебе точно выкинштейн из системы сделает. А ты обо мне подумал? — с обидой продолжил он. — Кого я на твое место так сразу найду?

— Это уже не мои проблемы, — глубоко вздохнув, парировал подчиненный. — И давайте заканчивать дискуссию: у меня куча бумаг на срочном исполнении...

Почти месяц подполковник тянул резину, убеждая Глоткина, что с его «большим» вопросом к Тертеряну следует подходить только в минуту самого его распрекрасного настроения. А ее, мол, еще безошибочно уловить нужно. Но однажды рискнул-таки, задал вопрос о повышении старшего инспектора в звании.

Лучше бы не задавал...

— Генерал заявил, что ты до хренища умный, и потому, пока он в своем кресле сидит, ты хоть до ста лет доживи, всё одно майором будешь ходить. И пусть он принял неправильное решение, пусть от того будет хуже общему делу, пусть небо на землю упадет — и еще много чего было сказано «пусть», — его это не плющит, по фене и до лампы. Концовка, дословно: «Я своих решений не меняю!» И через слово матом орал, — пояснил Попенко. — Ясно теперь, чего ты добился?

— Предельно ясно, — кивнул Михаил. — Ну и я своих решений не меняю!

И пошел писать рапорт на увольнение.

КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Июльская звездная ночь, наступая, спешила объять южный город сном.

Из подъезда высотного панельного дома неспешно вышел огузший подполковник в армейской повседневной форме — на вид лет под сорок, с треугольным типом лица. (Бытует мнение, что таким людям свойственны хитрость и рационализм.) Фуражка-«кужугетовка», накинутая на голову военного, оставляла для обозрения тонкие косые баки и маленькие, красиво вылепленные уши. А вздернутый розоватый нос выдавал натуру любвеобильную, склонную к частой перемене марьяжниц. Портрет защитника родины довершали редкого болотного цвета глаза, направленные вниз уголки мягкого рта и слегка выдающийся вперед подбородок. В руке старший офицер держал серебристый металлический кейс с кодовым замком.

Вынув из кармана кольцо с брелоком автоаларма и ключами зажигания к новенькому «БМВ», припаркованному неподалеку, подполковник в охотку подбросил на ладони сигналку. Хоп! И энергично ткнул на кнопку отключения электронного сторожа иномарки. Бережно открыл водительскую дверцу, неповоротливо забрался в салон, кейс и фуражку уложил на свободное сиденье. Аккуратно захлопнув дверцу, запустил двигатель и замер, ожидая его прогрева...

И тут вдруг на переднее пассажирское место престижного авто вторгся дюжий коротко стриженный мужчина в черном спортивном костюме «Адидас» и белого цвета легких кевларовых перчатках — комфортных, позволяющих руке «дышать». «Кужугетовку» и кейс он сразу дерзко зашвырнул на заднее сиденье.

— Что вы себе позволяете? — оторопело возопил подполковник. — Немедленно покиньте машину! Сейчас вот в полицию позвоню!

— Завянь и не вякай! — прицыкнул «спортсмен». — Раздухарился, блин, не в цвет... Темнишь, что не узнал, или в натуре не догоняешь? Ну да, червончик-то годков с той поры реактивно пролетел. А ты поднатужься, бобер, поднапряги мозг. Ишь как нынче кучеряво живешь, с кандибобером! По шмарам шастаешь, «бумер» отгрёб — мама, не горюй! Шик-

блеск, в ж... треск. Папочка-то, по ходу, от дел уже отошел, сам теперь на кофе с булочкой капусту рубишь.

Сбитый с толку и настожившийся офицер на автомате включил освещение в салоне и острым взглядом выпуклых глаз озадаченно, с болезненным любопытством вперился в таинственного пассажира.

Возраст у незванца, похоже, был лет тридцать пять. Лоб низкий, с ранними морщинами. Уши чуть заострены и плотно прилегали к голове. Идеальный нос — прямой, с неширокими крыльями ноздрей — делал всё лицо гармоничным. Рот умеренно крупный, с тонкой линией сомкнутых губ. И большие голубые глаза с неуправляемым блеском, узкие внешние концы бровей, указывающие на храбрость и благородство. А в стальном гипнотическом взгляде отчетливо читались враждебность и презрительность.

— Н-н-не припоминаю... — зябко повея плечами, заявил подполковник, хотя память была в колокола: с этим типом жизнь раньше его точно пересекала!

— Наводка, — усмехнулся «спортсмен», повернул голову влево и ткнул пальцем в глубокий шрам-зигзаг на правой скуле. — Ну, стервятника? Кого вкрутую вломил, а сам закосил? Теперь, сучара, допетрил?

Офицер приподнял брови, глаза его широко раскрылись — и вдруг он съезжился, будто от холода. Мышцы лица у него резко напряглись, кулаки сами собой сжались, и согнутыми в локтях руками он панически заслонил живот.

— Какой, однако, он кисляк смандячил! Очко жим-жим? — издевательски усмехнулся «спортсмен».

— Святослав? Свят?! — наконец робко разлепил губы подполковник.

— Ага, Вован! Вспомнил, однако, мою давнюю кликуху! А вот когда я в колонии обретался, там братва другое погоняло пришпандорила. Уткнутый. За упертость, за готовность свои права перед любым беспредельщиком отстаивать. Ну, с кем поведешься... Э-э, куда, блин?

Левой рукой «спортсмен» живо обхватил шею уже было приоткрывшего дверцу авто подполковника, вознамерившегося дать дёру от гостя из прошлого, а правой неуловимо выщелкнул лезвие из внезапно появившегося в его ладони выкидного ножа, и острый край его прижался к кадыку несостоявшегося беглеца.

— Винта он нарезать собрался, мразь! Да что я, зазря неделю у тебя на хвосте висел? Сызнова дернешься — на раз под красный галстук возьму! Змей! Ладно, не менжуйся, гасить тебя сегодня не собираюсь. Хотя и следовало бы! За безмер-

ную подлянку. Значит, так: двери на запор, ремнем пристегнуться — и вперед, на малой скорости, по дороге за город. А попробуешь к центру свернуть — враз ливерку на перо намотаю. Да правил дорожных мне не сместь нарушать! И мобилу гони сюда, чтоб желания по ней кашлянуть кому ни то не возникало. Покатаемся пока в ночи, заодно и про дела наши скорбные-давние покалякаем...

Через несколько секунд «БМВ» тронулся с места. Водитель и пассажир какое-то время ехали молчком, вспоминая одни и те же события из прошлого...

Заканчивалась весна 2005-го. И отпуск у старшего лейтенанта Святослава Буланкина, двадцатичетырехлетнего командира взвода связи, тоже подходил к концу. Молодой офицер побывал на малой родине, под Воронежем, вдосталь общался там с родителями и приятелями школьных лет, так и осевшими в небольшом райцентре, а еще скатал на несколько дней в столицу, к тетке по матери... Незаметно подошло время возвращения к месту службы, где в батальоне связи старлей и тянул свою нелегкую погонную лямку. А проживал он на съемной квартире, которую делил с капитаном Владимиром Вагиным — помощником начальника штаба того же батальона. Штабисту от роду было двадцать семь, и ему прочили стремительную военную карьеру, поскольку его отец-полковник занимал должность заместителя начальника одного из управлений штаба округа. Ясен пень, с такой «волоосатой лапой» грех быстро по карьерной лестнице не продвигаться.

Итак, Буланкин прибыл в областной центр, добрался до арендуемого жилья, распаковал «отпускные» сумки. Потом попил чаю с остатками дорожной снеди и, хотя на службу предстояло выходить только завтра, облачился в форму, чтобы затем на личном автомобиле направиться в свою воинскую часть — разведать там обстановку. «Опель Астра» Святослав приобрел лишь два месяца назад и на побывку в родные края специально прикатил именно на нем. И тупому понятно: надо же было «с чувством глубокого удовлетворения» продемонстрировать давним друзьям и знакомым классически элегантную белую иномарку! С темным цветом обшивки, с вместительным багажником — ну прямо-таки спальное место — и строгим, без изысков, салоном. При езде машина вела себя достойно, с настоящей немецкой солидностью, по дороге не ёрзала — своего рода хороший бундесовский танк. Вот только куплен был «Опель» в кредит, который старшему лейтенанту предстояло выплачивать еще три долгих года.

Пообщавшись со своим командиром роты и сержантом-замкомвзвода, а также обзрев подчиненный личный состав, Буланкин заглянул в штаб. Вагин в своем маленьком кабинете изучал какой-то очередной приказ «свыше».

— Здорово, Вован!

— О-о-о, Свят! С возвращеньцем! — И сослуживцы крепко поручкались. — Ну, как отпуск, как сам?

— Лучше хреново отдыхать, чем хорошо работать, — отбожрился старой шуточкой Буланкин. — А сам в шоколаде. Ты сегодня не допоздна?

— Да вроде ничего такого тревожного не намечается... Правда, под завяз рабочего дня в военкомат наведаться надо, документ один хитрый оттуда забрать. Вообще-то для таких случаев спецсвязь предусмотрена, чтоб не из рук в руки, да так уж карта легла. А ты чего интересуешься? Конкретные предложения есть?

— Имеются. Надо же будет мой отпуск влепоту проводить. Проставляюсь.

— Как старший по званию, готов возглавить серьезное, нужное мероприятие.

— Вот и чудненько. Значит, встречаемся на хате, ориентировочно в девятнадцать ноль-ноль, — и шагом марш на шабаш!

— Служу России!

И офицеры временно распрощались.

Вновь встретились они, как и условились, в занимаемой ими «двушке», одна из комнат которой стояла запертая, с хозяйскими вещами.

— Ну что, куда? Может, в «Пещеру» (колоритно отделанное под средневековый замок кафе, функционировавшее допоздна) махнем? — инициативно предложил Святослав, пока Владимир передевался в гражданку.

— Да легко! — кивнул тот. — Только, пардон, такая фишка. Сперва нам в военкомат заскочить нужно — у них там натурально абсурдная накладка вышла, и указивка, которую я утром командиру батальона на стол положить должен, готова будет лишь к восьми вечера. Я уже телефонно свое «фу» и военкому, и болванистому исполнителю высказал, да толку с того...

— А как же ты в кафушку — и с вытеркой потащишься? На стуле под задницей сохранять будешь? — поинтересовался Буланкин. — Или из военкомата опять домой, а уж потом на возлияние?

— Зачем? «Пещера» — заведение приличное, с метрдотелем, которого я немного знаю, а у него сейф имеется. При-

дем — попросим заложить туда папку с бумагой, будем уходить — заберем. И решительно никакого геморроя...

— «Жираф большой, ему видней», — пожал плечами Святослав, подумав: какой все-таки Владимир типичный пофигист. Кто другой ни за что не рискнул бы с документом в руках — и на пьянку! Оно, конечно, с таким папочкой много чего простят. Что дозволено Юпитеру.. — А без формы-то тебя в военкомат запустят?

— Ха! После своего ляпсуса мобист меня и голого примет!

Сами алкогольные проводы отпуска описывать в подробностях нет смысла. Достаточно упомянуть, что прошли они на ура и к полуночи младшие офицеры основательно нагрузились. Но всё-таки в пределах разумного: беспроблемно завершили мальчишник, рассчитались и прямо у «Пещеры» сели в частное такси, которое с ветерком и доставило их домой.

И только уже поднявшись в квартиру, Вагин спохватился:

— Твою ж мать! А бумага-то так у метрдотеля в железном ящике и осталась!

— Вот это ты косяк упорол! — ахнул Буланкин. — И что теперь?

— Что-что... Дрючат во что! Поспешать срочно надо, пока это грёбаное кафе не закрылось! А то будет мне завтра такой разбор полетов, что очко до крупного калибра развальцуют!

Прятели кинулись на улицу, ловить такси или попутку. Голосовали минут десять — всё без толку. Один частник было остановился, но, учуяв от молодых мужчин сильный запах алкоголя, тут же дал по газам: от греха подальше!

— Полный песец! Кранты! — ругался Вагин. — Да если забрать не успеем, меня комбат с дерьмом сожрет! Тут выговорешником не отделаешься, неполное служебное соответствие — как с куста! И за секретность, и за сам лажовый факт...

Святослав по большей части молча сопереживал сослуживцу.

— Японский городской! — воскликнул Владимир, не сумев тормознуть очередное авто. — Свят, выручай! Отвези на своей, а? Меня ж уолят, на хрен!

— Ты что? — запротестовал Буланкин. — Я сейчас никакой! А ну, вмажемся в кого под кайфом — подсудное дело! Плюс еще и попасть на кучу лавэ.

— Свят! Я тебя умоляю! — панически схватил друга за плечи Вагин. — Да всё нормально будет! А если что — так я всё на себя беру! Стопроцентно! Ну, не будь падлой!

— Ты за базаром-то следи на всякий случай! — кислолице резанул Буланкин, неловко высвобождаясь из рук товарища.

— Ну прости, извини; хочешь, на колени стану? — умолял Владимир.

— Не стоит — запачкаешься, — иронически хмыкнул Святослав. — Ладно, черт с тобой! Пойду за ключами.

— Только быстрее! — лихорадочно подгонял Вагин. — А то мне вилы!

«Опель Астра» был припаркован в глубине двора девятиэтажки, в которой ныне проживали офицеры. Они поспешно уселись на переднее сиденье, и Буланкин завел двигатель. Малорасходное авто приемисто сорвалось с места.

К «Пешере» подкатили впритирку к закрытию заведения. Метрдотель с недовольной миной вернул папку с документом, буркнув при этом: «Ну что же вы так... набальзамились... Соразмерять следует...» Донельзя обрадованные Вагин с Буланкиным рассыпались в благодарностях и извинениях и отбыли восвояси.

На том бы в общем-то житейской истории и конец, да линия не вышла: когда ехать до квартиры им оставалось всего-то два квартала, Святослав задремал за рулем. И на скорости около пятидесяти «кэмэ» «Опель» буквально врубился (весь передок — в хлам) в остановившийся перед светофором серебристый «Мерседес», смяв ему багажник в гармошку. От сокрушительного удара элитное авто вынесло наискосок через перекресток, и оно крыло в крыло столкнулось с черной «Тойотой», тоже ожидавшей разрешения движения. В этом случае у обеих машин оказались повреждены капоты, передние бамперы и крылья, расколоты фары.

Последствия автокатастрофы оказались бедственны: помимо трех разбитых транспортных средств (двух — до жути круто), пассажирке с заднего сиденья «мерса» пришлось позднее удалять селезенку, а от удара головой молодая женщина более чем на треть утратила зрение. Водитель этой машины и мужчина, сидевший рядом с ним, отделались легкой степенью сотрясения мозга — как, впрочем, и Буланкин: спасли ремни и подушки безопасности. Но правую скулу ему глубоко располосовало остатками рассыпавшегося лобового стекла. Вагин, кроме средней тяжести сотрясения или так называемого сопора, когда человек глух к словесному обращению и реагирует лишь на болевое раздражение, получил еще и «хлыстовую», типичную для автоаварий травму: смещение второго шейного позвонка. Уже после выхода из бессознательного состояния у капитана наблюдалась ретрог-

радная амнезия, тошнота, рвота и сильное головокружение. Ладно хоть, что люди из «Тойоты» физически не пострадали.

В дальнейшем Вагин довольно долго находился на излечении в госпитале, где у него диагностировали нестабильность в шейном отделе — впрочем, при сохраненной его подвижности. Отказавшегося от стационара Святослава к сослуживцу категорически не пускали, мотивируя это тяжелым состоянием больного. А телефонный номер Буланкина пришедший в себя Вагин заблокировал. Несколько раз старший лейтенант пытался дозвониться до капитана с чужих мобильных, но тот, поняв, кто ему телефонит, всегда спешил отключиться. Вещи же болящего из съемной квартиры по-тихому, в отсутствие Святослава, вывезли подчистую — тут явно не обошлось без папы-полковника.

Решением командования части взводного до суда отстранили от личного состава и дежурств, еще и негласно запретив выдавать на руки оружие — в случае тех же ежемесячных стрельб или объявления сигнала тревоги. Майся от безделья, офицер с защитой скулой бесцельно шатался по казарме и военному городку. Мало кто из сослуживцев общался с ним в те приснопамятные полтора месяца ожидания процесса, а иные принципиально перестали подавать руку.

Приехавший поддержать сына в безнадежной ситуации отец Буланкина и он сам попытались попасть на прием к Вагину-старшему. Однако полковник встречаться с ними отказался наотрез. А будучи всё же выловлен с утра перед входными дверями здания штаба округа, с ноткой брезгливости заявил:

— Все материальные проблемы по ущербу от ДТП — это только ваш рак головы. И нечего сюда моего сына впутывать. За рулем кто сидел? Кто его чуть не угробил? Если на то пошло, мы тоже денежные претензии к вам за причинение физического вреда оформить вправе. Но мы люди добрые, так что радуйтесь.

На уточнение же Святослава, что за баранкой он оказался лишь по настоятельной просьбе Владимира, протестующе возразил, еще и усилив свои слова отметающим жестом руки:

— Да ничего подобного! Вот уж этого-то вы никогда не докажете!

Дело по обвинению старшего лейтенанта Буланкина в «нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (Статья 264 Уголовного кодекса РФ), совершенном в состоянии алкогольного опьянения и «повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека», рассматривал гарнизонный военный суд.

Вагин на нем не присутствовал. А его адвокат предъявил медицинскую справку о нахождении капитана на излечении и его письменные показания. Из них следовало, что инициатива о возвращении в кафе принадлежала самому Буланкину и никак не иначе. Вопрос о том, для чего именно потребовалось ехать в «Пещеру» в час ночи, сразу был уместно скомкан: никого из состава суда вовсе не интересовал забытый документ. К слову: метрдотель кафе так и не был опрошен — уже через день после случившегося он надолго уехал из города и якобы после этого не выходил с родными на связь.

Вообще само судебное заседание походило на игру в одни ворота. Ведь как только обвиняемый пытался упомянуть фамилию кинувшего его сослуживца, жрецы Фемиды в погонах немедленно затыкали пасынку фортуны рот. «Не переваливайте с больной головы на здоровую!»; «Вы лучше за себя ответьте!»; «Это же надо, как он с темы съезжает!»; «Человека едва не убил, так на него еще и клеветает», — выговаривали они понурившемуся офицеру.

Приговор виновнику ДТП, учитывая совершение его при отягчающих обстоятельствах и отсутствии смягчающих, а также выданную воинской частью отвратную характеристику, гласил: три года лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении для лиц, совершивших преступление по неосторожности.

— Вот если бы он не был пьяным, тогда точно условной мерой наказания удовлетворились бы, — пояснил, уже на прощание, адвокат осужденного его отцу.

— Да еще ведь и человека инвалидом сделал... Увы...

А за причинение материального ущерба Святослав — уже после отбытия срока наказания обязан был выплатить как владельцам престижных иномарок, так и изувеченной пассажирке весьма круглую сумму. Плюс оставался еще и непогашенный кредит за «Опель». Таким образом, общий долг старшего лейтенанта оказался равнозначен денежному довольствию за семь полных лет его армейской службы в этом звании. Впрочем, на погонной стезе отныне и навсегда был поставлен большой жирный крест: после вступления приговора в силу офицера, конечно же, срочно уволили из Вооруженных Сил.

Расхреначенный «Опель» в счёт возмещения убытков забрал себе хозяин «Мерседеса». А владельцу «Тойоты» Буланкин-старший выплатил сто тысяч рублей — всё, что имелось в семейном загашнике, но и то не смог рассчитаться полностью.

Ну а Вагин-младший сразу после выхода из госпиталя был переведен к новому месту службы — в другой город, хотя и в пределах того же округа.

С той поры прошло десять долгих лет...

«БМВ» уже выкатил на окраину города, когда подполковник наконец осмелился нарушить затянувшееся молчание.

— Ну и что ты теперь от меня хочешь? — облизнув губы, с неуверенностью в голосе поинтересовался он. — Денег? Сколько?

Уткнутый брезгливо фыркнул, но не произнес ни слова. Вагин почему-то вдруг воодушевился и зачистил:

— А ты знаешь, во сколько мне самому обошлось, что ты меня покалечил? Ну да, подвижность шеи вроде бы сберегли. Но в первые годы после аварии такая была в ней напряженность, такой дискомфорт... Лечение шейного отдела позвоночника вообще дело трудное, долгой реабилитации требует. И последствия той травмы я по сей день ощущаю — те же головные боли, неустойчивость пульса и давления. Сколько врачей сменил — и ведь каждому за сеанс отстегни! Да не рупь и не сто. Уже и до нетрадиционной медицины дошел, до остеопатов. Все техники коррекции перепробовал: и мягкотканевую, и артикуляционную, и биодинамическую. Сейчас вот фасциальную осваиваю. Вроде бы и помогает, но уж никак не кардинально...

— Прикуси ботало и слюнями не брызгай! — вдруг рявкнул Уткнутый, и Вагин враз замолк. — Ты мне тут порожняк не гони и на жалость не дави! Шакал! Ну-ка, сворачивай вон туда, на загородное шоссе. Да уши прочисть — сейчас тебя вразумлять буду. Хреново, говоришь, на свободе тебе жилось? Зато мне за колючкой — клёво и запупырчато. Лишь только с этапа в лагерь пригнали, попал я на базар к хозяину, и стал он склонять меня козлить... Не догоняешь? Ну, стучать, доносить. Мол, он офицер, я — тоже, поскольку бывших офицеров не бывает. И должен, исходя из того и кровь из зубов, стать активистом. Я в глухой отказ, так он толкует: это ты где-то кем-то был, а тут — никто! Здесь я банкую! А не хочешь сотрудничать — Бог навстречу! И через прессовщиков ломать меня стал. Для почина амбал один мне в кружку с чаем плюнул. Ну, я ему враз оборотку-то дал: не зря ж в училище кандидата в мастера по боксу выполнил. Важнецки помогало! Меня, не мешкая, в шизняк — изолятор штрафной — окунули. Потом посылку не выдали, потом свиданки лишили... За следующий же схлест, когда сразу двух бычар в отруб отгрузил, на шесть месяцев в торбу бросили — в помещение камерного типа, где уже трое отморозков пребывало. Грамотно их науськали, прямо в первую ночь едва меня не придушили. Чудом перемог! И много еще хозяин, сука, подлян, понапридумывал, но — бесполезняк. Притом ни к кому

я не примыкал, сам по себе держался, один на льдине. Только решила меня шобла в бане отпедерастить — я самого рьяного в итоге и заколбасил. По-иному не прокатывало, иначе б в тот же день в опущенных очутился, а это — по гроб. За неосторожное убийство — хоть с этим следак по понятиям разобрался, — мне на новом экзамене к трешнику еще пятеру добавили и в другую колонию перевели, уже строгого режима. Там тоже конфликтовал, и ведь угораздило снова на беспредельщика нарваться. Сцепились — челюсть ему сломал, пинками ливерку отшиб. Плюс еще два годка, червончик и набежал. Хоть с напряжениями, но оттрубил его честно: от звонка до звонка. В оконцовке срока уже в уважухе ходил.

Уткнутый на несколько секунд прервался, затем продолжил:

— И за весь этот червонец, Вован — за весь! — с тебя сегодня спросить хочу, по справедливости. Про лямы, на которые из-за тебя попал, пока не толкую. Для начала — только про то, как ты враз мне жизнь сломал. Сечешь? — обвиноватил он.

Вагин уныло смотрел на ночную свободную дорогу, всеми печенками мечтая о встрече с полицией, и молчал. Вскоре «спрашиватель» растолковал:

— Где-то через километр есть грунтовка направо, там посреди промзоны недострой мусоросжигательного завода стоит, в курсе? Весь металл оттуда давно несуну растащили, но коробка бетонная цела. Вот прямо к ней и подруливай.

— Зачем? — в ужасе почти вскрикнул подполковник.

— Узнаешь. И хавальник закрыл — здесь я банкую! Не как вы с папочкой на суде. Вникай: если что не так пойдет, из «бумера» только вперед ногами и вынесут!

Для понятливости Уткнутый ощутило ткнул соседу в бок острым кончиком выкидухи. Подумал и добавил:

— Ссышь, начальничек, надень на хрен чайничек... Да не кипешишь: раз уж я подписался, гасить, повторяю, нынче не буду. Может, когда-нибудь... потом... Если заслужишь... Давай, готовься, вот-вот поворот.

Вагин обреченно свернул на ощутило поросшую травой узкую дорогу. Остатки разграбленного огромного здания устрашающе высились под ярковзвездным небом. Днем, конечно, бетонный гигант смотрелся куда как банальнее и обыденнее.

Когда «БМВ» уже почти подъехал на малой скорости к осиротевшему без давно умыкнутых ворот главному входу так и не сданной в эксплуатацию «мусоросжигалки» (в смутные постперестроечные времена финансирование объекта быстро прекратили), Уткнутый скомандовал:

— Замки дверей открой...

— Зачем? — рефлексивно вырвалось у Вагина, но ему тут же вновь было продемонстрировано бесщадное лезвие выкидного ножа.

Как раз когда подполковник нажимал дверную кнопку, его непрошенный пассажир резко крутанул спортивный руль влево и тут же вправо, заставив иномарку съехать с грунтовок. Затем неловко — ремни безопасности стесняли движения — вцепился обеими ладонями в баранку, не позволяя подполковнику отвернуть авто от надвигающейся многометровой стены, и левой стопой с удара даванул на правую ногу водителя, утопив педаль газа. Динамичная агрессивная машина, способная с места за пять секунд с хвостиком развить скорость до сотни километров в час, послушно рванулась к бетону и вмазалась в него на скорости около тридцати.

В последнее мгновение Уткнувший успел убрать стопу на текстильный коврик, откинулся на спинку сиденья с поясной опорой и напруг ноги в коленях. Разом сработали воздушные подушки безопасности. Рулевая колонка сложилась, и подушки почти так же быстро сдулись.

На сей раз последствия столкновения оказались не столь устрашающими, как десять лет назад: оба человека даже не потеряли сознания. В первую очередь виновник катастрофы, действуя выкидушкой, перерезал ремни безопасности у своего сиденья, освободился и от подушки и попробовал приоткрыть дверь авто со своей стороны: без проблем! Только после этого он взглянул на скорчившегося на своем сиденье поскуливающего подполковника, в глазах которого — бывший сослуживец это угадывал — бился животный страх.

— Вот так, Вован. За всё в жизни приходится платить, тем более за предательство, — наставительно заявил Уткнувший, убедившись, что Вагин жив-здоров. — Поверь на слово: это только начало. У меня просчитано, сколько бабла ты мне должен. Готовься: теперь тебя постоянно будут находить мои кореша и разыскивать, разыскивать, разыскивать... Пока не скажу: «Стоп! Счетчик выключен!» Подумай, доживешь ли ты до этого самого светлого момента твоего будущего, если начнешь мутить, строчить заявки в полицию или прокурору... Не прокатит! В чистую! Ага, опять не догоняешь. Перевожу: за недоказанностью. Ведь сейчас я будто бы нахожусь совсем в другом городе, и при необходимости это подтвердят надежные люди. К тому же я никак не на следил... Вообще ничего! А одежда и обувь мои через считанные минуты исчезнут. Да, кстати, хватай мобилу. Только уж симку, не осуди, сломал... Ага, вот и моё личное такси прикатило...

Возле разбитого «БМВ» тормознул мощный спортивный байк со множеством обтекателей. Водитель его — могучий

парень, весь в коже и закрытом мотошлеме «интеграл», не глуша двигателя, поинтересовался у Уткнутого:

— Ну как, постановка без напрягов прошла? Цел? Клиент не гоношится?

— Всё путем и в масть. А гоношиться ему... Да с чего бы? — хмыкнул тот. — Он быстро всасывающий. Обожди чуток, я по-рыхлому, только дочирикаю.

Мотоциклист молча кивнул, не слезая с продвинутого железного коня.

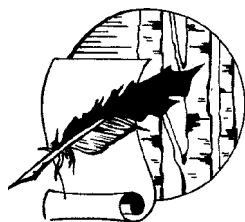
— Значит, из «бумера» пока ни шагу, замер и без кипеша. Вникай: я точно знаю, что гаманец у тебя тугой — продолжил Уткнутый, — как же, столько лет по крупняку тянуть! Зам по тылу полка, из солдатских шкур свое счастье кроишь. Причем об одной сберкнижке на предъявителя даже твоя баба не в курсах. Дача нехилая, хата обставленная, гараж в двух уровнях, цапки у шмары с брюликами. А если ты, сука, соскочить попробуешь... Легавым буду! Всё, что не в банке, сожгу! Коли же и дальше шлангом прикидываться вздумаеть, из-под земли достану — и в подвал, на цепь, хлеб и воду! И общаться там будем уже в полном соответствии с принципом основателя Ордена иезуитов Игнатия де Лойолы. Мудрый беспощадный испанец учил, что «если человек никак не хочет поверить в ваш гуманизм, то можно его для начала пытаться, пытаться, а потом взять и отменить пытки». Понял, что я в заключении не только беспредельщикам морды бил, а еще кое-чего и почитывал? Да, папашке своему, твари с душком, про нашу встречу цинкануть не забудь. За него не переживай, старым мудакам предьяв не кидаю, клушам и короедам тоже. Не будем же мы с больной головы на здоровые чужие косяки переваливать. Ты, как мужик, сам за себя ответь! И внедри в бестолковку: не пытаться съехать с темы — пожалеешь, что мама родила! Теперь я отваливаю, а ты, фуфлыжник, десять минут ждешь — и потом можешь белым лебедем чесать куда шнифты глядят. Усёк, козел вонючий?! Благодарствую за внимание.

Мститель выбрался из сокрушенного авто, взглядом оценил его состояние.

— А «бумер»-то, однако, куда меньше моего «Опеля» — царствие ему небесное — убитый. Ну так я ж ведь человек добрый, вот и радуйся, везунчик. Служу России!

И, оседлав ожидавший его байк, быстро скрылся в звёдной ночи.

г. Ростов-на-Дону

Татьяна СУРОВЦЕВА

ЗВЕЗДА В ЧЕРНОТЕ ПОЛЫНИ

* * *

Мне сад жасминовый приснился,
Сияющий из тьмы времён...
Он ароматами пролился,
В неповторимый этот сон.
Вокруг невидимой ограды
Туманы звёздные текли,
И звуки суетного ада
Не долетали к нам с земли.
В иной реальности остались
И стали давним сном во сне
Крикливых птиц густые стаи,
В земном кружащие огне.
А здесь — ни сумерек, ни солнца,
В себе себя таящий свет,
Как музыка, звучит и льется,
Не зная дней, не помня лет...
Мы, заблудившиеся дети,
Вечноцветущим садом шли,
И наши души, словно ветви,
Цветами белыми цвели.
Истлела нить воспоминаний...
Легки для нас тропинки сна.
Жасмина душное дыхание —
Любви немая глубина.

* * *

Оставьте мне в мире безумном
Поляны лесной завиток,
Где бабочка в танце бесшумном
Легонько склоняет цветок.

А время, как мёд из кувшина,
Тягучей волною течет,
И слышно, как ходит в вершинах
Задумчивый ветер высот.
Там за полдень сухо и знойно,
Июль в золотом забытьи.
Там люд муравьиный достойно
Живёт среди палой хвои.
Оставьте мне полную чашу
Небес во глубокой воде
И елей высокую стражу,
Подъявшую пики к звезде...
Оставьте душе невеликой,
Чтоб не задохнулась в пыли,
Природы закатные блики,
Заветы зеленой земли.

* * *

Здесь мой любимый шёл —
И россыпь золотая
То ручейком сухим у ног его вилась,
То устремлялась ввысь,
Навстречу птичьей стае,
На школьном ветерке
Рассеянно искрясь.
Здесь мой любимый шёл.
При нём не смел и холод
Убить зеленый лист,
Цветок отдать снегам.
Лишь ветер-пустозвон
Стучал в железный жёлоб
Да мусор городской
Подбрасывал к ногам.
Здесь мой любимый шёл...
Его шаги терялись
В пустыне осени, барханах сентября.
Я все смотрела вслед,
А в небе, разгораясь,
Вставала вполне небес
Предзимняя заря.
Здесь мой любимый шёл.
Снежок скользит небрежно,
Даря глубокий сон заждавшейся земле.
Так прошлым стало то,
Что было — боль и нежность.
И будущее чуть мерцает в снежной мгле.

* * *

Под ветром сохнувшие травы,
Леса, грозящие сгореть...
Весенней сухости отрава
Уравновесит жизнь и смерть.
В такие ночи солнце снится.
А дни проходят, как во сне.
Лишь беспокойная синица
Всё ищет песню о весне.
Потом, потом, в конце сезона
С души спадает пелена
И замечаешь удивлённо,
Что жизнь по-прежнему красна,
Что синева неугасима
И притягательна, как встарь,
Что слово мягкое: Россия —
Как неотрывный календарь,
В котором даты и знаменья
Издrevле пахарю ясны,
Земля черна, полна терпенья,
И реки полны глубины.
Земля как мать — обид не вспомнит,
И снова серпень золотой
Дом человечества наполнит
Давно желанной суетой.

ОБЛЕПИХА

Тучи блуждают по синему пастбищу неба.
Воздух впоён тишиною на всю высоту...
В листьях гнездится предчувствие ветра и снега,
И поглупевшие бабочки, кажется, спят на лету.
Ветки тугие склонили к земле облепиха —
Рыжая дева в объятых сибирских садов.
Каждую веточку плотным венцом облепила
Дерзкая ягода — поздняя наша любовь.
Льется и льется прощальная музыка лета...
Плавится ягода, солнцем пробита насквозь.
Выйди, любимый! Нас ждет золотая карета.
В каменном городе сердце свое не морозь.
Нет, не заменят нам вздорные телевиденья
Животворящего духа земли и травы:
Вытравят память, лишат изумрудного зренья,
Дайте им волю — оставят и без головы!

Выйди, замри и прислушайся так, на пороге:
Чайки, причудливо рея, летят на Байкал.
Стебли травы оплетут нам усталые ноги...
В землю вращём мы, как эти березы у скал.

ЖУРАВЛИ

Над горькою окалиной земли
На Благовест летели журавли.
Над мокрыми развалинами снега,
Над кладбищем истерзанной тайги —
Им дал Господь шестое чувство неба
На долгий путь средь ночи и пурги.
Летели длинокрылые, летели,
В фарфоровые дудочки дудели,
Прозрачно, переливчато звеня,
И на балкон вдруг вызвали меня!
Их вёл вожак, родному небу рад,
Стремительно снижаясь на закат:
В Сибири нам не до весенних нег,
Но на болотах стаю ждал ночлег.
И рассиялось солнце на закате,
И на сугробах вербы расцвели —
Как будто мир преодолел заклятье,
Когда в Сибирь вернулись журавли.
Вам встретить грудью холода и вьюги,
Но вы забыли о беспечном юге,
Родные птицы — вы примчались к нам,
К растерянным в ненастье городам.
И к деревням, заброшенным и жалким —
Обители калек и стариков,
Вернувшихся опять к сохе и прялке...
Не греет нищих обветшалый кров.

Но слышались вдали колокола,
Пока шумели сильные крыла!
Я нежной песни слушала мотив —
Как все, как все, кто в этом мире жив.
Кто молится на ясный образ неба,
Взгляд отрывая от земли и хлеба...
Мне слышался России чудный зов
Под Благовест живых колоколов.

* * *

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...»

По праздникам песня такая
Звучала в рудничных дворах.
А праздники круто справлялись!
Я помню, за нашим столом
Тоска и веселье казались
Затянутым насмерть узлом.
Я песни не знаю прекрасней!
Бродяга, в наш дом загляни:
Твой путь одинокий и опасен,
Тебе эти люди сродни.
Дадут тебе хлеба и водки,
Фуфайку, чтоб легче жилось.
Уйдёшь ты тяжелой походкой
К Байкалу — в легенду, в мороз.
Уходит... А песня осталась:
Звонящие глухо слова.
Да детская острая жалость
К бродяге тому всё жива.
Легенда, печалью повита,
Вплелась в мои ранние дни.
Мгновенье забытого быта —
Звезда в черноте полыньи.

* * *

Прощаю всех, кто был со мною груб:
Обида в сердце — не рубец на коже.
Вот день прошёл.
Он выстрадан и прожит,
А новый день как будто новый друг.
Прошу того, кто мне солгал не раз.
Желанье лгать — особый род болезни.
Здесь недостойна месть. Куда полезней
Лжеца дарить насмешливостью глаз.
Прощаю тех, кто около меня
Весь век живёт, меня не замечая.
Я тоже, право, в них души не чаю,
За семь печатей душу хороня.
Прощаю всех — затем, что старый друг
Ко мне приедет с первой электричкой,
С весенним ливнем,
С птичьей перекличкой —
Нетерпелив его знакомый стук!
Каков ни есть: веселый он с утра
Или угрюм — пусть встанет на пороге.
Спасибо, рельсы, улицы, дороги:
Его душа всегда была добра.

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В безветрии душном томящийся сад
Беззвучно грохочет листвою,
А небо предгрозя — клубящийся ад —
Так низко висит над землей.
Как будто бы пепел горячий летит
С небес на лицо и на грудь.
И в страшном предчувствии сердце болит:
«Приблизился крестный мой путь».
Отужинав, крепко заснули друзья...
Будил — добудиться не смог.
Иуда исчез... И, сомненья дразня,
Змея заползла на порог.
Я ныне один в помертвевшем саду,
В бесплодной и страстной мольбе.
Не пот — это кровь выступает на лбу...
«Отец мой! Взываю к Тебе.
Сквозь молнию, Отче, на сына взгляни.
Земному земное прости.
От чёрного слова меня охрани
И Чашу вели пронести...»
Тяжёлые, редкие капли стучат.
Небесная воля слепа.
Шаги... Голоса...
И светильников чад —
Там требует жертвы толпа.

«Иуда, и ты... Но тебя я прошу.
Я меч от врагов отведу.
Вовек не роптавший —
И днесь не ропщу.
Молчите! Я с вами иду.
Я с вами иду — я один ухожу
Высокой стезёю своей.
И вечно сверкающий путь проложу
Для грешных и смертных людей...»

г. Иркутск

Андрей ФУРСОВ,
историк, политолог

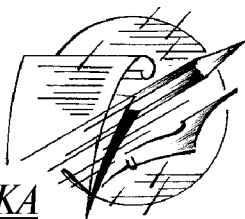
ОСТАВАТЬСЯ САМИМИ СОБОЙ

— Андрей Ильич, весной 2014 г. вы давали большое интервью «Комсомолке» о ситуации на Украине. Сетовали тогда на бездействие российских послов в Киеве Черномырдина и Зурабова, не в пример их активных американских коллег. Прохлопали Украину!

— Украина потеряна, по-видимому, надолго. А если американцам удастся проект новой Речи Посполитой от «можа до можа» с ядром в качестве Польши, то вообще на очень долго. Но я что-то не слышал, чтобы Зурабов ответил за медицину и за Украину. Безнаказанность чиновников еще ни одну систему до добра не доводила.

— Какие еще болевые точки, мешающие развитию страны, вы видите, как историк?

— Я думаю, эти точки видит не только историк, а любой здравомыслящий человек. Социальные несправедливость и неравенство, возведённые в принцип. Уже не просто коррупция, а сращение определенных сегментов власти с криминалом, т.е. криминализация власти. Правящий слой, огромная часть представителей которого не ассоциирует себя

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

с Россией и русским культурно-историческим кодом. Смешно смотреть на иных официальных «патриотов», якобы рвущих тельник на экране ТВ за Русь-матушку, зная при этом, что их дети либо учатся на Западе, либо уже долго живут там, или вообще имеют иностранное гражданство.

— Не говоря уж о виллах в Майами, на Лазурном берегу, квартирах в Лондоне, поместьях в Австрии...

— А ведь дети больших чиновников за границей, особенно на территории нашего геополитического противника, — это «окно уязвимости». Как говаривал помощник президента Никсона Чак Колсон, если вы взяли кого-то за гениталии, остальные части тела придут сами.

Я назвал три точки. Все остальное вытекает из них: экономика, здравоохранение, наука, образование.

Проблема огромной части правящего слоя РФ заключается ещё и в том, что в социокультурном плане это маргиналы, а по мироощущению — мещане, мелкие буржуа, дорвавшиеся до крупной собственности или, как минимум, до распоряжения ею, а социально оставшиеся мелочью. Разрыв этот заполняется презрением к низам и свинячьим восторгом перед верхом, которым для них стал Запад. Их чувства к нему напоминают мне восторги бандита Джона Колорадо из фильма «Золото Маккенны». Джон бережно хранил изрядно потрепанную газету «Парижская жизнь», где изображены развлечения миллионеров в Париже, скачки и канканирующие девицы. Ну, в конце концов, как говорил один из героев треневской «Любови Яровой», «пустите Дуньку в Европу!» Но только с предварительной конфискацией наворованного здесь имущества.

— Сакраментальный вопрос, Андрей Ильич. Почему Запад так не любит Россию? Ее периодически ставили и ставят на одну доску с фашистской Германией, теперь с ИГИЛ.

— Запад нас не любит давно и упорно. Как православных, как русских, как подданных самодержавной империи и как граждан СССР — за то, что мы такие, какие есть. Русские — единственный незападный народ, который не только не лег под Запад, но и создал альтернативную ему европейскую же (что принципиально важно!), незападную цивилизацию с великой культурой и могучей военной техникой. Баланс в военных столкновениях с Западом в последние триста лет до сих пор в нашу пользу. Мы не писаемся кипятком от того, от чего млеют на Западе, — частная собственность, индивидуализм, рынок... Как пел в эмиграции Александр Вертинский, «мы для них чужие навсегда».

— Потому он и вернулся на родину в тяжелом 1943 году.

— Социальная справедливость в качестве главной ценности никогда не позволит нам признать хапок 1990-х легитимным, а проходимцев, раздербанивших страну, — серьезными бизнесменами. На Западе знают, мы всегда будем такими, какие есть, а это им неприятно. Поэтому, как заметил начальник внешней разведки СССР Л.В. Шебаршин, Западу от России нужно одно — чтобы ее не было. Стратегически, в долгосрочной перспективе не было. Тактически же РФ нужна Западу как резервная территория, как театр военных действий — на случай против Китая. Определенной части западных верхушек Россия нужна как дополнительный инструмент в их «битве престолов». Но для функционирования даже в таком качестве должны произойти изменения в российской правящей группе.

Но давайте поставим вопрос иначе. А зачем России любовь Запада? Вам, например, хочется, чтобы вас любили педерасты, лесбиянки, педофилы, феминистки, общечеловеки, наркоманы, любители пауков и червяков больше, чем человека, трансгуманисты, глобалисты, вообще слабаки, которые даже женщин своих от чужаков защитить не могут и хотят быть домохозяйками? Мне лично не хочется. Пусть любят своей извращенческой любовью кого-нибудь другого, сливаясь с ним в экстазе и принимая экстази.

Нынешний «Запад» — это постзападное, постхристианское общество, не способное защитить свою идентичность и едущее с ярмарки истории. У советского фантаста Александра Беляева есть роман «Человек, потерявший свое лицо». Запад уже практически потерял своё цивилизационное лицо.

— Обоснуйте!

— Помимо хищничества и грабежа слабых, Запад поднялся в прошлые века на «пятерке» оснований. Христианская вера (в данном случае не важно, протестантизм или католицизм); семья; труд (трудовая этика); железная социальная дисциплина, европейская идентичность — национальная и общецивилизационная.

Что мы видим сегодня? О том, что Запад — постхристианское, я бы даже сказал, пострелигиозное общество, написано уже много. Кое за что бьются еще католики, но и они сдают позиции.

Налицо кризис семьи и брака. Триумф ЛГБТ-сообщества.

— Согласен. Одно из главных достижений Обамы за два президентских срока — легализация однополых браков в США. Европа берет пример со старшего брата!

— Трудиться средний европеец тоже не хочет, для этого есть арабы, негры, турки. Помню, в самом начале XXI в. я обсуж-

дал вопрос о мигрантах с политологом из небольшой страны, где проходил референдум о процентной квоте на мигрантов. Народ проголосовал за высокий процент. На мой вопрос «почему?» ответ был прост: а кто будет трудиться уборщиками, водопроводчиками, ремонтниками, просто рабочими на заводе, «синими воротничками»? Вместо труда — жизнь в долг, безудержное потребление как смысл жизни, сплошное потребление.

Но ведь всё это означает утрату смысла жизни, а это есть не что иное, как воля к смерти — цивилизационной. Социальную дисциплину европейцев сменили расхлябанность, неточность и вседозволенность, что хорошо ложится на манеру и навыки поведения неевропейцев. О какой национальной или цивилизационной идентичности может идти речь? Как заметил известный английский журналист и писатель А.Т.Уилсон, если в правление Елизаветы II Британия перестала быть британской, то в премьер-министерство М.Тэтчер Британия превратилась в ничейный дом. Мусульманская проблема во Франции, тезис А.Меркель о том, что к 2050 г. в Германии не будет немцев, а будут общеевропейцы — всё ложится в один и тот же створ уничтожения, растворения европейских идентичностей.

Теперь место идентичности занимает ТПМ-комплекс, точнее, синдром (толерастия, педерастия, мультикультурастия). И это выдается за истинно европейские ценности? Да истинные европейцы еще лет 300 назад за такое на костер бы отправили! И нам пытаются скормить эти «ценности» в качестве европейских. Хотя на самом деле это у нынешней России до сих пор европейские ценности, благодаря советской системе, которая их удачно законсервировала.

Вообще нынешняя ситуация чем-то напоминает ситуацию с церковной реформой патриарха Никона в середине XVII в. По замыслу Никона и стоявшего за ним царя Алексея Михайловича, она должна была установить единый тип богослужения. Причем за образец брался современный (т.е. XVII в.) греческий богослужебный чин, считавшийся, в отличие от русского, истинным. На самом деле всё было с точностью до наоборот. Исправлять русские служебные книги XVII в. нужно было не по современным им греческим, а по старинным русским, где и был зафиксирован истинный греческий образец. За полтысячи лет и более переписчики не только на Руси, но и в Греции допускали описки, неточности, ошибки, поэтому-то образцом были именно старинные русские книги. Однако Никон и греки (и стоявшие за последними иезуиты) настаивали на том, что истинный образец — современ-

ные им греческие книги. Хорошо известно, что никонианская реформа — разрыв со стариной — по сути, стала генеральной репетицией петровских тотальных реформ.

Аналогичным образом сегодня ценности европейской цивилизации сохраняет Россия. Нынешний «постзапад» является носителем либо антиевропейских ценностей, либо антиценностей. Пытаясь впарить нам через свою агентуру деградантские «ценности» как истинно европейские, с нами опять хотят сыграть в исторические «наперстки».

— Неужто всё так безнадежно на благословенном Западе?

— Там есть здоровые силы — в той же Германии, на востоке, где жива еще память о ГДР и социализме. Да и в других странах. Но эти силы не на коне, они — не мейнстрим. Да, накопленный предками жирок позволяет Западу еще надуть щеки и выдрючиваться, но это не надолго. Рано или поздно начнется нечто вроде «бури мечей».

— Что ждет Россию в этой «буре мечей»?

— Вариантов два. Либо Россия окончательно распадется с перспективой исчезновения русских из истории, либо возродится на новой основе. Возрождение невозможно при сохранении у власти либеральной тусовки, от которой устал не только наш народ, но и определенные сегменты, кланы верхушки мирового капиталистического класса, глобальной властвующей элиты. Объективно это «шестерки» глобальных финансовых спекулянтов, ростовщиков, резко усиливших свои позиции в мире после разрушения СССР. Поэтому каспаровы и прочие наши либералы так ненавидят Трампа. Так или иначе, в уже обозримой перспективе ростовщики уйдут (альтернатива у них одна — рискнуть войной), и это обрушит их службу во всём мире, включая РФ. Разумеется, если власть в РФ не сделает это раньше в режиме «встречного плана».

О том, что у «птенцов гнезда Ельцина» нет будущего и что они не вписываются в позитивный вектор развития России (поэтому готовы сдать страну ростовщикам), и говорить не стоит. У них только настоящее — настоящее распила советского наследия, которое они поливают грязью, пользуются — и поливают. Как известно, едят и гадят в одном и том же месте только свиньи. Что делают со свиньями?..

Россия беременна серьезной реструктуризацией правящего слоя, скажем так. Или, употребим любимое словечко «реформаторов», «оптимизацией». Поскольку этот процесс запоздал, то произойти он может лишь в режиме «1917» либо «1937».

— Как на грех, крейсер «Аврора» после двухлетнего ремонта вернулся на днях к месту вечной стоянки... Что доба-

вило шуток и двусмысленных комментариев, типа, «Аврора» готова к новому залпу!.. А если серьезно, какие предпосылки для повторения октября 17-го вы видите?

— Повторений в истории не бывает. Бывают эквивалентно-нишевые ситуации. РФ похожа одновременно на царскую Россию последнего двадцатилетия её существования и на сильно ухудшенный Советский Союз последнего десятилетия. Но больше, конечно, на первую: социальная поляризация, финансово-экономическая зависимость от Запада, прозападная элита, отсутствие внятной стратегии развития в экономике и политике. Сами по себе эти факторы не ведут к революции. Однако резкое изменение ситуации, например, война или просто острая внешнеполитическая нестабильность могут стать её запалом. Что, собственно, и произошло в 1917 г. Но история, по-видимому, никого не учит, особенно тех, кто её плохо знает.

— 1937 год — «черные воронки» по ночам, чрезвычайные «тройки», ГУЛАГ..

— Эта «триада» стала такой же «клюквой» по отношению к сталинскому СССР, как другая «клюква» — «икра, балалайка, тройка лошадей» — к России дореволюционной. У меня со сталинской эпохой другие ассоциации: Чкалов, Днепрогэс, «Широка страна моя родная», фильм «Александр Невский», красное знамя Победы над рейхстагом. Говоря о 1937-м, я имею в виду не расстрелы, конечно (хотя я и не сторонник отмены смертной казни — смотря за что), а ротацию кадров и наказание коррупционеров.

В своей истории Россия несколько раз сталкивалась с необходимостью радикальных изменений — иначе крах, внутренних и внешний. Изменения могут быть либо сверху, либо снизу. «Сверху» — это когда более или менее кардинальные изменения инициирует власть. Реформы, если крутые, с подавлением части господствующих групп вплоть до физического их устранения — это и есть революция сверху. «Снизу» — это революция, меняющая социально-экономический строй, класс у власти и т.д.

В дореволюционной России революциями сверху были введение опричнины Иваном Грозным, реформы Петра Первого и Александра II. Александровские реформы оказались в конечном счете провальными. Они законсервировали социальный кризис в интересах самодержавия и в результате получили революцию, сначала 1905 г., а затем 1917 г. Октябрьский переворот (так эти события называли сами большевики до 1927 г.) и последовавшая за ним Гражданская война, вздыбившая огромные массы людей, стали величайшей

революцией снизу. Она произошла потому, что олигархизировавшееся самодержавие превратилось во властного импотента, а правящий слой оказался не способен ни к каким изменениям. Результат — взрыв снизу, который использовали и, если можно так выразиться, оседлали большевики.

1937—1938 гг. — это «революция сверху» внутри уже сталинской системы, придавшая последней законченный вид. Что и зафиксировал в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б). Эта «революция сверху» была ответом команды Сталина на массовый террор, который после февральского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) навязали Сталину и стране «региональные бароны». Они смертельно испугались избирательного закона на альтернативной основе, который хотел провести Сталин. В ответ Сталин нанес «удар по штабам», т.е. по верхушке, прежде всего по инициаторам террора — Эйхе и Постышеву. Уцелел третий инициатор — Хрущёв.

— Он потом и отомстил мертвому Сталину.

— Таким образом, с точки зрения системы власти, 1937 год был ротацией кадров сверху, которая подвела черту под «ленинской гвардией». Показательно, что кадры, выдвинувшиеся в 1938—1939 гг., особенно в период «бериевской оттепели», масштабным чисткам не подвергались. За исключением специфического «ленинградского дела». Ротация-37 свою задачу выполнила. Да, с кровью! Но нужно судить эпоху по ее законам и помнить, что это были финальные сражения холодной гражданской войны. Те, кто прошел горячую Гражданскую, иной по методам и накалу борьбы не мыслили.

Поэтому, говоря о варианте «1937», я имею в виду жесткое подавление коррупционеров, «шестерок» глобальных ростовщиков и просто вора в власти. Средства — не обязательно расстрелы. Мы не Китай, впрочем, и там коррупцию расстрелами не победили. Хватит с них конфискации имущества, сроков и Магадана. Так сказать, оптимизации «терапевтического» порядка. «Хирургия» — только в случае сопротивления супостатов. Без варианта «1937», без чего-то вроде неоопричнины, но работающей на общенациональные цели, а не на интересы узкой группы лиц, этот вариант неосуществим. Иначе придет «вариант 1917». И тогда, как писал М.Ю. Лермонтов, явится «черный человек» и «ты его узнаешь и поймешь, зачем в руке его булатный нож». Так что наименьшее зло — «вариант 1937».

— Но кому сейчас проводить «революцию сверху»?

— Русская власть носит строго персонализированный характер. «Революционерами сверху» у нас, как правило, все-

гда выступали первые лица. Разумеется, для этого нужны соответствующий аппарат и идеология. Без этого ни страну не поднять, ни поучаствовать в борьбе за новый мировой проект, возникающий в схватке основных группировок мировой верхушки.

— Жутковатый выбор предлагаете, Андрей Ильич! 17-й год или 37-й. А третьего, более гуманного варианта, не дано, если внимательно посмотреть российскую историю?

— Во-первых, не я предлагаю, а русская история. Во-вторых, абстрактного гуманизма не бывает. Гуманизм — штука классовая. В-третьих, вор должен сидеть в тюрьме! Фраза Жеглова-Высоцкого сегодня актуальна как никогда. Те, кто 25 лет разворовывали страну, должны ответить. Тем более что, начиная «прихватизацию», они должны были предвидеть один из вариантов своего будущего — «а в конце дороги той плаха с топорами!» Не в прямом, разумеется, смысле, а фигурально выражаясь. В-четвёртых, эволюция крупных сложных систем необратима. Самодержавие и коммунизм — это во многом элементы одного целого, и у него свои законы, свои изменения и, что очень важно, свои несменяемости. Об этом очень хорошо написал М. Волошин в стихотворении «Северо-Восток»: «Что менялось? Знаки и возглавья. / Тот же ураган на всех путях. / В комиссарах — дурь самодержавья, / Взрывы революции — в царях».

Историю нельзя обмануть. Попытки привнести в систему нечто чуждое ей, например, либерализм (как правило, для оправдания ограбления народа), приводят к противоположному результату. Недаром Достоевский говорил, что Россию погубят либералы, а Бердяев опасался больше всего не чекиста в кожанке, а его внука. Видели мы этих внуков в 1990-е годы! Ну а поскольку эволюция крупных сложных систем необратима, то и вариантов их спасительной самокритики — когда «страшна судьба народа» (Д. Андреев), всего два: «1917» и «1937».

Я предпочитаю второй вариант. Очень уж не хочется новой гражданской войны, интервенции и глобалистов у власти в течение нескольких лет. Они уже порезвились в 1990-е и позже, развалив всё. Пора восстанавливать империю в широком смысле слова. Но только не белую и не монархическую — они свое отыграли в 1917-м. Послереволюционная система восстановилась в 1939 г., за 22 года. 22 года существования РФ — это 2013. Запоздываем, а впереди у нас, как и у СССР образца 1939 г., серьезные испытания.

— Получается, Сталин провел «революцию сверху» перед Второй мировой, перед Великой Отечественной.

— Есть еще два варианта. Первый: сюда приходят западные транснациональные корпорации и прекращают существование России, а русских сгоняют в резервации как индейцев — новое издание гитлеровского плана «Ост». Второй: высаживаются инопланетяне и решают наши проблемы здесь, на месте, либо сажают всех на гигантский космический корабль и уносят в просторы Вселенной на планету Элизиум, где вечное лето, вечная жизнь и вечное счастье.

— Хорошая шутка про инопланетян. А если серьезно, простому человеку что делать?

— Я предпочитаю жить по принципу «не верь, не бойся, не проси». Веру я имею в виду не религиозную, а социальную — в смысле: по отношению к сильным мира сего. Бояться стыдно, просить тем более. В плане общей стратегии мой ответ прост и даже тривиален. Русским и другим коренным народам (но прежде всего русским, мы — державообразующий народ) надо оставаться **самими собой**. Защищать традиционные ценности, которые предал «Запад», беречь освоенную предками территорию и строить социально-справедливое будущее. Которое невозможно без общественного и геополитического реванша в лучшем смысле этого прекрасного слова.

<http://www.kp.ru>

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Иван и Антонина

Иван давно и деликатно подкрадывался к Антонине. С первых дней, как купил домик под дачу в донском хуторе и стал соседом.

Редкий экземпляр послала ему судьба. Из тех нижнедонских красавиц, с помесью турецкой и вольной разбойницкой крови.

Ну что, казалось бы, в том, как баба наливает молоко в кувшин? Наливает — ну и наливает, молоко течет, кувшин наполняется, а нет — Антонина просто рисует руками в воздухе. Закругляет, обволакивает, томит — балерина.

Иван попроще натурой. Толстые губы добряка, густой соломенный чуб, ленивая походка. Любит кошек и собак, разговаривает даже с муравьями. Выпросил у жены денег на дачу, которая жене до фени. Она предприниматель, ей некогда даже поговорить с ним. Иван в своей квартире, как пассажир в зале ожидания вокзала. Он безработный, но на даче теперь вроде как при деле.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2017 г.

ПРОЗА

Антонина после смерти мужа живет одна. Ночью сторожит в школе, а днем колупается в своем хозяйстве. Продает дачникам молоко и сметану.

Иван долго приглядывался к соседке, прежде чем познакомиться. В окно из домика, из-за кустов на меже. Как вор на базаре, ловил каждое движение. И поймался. Возился в малиннике и поглядывал, когда во дворе появится соседка. И вдруг из-за спины, в двух шагах услышал:

— Здравсьте вам!

Иван выронил тяпку и ляпнул невпопад:

— Кто ж тебя... слепил такую?

Антонина в ситцевом халате и белой косынке улыбалась ему, как маленькому.

— Слышу, новый сосед, а знаться не хочет. Дай, думаю, молочка отнесу, мне покупатели нужны. Она поиграла банкой у плеча.

— А потом, думаю, что за сосед такой любопытный, все подглядывает. Ай, думаю, что не так у меня на грядках...

И открылась Ивану новая жизнь.

Так хорошо было разговаривать с соседкой, что холодело в груди. Говорили бог знает о чем. О дятлах, которых последнее время развелось великое множество. О Большой Медведице на небе, о муравьях. О соседе по прозвищу Паша-Черчилль. О ядреной как алмазы росе. О воробьиных ночах...

— Это когда молнии всю ночь полыхают без грома?

— Да!

И молчали. И смеялись.

— Вон пошла Нюрка-самогонщица, перетянулась в поясе чисто медведка, правда?

— У Самойленков в саду сыч завелся. Ой, к беде. Кричит, как ребенок.

— Сколько тебе лет? Нет, молчи, сама угадаю.

— Ну?

— Тридцать... тридцать два.

— Угадала, тридцать три. А тебе двадцать пять?

— Ой!

— Не угадал?

— Старуха. Двадцать семь!

И долго смеялась, закрыв лицо ладонями.

Ивану хотелось обнять и стиснуть ее голову. Но где-то на самом доньшке, в душе сопротивлялось: пусть так будет подольше, по-детски. Наверное, так думала и она — потому что однажды с виноватой улыбкой сняла его руку со своего плеча.

— Это, Ванюша, успеется...

Иван смастерил скамейку для «разговоров», для Антонины. И все думал — отчего же с женой они со времени свадьбы

ни разу толком не поговорили. И умная, и красивая, и речистая, а как только начнет Иван «про душу», она отмахнётся:

— Мне не до лирики, Иван, товар привезли.

Вот и вся любовь.

Зимой попросился у Ивана пожить до весны его школьный товарищ Петюня, отсидевший срок. Отесться, отдохнуть.

Глаза птичьи, неморгающие, но цепкие, как крючки. Маленький, весь, кажется, из жил, на скулах сплошные желваки. Молчаливый и нервный. Понятно, жизнь медом не казалась.

— Живи, — добродушно сказал Иван, — места на двоих хватит.

И стал Петюня жить.

Распорядок у него был железный. Утром быстро и много ел. Быстро одевался. И сидел до обеда на «разговорной» лавочке, рисуя палкой фигуры на снегу. До обеда выкуривал две пачки сигарет.

— Петюня! — весело крикнет с крыльца Иван. — Иди жрать, пожалуйста!

После обеда — опять лавочка, молчание, фигуры на снегу и гора окурков. Иногда он слышал, о чем разговаривают через забор Иван и Антонина. Долго прислушивался, до весны. И как-то за ужином сказал Ивану, не глядя в глаза:

— Ты что, не видишь — баба хочет. Ей твой базар до фонаря. Не шути так с ней, Ванек.

— Петюня, мы сами разберемся! — вспыхнул Иван.

— Ну-ну, разберись...

Утром на шикарном лимузине прикатила жена. Норковая шуба до пят, низкая челка с голубым отливом. Боярыня Морозова. Она как-то по-домашнему поздоровалась с Петюней. Тот лениво кивнул.

— Я долго тут не задержусь, — сказал Петюня Ивану на прощанье. — За кров, за хлеб-соль рассчитаюсь.

— О чем ты!

— Я человек не бедный, Ванек, она знает, — он небрежно кивнул на норковую шубу. — Сидел за добрых людей. Сам понимаешь...

Вернулся Иван через два месяца, в мае. Занес вещи, и быстрее к забору. Видно, солнце застлало ему глаза... По огороду ходили Петюня с Антониной. Как прорабы или землеустроители. Иван подошел поближе.

— Я сказал — здесь! — Петюня говорил как хозяин и строгий муж. — Прилавки должны выходить на улицу.

— Петя, кухню жалко, — ласково упрасивала Антонина.

— Снесем эту рухлядь, поставим коттедж. Мастерская будет ближе к Ивановой халупе. А гаражи за мастерской.

Не сразу, но дошло до Ивана.

— А меня вы спросили?! — задохнувшись, спросил добрый Иван.

Антонина, словно забыв что-то, виновато засеменила к дому. Петюня подошел к Ивану поближе, спокойно сказал, глядя в глаза:

— Помнишь, я советовал: разберись. Я чист перед тобой, Ванек, как перед прокурором. Твоя жена отдала мне вашу дачу. За долги. Ты не знал. Я ведь и за нее сидел тоже. А Антонину... сам взял.

Иван, пошатываясь, пошел к теперь уже Петюниной лавочке.

Дядя

Молодой пенсионер Василий Васильевич приехал погостить на хутор к сестре. Поставил «Запорожец» под навес, достал сумку, гостинцы.

— Я на недельку, не больше, — сказал он, устало потягиваясь.

— Кроме молока и яиц ничего не надо, и так толстею.

Василий Васильевич следил за собой, красил усы и волосы, делал маникюр и курил душистые сигареты из позолоченного мундштука. Был женат пять или шесть раз, но не везло, больше года жёны не приживались. После очередного развода Василий Васильевич приехал залечить сердечные раны на хуторе.

— Ты что такой прыщавый? — строго спросил он племянника, когда сестра подвела его к дяде поздороваться.

— Не знаю, — робко ответил Шурик, отворачиваясь.

— Дрожжи есть надо!

Глаза у Василия Васильевича стоячие, неморгающие и ясные, как у ребенка. Он как-то по-птичьи всё высматривал, всё подмечал и говорил без умолку.

— Развела свинство, — укорял он сестру. — Мухи, двор захламлен, всё в навозе, к туалету не пройти.

— Как же в хуторе без худобы, Вася? — тихо удивлялась сестра. — Пенсия сам знаешь, какая. А навоз Шурик сейчас подчистит.

Она обожала старшего брата. Вечером подоила коз, налила в кувшин парного молока, попросила Шурика:

— Отнеси дяде. — Шурик поморщился.

— Да ну его... Пристает.

— Отнеси, сынок, он добрый.

— А отчего у него каблуки на туфлях женские? Мать испуганно оглянулась и зашептала:

— Упаси Господь спрашивать его об этом! Ростом Бог обидел, хочет казаться повыше. Женихается на старости лет.

Шурик отнес молоко и через минуту вернулся красный.

— Что такое? — спросила мать.

— Говорит, чтоб на дух больше такое молоко не подносили. Козлом, говорит, пахнет. Коровье просит.

— Сейчас корову подою...

Шурик подождал, понёс коровье. На веранде как бес его толкнул. Перелил в другой кувшин и протянул дяде козье.

— Ну, теперь другое дело, — крикнул дядя, вытирая губы салфеткой.

И стал пристально разглядывать Шурика.

— Штаны драные, на ногах цыпки... Жених! На девок поглядываешь? Невеста есть? Признавайся!

— Нету...

— То-то! За собой следить надо. Хочешь, найду невесту? Городскую.

— Не-е...

Шурик стал прятаться от дяди. Но тот его все-таки доставал.

— Попроси у матери дрожжи, полечим от прыщей.

Шурик убежал на речку и возвращался, когда смеркалось. Матери было неловко.

— Ты не дичись, — уговаривала она сына. — Он добрый.

Добрый дядя взялся за сестру.

— Что ж ты его так запустила! Оболтус растёт. Разговаривать толком не умеет. Я, наверное, сам займусь.

Шурик слышал этот разговор. Вечером он взял дядины туфли и заперся в сарае. Нашел старую ножовку и с ненавистью стал кромсать — отпиливать высокие каблуки.

Аккуратно поставил туфли на место и пошел ночевать на сеновал к другу — однокласснику...

Кончик

Маленькая Саша стала плакать по ночам. Вздрагивала, вскрикивала и заходила, закатывалась. Для родителей все-нощная. Носили по очереди, баюкали, качали. Затихнет на полчаса — и опять, до утра. Позвали врачиху. Она осмотрела крохотку, простучала животик и прописала укропной воды. «Пучит», — сказала она.

Всенощные продолжались. Опять позвали докторшу.

Та развела руками:

— Здоровая девочка. Может, недокармливаете? Давайте ей на ночь побольше.

А Саша уже осипла от крика.

Приехала бабушка с хутора. Две ночи носила Сашу на руках и всё приглядывалась.

— Дай ей кончик, — на третий день сказала она невестке.

Уголок пеленки свернули в трубочку и дали Саше.

Девочка схватила кончик, крепко зажала в кулачок и через пять минут впервые уснула до самого утра.

— Что вы с ней сделали? — спросила невестка.

Бабушка объяснила:

— Она растет, сны снятся, как взрослым. Во сне летает, падает в яму, в пропасть, пугается и кричит. Опоры-то нет, держаться не за что. Вот кончик и пригодился.

Молитва

Гена — сосед по даче.

Сидим в холодке на лавочке, курим. Разговоры о девках. Гена задает вопросы и в предвкушении ответа млеет, смеется заливисто.

— А вы хоть раз, Василий Афанасьевич, целовали девку?

— Целовал.

— В губы?

— В губы.

— Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

Гена закатывается, икает, хлопает по ляжкам.

— А голую видали?

— Видал.

— Красивая?

— Очень.

— А что вы ей говорили?

— Говорил: хорошая девка!

Гена молчит, хлопая ресницами и ожесточенно смокчет окурок. Вздыхает:

— А я ни разу не целовал девку...

Гене тридцать три года, у него церебральный паралич. В детстве провалился под лед и минут пятнадцать был под водой. С тех пор остались неразвитые ум и детская душа, плутоватая и наивная.

Читает романы про «девок», про любовь. Тайком носит вырезки сисястых манекенщиц из журналов, летом любимое занятие подглядывать из кустов, как девки купаются. Глаз как у ястреба, все родинки подметит, запомнит. А для разрядки приходит ко мне «поговорить».

Он красив, здоров и силен, только худо одет, не мыт и не чесан как следует. Приволакивает ногу, плечи опущены, глаза хитры и беспокойны.

Живет Гена с родителями на берегу Дона. Каждый день чистит у коров и в свинарнике. Носит, возит, копает безропотно — все, что скажут. Дачники зовут «подсобить» — кирпич разгрузить, сложить штабелем, бревна переносить — тут самая его работа. Кто десятку даст, кто зажигалку, пачку сигарет или американскую кепку. Рад Гена, хвалится всем. Рады и дачники — дуrolом на халяву.

Однажды пришел возбужденный, сияющий.

— Побройте меня. Такую новость скажу, упадете. Ни за что не догадаетесь.

— Что, жениться собрался?

— Ага...

Зацвел Гена, как пион, волнуется, заикается.

— Сказал, значит, отец... согласие дал. Прямо вот тебе, в воскресенье сватовство. С детства ее люблю, вам первому признался.

— Кто же невеста, откуда?

— Семенцова Татьяна, с нашего хутора. Разведенная, с сыном живет. Мы с ней в школу вместе ходили.

— А она знает?

— Ничего не знает!

— А если она другого любит?

— Никого у нее нет, точно!

Гена смотрел орлиным оком, с горней высоты: как же я не врублюсь, не докумекаю.

— Гм... Ты бы сам с невестой поговорил.

— Отец сказал: пойдем и все сразу порешим, а пока не болтай никому. Вам только признался.

Побрил я Гену, постриг как мог, рубашку подарил почти не ношенную и уехал в Ростов. А за неделю произошли события. Семенцова Татьяна встретила Гену в проулке и ласково спросила:

— Ну что, дурачок, жениться захотелось?

— Ага... — у Гены онемел язык. — Оте... Отец сказал...

Татьяна показала мелкие зубки.

— А ты знаешь, что твой отец, старый б..., пристает ко мне? Знаешь? Опозорить хотите? Дурочку нашли? Я вам сделаю козу! Уйди с глаз, недоделок, не попадайся!

Гена заперся в сарае, по-бычьи дышал, стонал.

Отец постучал в дверь, из окна брызнули стекла, над головой отца пролетела увесистая кирпичина. Старик юркнул за бочки напротив.

— Ты не отец! — Гена распахнул дверь и застыл на пороге, как Чапаев. — Такие отцы не бывают! Так не обманывают! За меня! За Татьяну!

Кирпичи взрывались на железных бочках, как гранаты.

— Генка, остынь! — вопил отец. — Шуток не понимаешь! Я же пошутил, дурак... Она сроду не пойдет за тебя. Другую найдем!

Утром мать отвезла Гену в психбольницу.

Вернулся он в хутор через месяц. Похудел, глаза стариковские, провалились. Заметнее ногу приволакивал. Зашел ко мне. Покурили, поговорили. Я не спрашивал ни о чём. Грустный был Гена, тихий. Потом и вовсе перестал ко мне ходить.

Как-то ночью долго не спалось. Я вышел во двор, походил босиком по траве. Воровски поблескивал осколок месяца, звёзды шурились. Сады тихо дышали. Хутор залила благодать Божья. И тут я увидел Гену. Через огород за малинником чернела его сутулая спина. Гена как-то странно говорил, вроде молитву читал.

Я подошел к забору.

— Пройдет месяц, пройдет год, пройдет десять лет, а я не забуду тебя никогда...

Гена стоял на коленях, задрав голову в небо и говорил нараспев, чисто, как не говорил никогда. От голоса, от подыва становилось как-то не по себе.

— Ты полюбишь другого, он тебя разлюбит, полюбишь третьего, он тебя разлюбит, полюбишь пятого — он тебя разлюбит, а я никогда тебя не разлюблю... Люди обманывают друг друга, отцы обманывают детей, дети обманывают отцов, а я тебя никогда не обману...

Молитва была бесконечна, я ушел, сохраняя чужую тайну.

Прошло семь лет.

Гена живет в хуторе по-прежнему. Работает, как вол, молча. Мы покуриваем с ним частенько, разговариваем обо всем. Впрочем, нет. О девках, о любви — ни слова. А о молитве я не осмеливаюсь спросить.

Америкашка

Она вошла в мою жизнь незаметно, легко и точно растворилась во мне. Нет-нет, а замечаю, что смотрю на свет божий ее глазами. Иногда почти физически чувствую присутствие в своей душе другой, еще неведомой мне и без которой моя уже не моя...

Родилась в Вашингтоне, в советском посольстве, где работал ее отец. Меньшая из трех сестренек, белокурая, с остренькими глазками-вопросиками, больше похожая на деревенского хлопчика. Сестренки ее дразнили — америкашка. Родилась в счастливой любящей семье, и, кажется, всё располагало к тому, чтобы америкашка, дитя любви, росла счастливо и беззаботно.

Ей было два годика, когда семья вернулась в Ростов, и судьба стала испытывать эту крохотку. Как водилось тогда, кто-то «стукнул», и отца, много и доброго человека, упекли как врага народа. Следом за ним арестовали и мать. Америкашка вместе с сестренками оказалась в детдоме.

Недавно она показала мне пожелтевшие фотографии. На них уже не глазки-вопросики, а диковатое беспризорное личико, неровно стриженная круглая головка, в цепких пальчиках стопка тарелок, наверное, на кухне внезапно клацнул затвор фотоаппарата.

Домашний цветок пересадили в дикую почву, и он уже начал приживаться, стал давать колючие побеги. Душа ребенка и ранима, и жестока по природе, всё дело в садовнике, воспитателе. «Я уже стала усваивать детдомовский жаргон, пробовала воровать».

Через несколько лет, после смерти Сталина, семья опять собралась вместе, в старой полуподвальной каморке. И опять запахло в доме счастьем. Но что-то невозвратно надломилось, дало трещину...

В шестнадцать америкашка влюбилась страстно и безоглядно. Первый парень стал ее мужем и отцом ребенка. И вскоре же ушел к другой, оставив америкашку с грудной девочкой. Рыцарь на час оказался заурядным расчетливым человеком. За двадцать пять лет у него не появилось желания увидеть свое дитя. На этот раз судьба была милостива, она вовремя отвела от америкашки ненужного и чужого ей человека. Но ожог от первой любви саднил долго. «Жить не хотелось», — говорит она сейчас с улыбкой и вздыхая.

Потом была долгая спокойная и относительно беззаботная пора. Другой муж, военный, любил ее. Жили в разных городах, в Европе. Она родила еще девочку. Впечатлительная, нежная душа ее оттаяла в Европе, в Венгрии. Наверное, это было лучшее время. Это видно и по фотоальбомам, по ее сияющим глазам. Что-то воздушное, невесомое светилось в ее порывистой козьей фигурке. И она — мать почти взрослых детей. Рядом ее девочки — разноликие мордашки. Она оберегала их, хотя бы в детстве, от «пересадки» в чужую почву.

А после Европы опять Россия, неустроенный быт, очереди, грязь и рассчитанный на выживаемость человеческих особей общественный транспорт. Грустно и горько стало америкашке после Европы.

Последние годы с мужем были тоже горькими. Он пил, и все чаще, тяжелее, ожесточеннее. Отчего пьют на Руси добрые и совестливые люди? А муж был и совестливым, и доб-

рым. Его убили недалеко от своего дома, проломили череп, когда вечером прогуливал собаку...

И опять она, как подстреленная птица, с израненной душой, одна. Стала ходить в церковь. Наверное, искала ответы на многое, что уготовила ей судьба.

Почти пятидесятилетняя женщина, она по-девичьи стройна и улыбчива, на ясном, открытом лице — порыв и жертвенность. Готовность к любви и грустная всепонимающая улыбка. В минуту задумчивости в уголках губ появляется горькая складочка.

Недавно мы стояли в церкви, у иконы Божьей Матери. Руки наши касались. Это было долго и трепетно. О чём она думала в эти минуты? Я никогда не узнаю. Но было это так светло, чисто, волнующе и окутано тайной женщины, которой дано пережить много больше, чем мне.

Она полюбила снова, она не может не любить. Она опять америкашка, счастливая и сияющая. Девочка. В уставших глазах отдаленно мелькнули огоньки, они напомнили те глазки-вопросики, которые я видел на пожелтевшей фотографии.

— Если разлюбишь — уйду в монастырь, — сказала она без рисовки, как о деле решенном.

В голосе была спокойная тихая строгость, как у пушкинской Татьяны или тургеневской Лизы Калитиной, которая унесла свою любовь к Лаврецкому в монастырь.

От ее слов меня охватил озноб. Кажется, приоткрылась тайна, только кусочек ее. А душа этой женщины, америкашки, была недоступной, как глубокое ночное небо с мириадами зеленых звезд, безмолвно шевелящихся в вечности.

Разгадаю ли я ее когда-нибудь? Нет, наверное.

Я уже счастлив тем, что прикоснулся к ней...

Родина

Над хутором высокий холм в меловых промоинах, в мелких зарослях шиповника и лоха. На самом верху лысый курган, вылизанный ветрами. Отсюда, с самой макушки, с высоты птичьего полета, как на ладони открывается хутор в окружении тополей и верб, аквамариновой зелени вишен, сирени, яблоневых и грушевых садов. Прямо по огородам, опушенная камышом, голубеет извилистая прожилка реки. Беленые хаты, плетневые околицы, сеновалы, колодцы с журавлями, голубятни, вытоптанная плешина выгона. В сиреневой дымке плавится воздух, зыбко дрожит золотистое марево.

На кургане девушка из хутора. Поднялась в самую рань, на восходе солнца. На ней соломенная шляпка, белая рубашка, схваченная узлом, шорты. Она стоит у раскрытого

мольберта с кисточкой в руках, напряженно вглядывается в горизонт. На ватмане панорама хутора, высокое небо с облаками, подсвеченными восходящим солнцем.

К девушке подходит старик пастух. Опирается подбородком на палку, смотрит на девушку, на ватман. Здоровается.

— Ты чья же будешь?

Девушка улыбнулась неожиданной встрече.

— Я нездешняя, из города.

— Городские спать любят. Рисуешь, значит?

— Рисую, дедушка.

— Брат у меня в городе, в депутатах. А я из большой жизни выпал. С малству тут, на бугру, с коровами. Да оно и лучше. На душе, как в затишке. Что мне надо? Кусок хлебушка, соли и водицы. Тут родник хороший, вода сладкая. Живности видимо-невидимо. Зайцы, еноты, лисовины, бабаки, суслики. Вот тут прямо я лося из руки кормил. Прибился к стаду, с коровами ходил. В последнее время много беспокойства от охотников. Бьют что ни попадя. Недавно еще дудаки были, стрепеты, орланы. Теперь нету. А ты, значит, из художников?

— Учусь.

— Большое дело. Я сам рисовал бы, только краски подобрать не могу. Мысленно этот бугор тыщу раз рисовал, а краски не даются. Вот тебе могу мысленно картину подарить....

Девушка внимательно смотрела на старичка. Он отбросил в сторону палку, выпрямил спину и строго, как учитель посмотрел на девушку.

— Бери бугор, где стоим, поближе к себе, — голос его обрел силу, рука дирижировала у ватмана. — Прямо с цветами бери. С шалфеем, с ковылем, с полынком, бессмертник не забудь. Шиповник отодвинь подальше. Теперь бери кладбище, уголок с крестами. Чуть ниже луговину с моими коровами. Вербы старые, горбатые. За ними речка виляет в камышах цвета лисий хвост. Дальше трасса в ниточку, тополя строчечкой, озимка глаз веселит. На горизонте, на самом конце хмарь, дымок. Теперь облака бери, пониже, покучней. Чисто кремль над головой. С золотым подбоем. И тень от них прозрачная. Коров и вербы клади потемнее. Пониже облаков, над кладбищем, орёлик завис. Теперь самое главное хутор наш. Хаты нарисуй так, чтобы печаль за душу брала. Чтобы покоем от красок сквозило.

— У Левитана картина есть «Над вечным покоем».

— Вечный упокой я знаю, там природа другая, не наша. Нарисуй так, чтобы наш хутор был лучше Левитана. Теперь назови эту картину «Моя родина». Хорошо будет?

Девушка засмеялась и погладила старичка по руке.

— Да вы настоящий художник!

Дедок уважительно посмотрел на нее, тяжело вздохнул.

— Жизнь быстро прошла. На этом бугру вырос, с коровами. При Сталине начинал. Всех вождей помню. При Сталине лучше всего было. В армию не взяли по инвалидности. На лошади колхозный гурт пас. Потом провинился — на овец послали. Бестолковые, а вот коровы по мне, понятливые. И от людей подальше, мне с коровами интереснее. И курган люблю. Красоту у нас никто не понимает, не восчувствует. Приедут молодые, веселые, грамотные. И шашлык жарят. Радио на всю громкость. Бабаки прячутся, суслики разбегаются, жаворонка не услышишь. Тут воронки от блиндажей остались. Наша батарея стояла. Били с кургана по немецким колоннам, которые на Сталинград шли. Теперь в воронках шашлыки жарят. Песок тут розовый, белый, сиреневый, охристый — какой хочешь. Такого места нигде больше на свете нету. Лет десять назад скульптуры, бабы скифские, стояли, штук двадцать. Учителя ребят приводили, рассказывали про скифов. Потом каменных баб стали вывозить. В школьном дворе две стоят, зеленой краской покрасили. Одна при детском садике. Три штуки военкомат на фундамент взял, под общественный туалет. И мода пошла, богатые люди в палисадниках этих баб ставят... Ну, прощай, милая, коровы мои на стойло потянулись.

Дедок по-старинному поклонился девушке, весело подмигнул и поковылял вниз по склону вслед за коровами.

Награда

Рассмешил ростовчан народный артист Советского Союза Михаил Ильич Бушнов. В день 85-летия артиста в театре имени Горького шел его бенефис. Люди три часа терпеливо сидели, слушая остроумные поздравления, куплеты, песни и просто красивые слова речистых ораторов.

Человек из Нальчика, театральный аксакал, сказал:

— Мы долго советовались, что подарить Мише. Хотели белую бурку с папахой. Подумали, нет. Старый Миша уже, зачем ему бурка? Решили — вазу... Несите сюда.

Два человека внесли на сцену сосуд высотой с самого юбиляра. Посмеялись, похлопали от души. Казалось, трудно переплунуть аксакала. Но на сцену вышло лицо официальное. Женщина государственная, с полномочиями. Она передала привет от большого начальника, который очень хотел лично поздравить Михаила Ильича, но, к сожалению, сейчас в отпуске за пределами области. Женщина выразительно зачитала благодарственное письмо. И тут зал увидел неужи-

данного артиста. Бушнов робко подошел к гостье, в осанке появился подобострастный изгиб, в глазах заминка и недоумение.

— Благодарность у меня уже есть.

Женщина натужно шутила, растерянно улыбалась.

— Ничего, две лучше.

— Так две уже есть, на кухне в рамочках висят.

— Почетную грамоту вам вручали, я помню.

— Могу побожиться: две благодарности! Может быть, все-таки грамоту дадите? Или жалко?

— Для вас ничего не жалко.

— Ну так дайте!

— На следующий юбилей.

Гостья окончательно теряется, краснеет, продолжает шутить, но получается как-то кисло и стыдно. А Бушнов разыгрывает простачка, ёрничает, смешит.

— Меняю две благодарности на одну грамоту.

— Михаил Ильич... не знала, что вы так любите награды.

— Очень люблю! Есть боевые ордена и медали, государственные звания. Есть «Золотая маска». А вот дома, в Ростове, только благодарности. Неужели грамоту не заработал?

Из зала скандируют: орден! Орден Бушнову! Высокая гостья берет себя в руки, кивает в зал, соглашается.

— Будет орден, почётная грамота будет, всё будет. К следующему юбилею.

— Не доживу! — отчаянно кричит Бушнов.

Артист виртуозно сыграл шута. Какой с него спрос? А замечательному актеру, 60 лет играющему в Ростове, в одном театре, сержанту-фронтовику выпрашивать прилюдно грамоту унизительно, не нужна ему такая грамота. Она нужна скорее самой гостье или начальнику, который выписывает грамоту. Одна ростовская газета опубликовала, сколько наград получил этот начальник. Сорок девять! Среди них кроме «Почетного работника гидрометеослужбы России» и «Почетного железнодорожника» есть театральная: «За поддержку театрального искусства России».

Бушнова любят просто за то, что он ходит по ростовским улицам, грустно стоит на остановке и, прихрамывая, каждый день поднимается по ступенькам родного театра. Шестьдесят лет.

Пошутил

Расул Гамзатов жаловался Владимиру Солоухину:

— Володя, что, Миша Синельников шуток не понимает?

— С чего ты взял?

— Да вот, встречаю его как-то в ЦДЛ, говорю: «Давно не видел тебя, Миша, приехал бы в гости». Он взял и приехал. Что, он шуток не понимает?

Мой друг, председатель колхоза Петр Григорьевич Стецурин обратился ко мне с подобным вопросом.

— Афанасьевич, скажи, у депутата В. с юмором совсем плохо?

— А что?

— Встретились как-то на банкете, со школьных лет не виделись. Обнял его, говорю: «Большой шишкой стал, даже подходить боязно». Сказал, абы что сказать. С тем и разошлись по столам. Выпили, как следует, закусили. Потом он подходит, берет меня за локоть.

— Ты что имел в виду? — и дышит в ухо.

— Ничего.

— Хм... Что ты хотел сказать?

— Ничего, шутка такая.

— Меня не обманешь.

— Говорю, пошутил.

— Не смешно.

— Согласен, дежурная шутка...

Думает, курит, мрачнеет.

— Ладно, как однокласснику, сознайся, что за этим стоит?

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего.

— Всё ясно, ты всегда таким был.

— Пойми, шутка такая, юмор такой.

— Камень за пазухой носишь! Я давно подозревал...

— Ну и дурак!

— Ага, маскировался. Я чуял, какая ты крыса.

Расстались врагами.

— Скажи, Афанасьевич, может, надо было в морду дать? Я заболел, ей-богу! Ощущение такое, как тюри вчерашней объелся на этом банкете. Нет, надо прописать в законе: человек без юмора опасен для окружающей среды. Надо печатать прямо на лбу, как на сигаретной пачке: общение с субъектом опасно для здоровья.

В Ильин день

Я видел, как пьяненький объездчик Валёк в мокром плаще остановил взмыленную лошадку у соседской калитки и крикнул зло, как кнутом ударил:

— Вот тебе и Илья пророк! Ахнул молоньей прямо в голову! Встречай теперь свою дочку, на повозке из степу везут.

Соседка тетка Рая охнула, завyla и, растрепанная, рысью кинулась в проулок.

Пьяный объездчик, пар от взмыленной лошади, крепкий запах срезанного сельдерея в палисаднике, лающие всхлипы тетки Раи, смертоносный озноб от криков: «Молонья! Молонья!» — всё смешалось в ощущение непонятного, непоправимо грозного действия, тошнотворного осознания беды.

Настя была моим другом. Мы вместе выдумывали и мастерили из тряпок куклу Дусю. Вчера только пришли ей туфельки, и Настя взяла куклу с собой в степь, где вместе с бабушкой пасла коров.

— Наша Дуся будет плясать сербияночку в клубе, — упрямо твердила Настя и ловко кружила куклу на табуретке. — Вот увидишь, она будет артисткой.

Я любил Настю и страшно боялся, что она ненароком узнает об этом. Я ловил ей бабочек, находил в траве землянику, руками ловил пескарей и, царапая в кровь лицо и руки, рвал еще зеленый крыжовник.

Настя подарила мне отцовскую медаль «За отвагу» и сказала:

— Ты будешь офицером, а я буду тебя ждать. Поклянись, что ты будешь офицером.

— Клянусь, — сказал я, млея от счастья и воображая себя офицером.

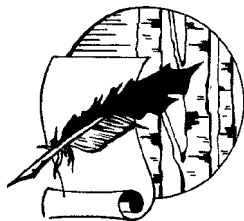
И вот «молонья». Настю везут на телеге... А может, Настя сама выдумала «молонью» и едет с водовозом, болтая босыми ногами и прижимая Дусю под мышкой?

Я увидел телегу на повороте в проулок. Водовоз босиком вел лошадь за оброть. Следом шли люди, молча глядя на то, что накрыто плащом. На пустую без бочки телегу. От телеги, от плаща исходила гнетущая немота, очумелость. Тетка Рая шлепала по лужам толстыми ногами, крепко держась за оглоблю. Немота кричала в ее пустых глазах.

Я увидел под плащом краешек ее красного сапожка. Вырванный набок каблук и обугленную маленькую пятку, похожую на печеное яблоко. Да еще кукла Дуся в красной козынке на секунду выглянула из-под плаща...

Я не видел мертвую Настю и не был на похоронах. Я мучительно думал, зачем Илья пророк послал «молонью» в Настю. Не в корову, не в бабушку, не в пьяного объездчика. Думаю и сейчас: зачем? И не знаю ответа.

ст. Старочеркасская Ростовской обл.

Александр НЕСТРУГИН

ПОСРЕДИ РАЗОРЁННЫХ ВРЕМЁН

* * *

Как страшно сразу быть добром и злом...
Кремль рисовать, как вышки лагерей.
И век барачный отдавать на слом,
Не отселив отцов и матерей.

История — неужто лишь строка,
Что некто на скрижали начертал?
Не тачка, не лопата, не кирка,
Не лампочка, не льющийся металл?

Не рельсы, не плотина, не мартен,
Не вера в светлый мир и красный флаг?
Не фото, что ещё глядят со стен
Снесённых коммуналок и общаг?..

Жгут руки вертухаи и кумы,
Гулаг, половы горсть на трудодни?
А мы с тобой, а мы с тобой, а мы, —
Отрёкшиеся от своей родни?!

Развев прах и выкашлявши дым
Отечества — от «Раши» и до «ять»,
Мы сохранить Победу норовим —
Ей без опоры не на чем стоять!

И всё же мы построим этот храм,
Где скорбно смотрит милосердный Спас —
И смотрят фотографии из рам,
В чулан снесённых нами, — прямо в нас...

АНТИУТОПИЯ

Явится век — милосерден и чуден,
Скажет, что прошлое — лжёт;
Даже осиновый шелест Иудин
Измордовал перевод!

Скажет, — отрыта консервная банка
С текстом, кричащим с листа,
Что Галилею склонила Лубянка
Выдать Пилату Христа.

Выведет век тот бескрылых Пегасов
И матерящихся Муз...
Станут там рядом — Сталин и Власов,
Рейх и Советский Союз!

Нелюди выйдут из ящика в люди,
Скажут

потупленным
нам,

Что свой отсчёт от рожденья Иуды
Проще вести временам...

* * *

«И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...»
Сергей Орлов

Они прозрели все! Ну, что ж...
Но как молчать, скажи:
Они затеяли делёж —
Ни поля, ни межи!

В шляхетском мороке поляк
Словес пускает пал —
И Млечные Пути пылят
Лишь там, где он ступал!

«Нет, эта пыль, — блажит румын, —
Лишь на моём следу!»
(Не та ли, что — с донских равнин,
В сорок втором году?).

А в двух шагах — глуха, слепа,
И в памяти больной —
Братушек ли, братков толпа
Стоит, давясь слюной.

Братушка, да неужто рад
И ты урвать свой кус?
...А Млечные Пути пылят —
Где Сталинград и Курск.

Где всё гремит последний бой,
Будя Европы стыд;
Где под звездой жестяной
Солдат советский спит...

* * *

Стали вдруг клятвы не долгу верны — долгам,
Блуду фуршетному с голубой каёмкой.
Стали пророчества прилипать к деньгам,
Будто в столовке локти к сырой клеёнке.

Только клеёнка что: тряпкой её протри —
Чистая, и блестит, как не блестела снову.
...А деловые люди — ты посмотри! —
Вдруг с нефтяной трубы — да потянулись к слову...

Им надоело в шампанском девиц купать,
В списке толкаться любимых детишек «Форбса».
Стали ребята стишки кропать;
Вы-то, конечно, подумали: так, для форса.

Но ведь не зря, не зря им шелестит листва:
Осенью — как наличка, а по весне — безналом.
Это о них теперь: «Говорит Москва!»
И — шепоток стыдливенький по журналам:

«Слог бы чуть выправить... А по судьбе —
Честное пионерское, нашенский он, в натуре!»
Прямо хоть рубрику открывай: «Литература — трубе».
Или: «Труба — литературе...»

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Мы в этот строй никем не призваны, —
Высоты брать, идти к вершинам.
И писарями мы не признаны,
И — головная боль старшинам.

Не проигравшие сражение,
А просто сданные вождями,
Полжизни шли из окружения,
А нас, похоже, тут не ждали.

Стать карандашной строчкой стёртою
Не страшно: нас судьба вдавила
В печаль страны рукою твёрдою,
Когда линияли все чернила.

И чьи-то перья в поздней трезвости
И в памяти скупой, но ясной,
О нас, давно пропавших без вести,
Напишут с новой строчки. С красной...

* * *

Тихой водой моё время стоит —
Плата строке за порывистый труд.
Так обмелевшее слово кроит
Кто-то — и ставит заплаты запруд.

Смотрятся годы, собою горды.
Рябью мальковой прикинулась речь.
...Сколько в запрудах глубокой воды
Понабралось — разучившейся течь...

* * *

Звала мамона — не пошёл на выучку:
А с кем бы я оставил дома стыд?
И он теперь спешит ко мне на выучку,
Со мною вместе по ночам не спит.

«А что я — трус? Или сыночек маменькин?» —
Сопит упрямо. Дал же Бог сынка!
«Я понимаю, — говорит, — что маленький;
Я вырасту! Ты потерпи пока...»

* * *

Не мучьтесь, не ходите к бабке:
Всё, чему быть, давно сбылось.
Я нужен этой мятой папке,
Листкам, где строки вкривь и вкось.

Был сбит взрывной волной, контужен,
Когда страна пошла под снос.
И — только этой папке нужен...
Но разве меньше будет спрос

С меня — за почерка изломы,
Слов ротозейных толчею?
За то, что холоду сквозному
Страниц тревогу отдаю;

Что — кодлой битый, кривдой клятый —
Порою долго так молчу,
Как будто бы от папки мятой
Той — отодвинуться хочу...

* * *

Эта боль, эта быль: то диван, то кровать,
За окном — головою качающий клён...
Запрещаю себе по себе тосковать,
По себе — но иных, миновавших времён.

Разгоняю к глазам подступившую хмурь,
А она мне, так вежливо: «Надо ли? Вы ж
Не волшебник...»
Ругаюсь: «Гляделки зажмурь,
Рифмоплёт малахольный! И внемли, и виждь».

...И стоит посреди разорённых времён
(Я его рассмотрел хорошо в этот раз!)
Не над мусорным баком склонившийся клён —
В край обрыва корнями вцепившийся вяз...

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ

Сойдутся мальчики и девочки —
Не здесь, а рядышком, вон там,
Где век назад бросали денежку,
Гурьбой одну бросали денежку

В кипящий брызгами фонтан!
Где дружно мучили капризами
Рассвет, что от фонтана влѣк:
— Пусть не шампанского, но — с брызгами!
— И мне, и мне того же — с брызгами!
— И с пробкой, бьющей в потолок!
Суровый век, с тоской и скукою,
Их в брызгах из виду терял...
А пульс, как рация, выстукивал,
Всѣ что-то сбивчиво выстукивал —
И замирал, и замирал!
Жизнь сыпала тире и точками —
И сердце всѣ перевело:
Как брызги те стирать платочками,
Бедой набухшими платочками
Со щѣк бывает тяжело...
Сквозь годы молодости денежка —
Пляди! — всѣ светится... Хоть лезь!
...Сегодня мальчики и девочки,
Седые мальчики и девочки
Друг с другом встретятся — не здесь.

* * *

Необходимы нам позарез —
Нет, не наплывы нелепых поѣз,
Нет, не лесов изведѣнных тома —
Ветка, что к сердцу прижмѣтся сама.
Та, что, ещѣ не коснувшись листвою,
Стуку сердечному выдохнет: «Свой...»
В мире, что стыло глядит и темно,
Тронет листвою, облетевшей давно...

ВЕЧЕРНЕЕ

И «под раму», и «на раму»
Мчал — педали воздух жгли!
Долго-долго вечерами
Докричаться не могли...
Отблестели, слившись, спицы —
Разбудили блеск луны.
Словно девичьи ресницы,
Были сумерки длинны.

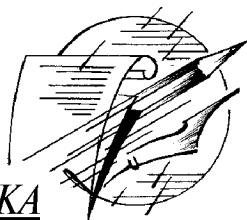
А потом закатным блеском
Плѣс пришѣл меня пленить.
И впотьмах светилась леска,
Как вольфрамовая нить.
Мне ли нюнить, мне ли злиться —
Здесь, на свете, на свету?
...И детей светились лица,
Прогоняя темноту..
Ночь чернеет.. Ночь — как нычка,
Где припрятан рваный хлам
Снов — и вредная привычка
Просыпаться по утрам.

с. Петропавловка Воронежской обл.

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Святейший Патриарх Кирилл выступил с инициативой о запрете аборт, точнее, о комплексном подходе к их регулированию с сохранением возможности прерывания беременности по медицинским показаниям. Что ж, тема необыкновенно актуальная, а для нашей страны и особенно болезненная. Следует напомнить, что запрет на аборт в разной степени строгости на сегодняшний момент действует в более чем 100 странах мира. У нас они разрешены, более того, Россия по количеству ежегодно проводимых абортов занимает первое место в мире. Тут мы, к горькому сожалению, «впереди планеты всей».

Поскольку аборт в христианстве считается одним из страшных грехов (и правильно, ведь это убийство пусть и крошечного, но человечка!), то вполне понятно, что православные верующие активно подхватили инициативу Патриарха и проводят разные мероприятия по данному вопросу. Так, например, в Санкт-Петербурге они провели следующую акцию: на двух небольших речных парходиках православные совершили

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

водную прогулку по Неве с соответствующими транспарантами против абортов, а также возложили на воду венки в память о не родившихся в результате абортов детках.

Но, дорогие братья и сёстры, давайте всё же зададимся вопросом: а почему в современной России в таком огромном количестве совершаются сии антигуманные, античеловечные действия? Причины самые разные: элементарный эгоизм (хочу «пожить для себя»), отсутствие должной половой культуры, медицинские показания, несогласие мужа (законного или т.н. «гражданского»), случайная половая связь и, как результат, беременность, и тому подобные морально-нравственные аспекты. Но на первом месте (ответим на этот вопрос **честно!**), стоят причины экономического характера — бедность, нужда, неуверенность в завтрашнем дне и недостаточная забота государства о женщине-матери.

Несмотря на все громкие заявления власти, народ наш живёт бедно, зарплата у миллионов россиян в среднем около 20 тыс. руб. (в мегаполисах, конечно, больше, но я говорю об основной массе населения). Есть регионы, где на социальных выплатах «сидит» половина трудоспособного населения, т.е. элементарно там нет работы. Особенно прискорбно, что не может найти себе работу, по крайней мере по специальности, молодёжь! Люди как могут перебиваются случайными заработками, «висят» на шее у престарелых родителей-пенсионеров, подворовывают и т.д. До детей ли тут?

Конечно, мне могут возразить: не всё на свете измеряется деньгами! Согласна, но чтобы вырастить здорового развитого ребёнка, который бы в дальнейшем смог стать полноценным членом общества, они, деньги, очень нужны! Поначалу на памперсы, коляску, детское питание, потом пойдут затраты побольше: на одежду и обувь, которые надо обновлять чуть ли не каждый год — он, ребёнок, ведь растёт! Ну, а когда начнётся школа? В силу разных причин школа сейчас превратилась в своего рода насос по выкачиванию денег из родителей. И насос этот работает уже давно! Мы с вами помним, что теперь все услуги (обучение теперь тоже «услуга!») в школе платные! (Платные кружки — отдельная тема!). Да и как забудешь, если они так сильно бьют по родительскому карману, что трещит этот карман по швам! Вот, например, что говорит по этому поводу руководитель общественной организации многодетных матерей Пермского края:

— «за «продлёнку» (а она теперь тоже платная!) в месяц надо платить 8 тыс. руб.;

— за детсад — 2,5 тыс. руб.;

— за абонемент в бассейн — 2 тыс. руб.

А сколько ещё всего разного другого: детей стригут — стрижка стоит 350 руб., им приходится ставить набойки на обувь (ну, любят дети бегать!) — тоже 350 руб. и т.д., и т.п.! Не забудем, что цены в мегаполисах на перечисленные и тому подобные услуги намного выше, а вот зарплаты там же выше совсем ненамного! Деньги надо сдавать и на различные платные экскурсии, праздники, подарки учителям, а летом отправлять любимых отпрысков в детские лагеря, к бабушкам-дедушкам (им тоже денежками помогать надо!), а то и всей семьёй отправиться к морю, что могут себе позволить далеко не все. Про детское питание писать не буду, и так понятно, что для растущего организма оно должно быть полноценным круглый год, а значит, тоже недешёво обходится родителям.

Раньше у нас был только один выпускной вечер — по окончании школы, теперь он начинается чуть ли не с 4-го класса, а это опять затраты и немалые: платья и туфельки для девочек, костюмчики и ботинки для мальчиков, поход в кафе, фотографии... А уж выпускной! Тут вообще цифры зашкаливают! Впрочем, родители отчасти сами виноваты. И ведь, по большому счёту, ни к чему всё это: и бальные платья, и причёски, и дорогие подарки. Если всё это так легко детям, точнее, уже подросткам, достаётся, то и не ценится должным образом. Но ничего не поделаешь, мы бежим к «обществу потребления» семимильными шагами, вот и силятся-пыжятся родители, из штанов выпрыгивают, только бы их чадо не вылядело хуже, чем другие!

А потом новая проблема: поступление в институт и учёба! Репетиторы, учебники, пособия, экскурсионные поездки во время каникул... Глотай валидол, родитель, вкалывай, если, конечно, найдёшь себе приработок!

Но это всё потом, а сначала надо его, чадушко своё, родить! А родная медицина (тоже платная!) в основном этому совсем не способствует. Нет, я опять не про мегаполисы, я про наши маленькие городки и веси, коих большинство на карте нашей «необъятной». Где рожать, если повсеместно закрывают больницы, фельдшерские пункты, если сокращают медперсонал? Вот и в рабочем посёлке Вача Нижегородской области закрыли т.н. «роддом Ростроповича» — в начале 90-х всемирно известный музыкант заказал сюда новейшее оборудование на собственные деньги. Или вот супруга священника уже из пос. Борисоглебский Ярославской обл. вынуждена была рожать дома. Скажете по «серости» своей? Отнюдь нет! Просто последствия модернизации, читай: бесчеловечной медицинской реформы! Негде было! Жители пытались отстоять местный роддом, но не получилось. Представьте себе

такую картину: шесть беременных женщин указанного выше посёлка держали оборону клиники, но, когда там отключили отопление, вынуждены были отступить! Что это? Глупость? Нет, преступление! Преступление против материнства! И вот теперь каждая роженица должна будет проехать около 100 км до Ярославля на раздолбанном грузовике, чтобы добраться до роддома. А если вдруг роды начнутся в дороге? Тогда как?

Конечно, очень хорошо, что после некоторых дебатов власть решила продолжать выплачивать «материнский капитал», но срок пока продлили только на два года. Единовременное пособие при рождении первого ребенка в СПб за 2015 год составило около 14,5 тыс. руб. Если трудовой стаж составил менее 6 месяцев, то пособие выплачивалось равное минимальному размеру оплаты труда — около 6 тыс. руб. Ежемесячное пособие на ребёнка в возрасте от 1,5 до 7 лет для малообеспеченных семей равно 778 руб. На ребёнка такого же временного периода из неполной семьи — 1125 руб. Для семьи военнослужащего — 1045 руб. Вот такое «богатство» привалило! Рожай — не хочу!

Забыла ещё сказать о ежемесячной компенсации женщинам, находящимся по уходу за ребёнком до достижения им 3-х лет — целых 50 руб.! И платится эта «гигантская» сумма по доброй воле работодателя, из его средств. Но какой работодатель сам, добровольно будет выплачивать это пособие?

Подытоживая перечисленное выше, можно сказать, что большей частью суммы ежемесячных выплат не превышают размер прожиточного минимума, взятого, как известно, с «потолка», ибо прожить на этот «минимум» практически невозможно! Нет, конечно, можно махнуть на всё рукой, да и рожать сколько хочется и сколько получится, да вот только кто в таком случае вырастет? Ребёнок — не трава в поле, что растёт сама по себе...

3 октября прошлого года в Общественной палате РФ прошёл «круглый стол», на котором обсуждали предложения по улучшению демографической ситуации в России, а она, как известно, катастрофическая — вымираем! Инициировали мероприятие протоирей В. Чаплин и сообщество «Русская миссия» при поддержке Комиссии ОП по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений (председатель Иосиф Дискин). Есть, оказывается, и такая комиссия, жизнь она нашу призвана «гармонизировать»! Надо же!..

Назвать В. Чаплина «батюшкой» у меня язык не поворачивается. Он представил ОП свои предложения по вышеуказанной теме и ряд инициатив, например, «лишать материальных прав тех, кто будет уличён в абортах, разврате и

супружеских изменах». То есть если какая-нибудь гражданка Иванова сделает аборт, уже имея ребёнка, то надо будет лишить эту гражданку права на её имущество (квартиру, телевизор, стиральную машину и т.п.). Ребёнку её хорошо от этого будет? Или, к примеру, гражданин Сидоров был уличён в супружеской измене и будет наказан, т.е. лишён прав на квартиру, где он проживает с семьёй, на машину, на которой «подлый изменщик» возит детей в школу и т.п. Детям Иванова от этого сладко станет?

Далее, г-н Чаплин предлагает приравнять труд многолетней матери к... «общественно-полезному труду» (?). Как, например, осуждённый на 15 суток какой-нибудь хулиган, вынужденный заниматься «общественно-полезным трудом» — улицы подметать или мусорные баки вычищать. Нет! Труд многолетней матери надо приравнять к трудовому стажу!

Дальше — не поверила своим глазам: Чаплин предложил стимулировать... ранние браки! Снизить брачный возраст для девочек до 14 лет, для мальчиков до 16! И это предлагает служить РПЦ? Господи, да это надо же так оторваться от жизненных реалий! Г-н Чаплин не понимает, что столь ранние браки вредны со всех точек зрения: морально-нравственной, медицинской, экономической, наконец! Что хорошего в том, что незрелые во всех смыслах подростки вступят в брак? Да они в лучшем случае просто сядут на шею своим родителям, но уже с собственными детками. Половая жизнь в столь раннем возрасте не несёт девочке ничего хорошего. Об этом ли надо ей думать? Может, всё же — об учёбе, о том, чтобы сначала в этой жизни встать на ноги, научиться зарабатывать самой! А ещё Чаплин предложил в школах, видимо в устрашение, показывать всю процедуру аборта, т.е. весь процесс! (Не удивляюсь, что Уральский родительский комитет осудил предложение Чаплина, а руководитель этой организации Е.Жабреев посоветовал Чаплину обратиться к психиатру!)

Вот сейчас в Польше разгорается борьба по поводу попытки властей принять закон о **полном** запрете абортов. Прошла огромная манифестация женщин в центре Варшавы, протестующих против этого. Причём было это в понедельник, т.е. в рабочий день. Так вот, польки не побоялись оставить свои рабочие места, а многие хозяева предприятий сами отпускали женщин с работы поучаствовать в этой акции. Пока же (с 90-х гг.) в Польше действует закон, запрещающий аборты без медицинских оснований — угрозы для жизни и здоровью матери или патологии плода, а также в случае изнасилования. Только 11 процентов поляков выступает за новый закон!

Большинство — за «старый», компромиссный закон! Я достаточно лет прожила в Польше и могу сказать, что там много многодетных семей, приятно удивляет количество весёлых и здоровых детей на улицах, поляки вообще чадолюбивы.

Кроме того, поляки — нация, умеющая отстаивать свои права, а ещё нация очень религиозная! Можно по-разному относиться к католицизму, и я не его поклонница (всей душой принимаю родное православие), но в костёлы там ходят все, от мала до велика, а катехизис преподают в школах, там это — обязательный предмет! Неоднократно наблюдала, как утром в воскресенье абсолютное большинство народа, всеми семьями устремляется в костёл на службу. И одеты при этом нарядно — ведь это праздник! (Никогда не понимала, почему у нас женщины стараются в церковь надеть что-нибудь старенькое, а голову замотать выцветшим платком.) А как красиво отмечают в Польше Пасха и Рождество! Сколько радостных, приятных хлопот предшествует этим праздникам!.. И надо отметить, что живут сейчас поляки много лучше нас, так может, им Бог помогает за их усилия?

Отвлекаясь от конкретики, хочу сказать следующее: да, Господь наш Иисус Христос есть Любовь, Он одинаково любит всех своих чад, но он ещё и Удерживающий, и в простом, приземлённом понимании этого слова, Он именно **удерживает** людей от греховных мыслей и разных греховных поступков и деяний! Думается, что человек должен иметь над собой сдерживающий фактор, чтобы именно *бояться* совершать злые деяния. Вспомните своих бабушек, которые говорили всем нам: «Не делай этого, а то Боженька накажет!» Или о дурном человеке: «Его Бог наказал»!

Человека неверующего сейчас ничто не «удерживает»! Раньше мы поголовно были страной атеистов, но действовала социалистическая идеология, которая порицала и осуждала всё дурное в человеке, и поощряла, культивировала всё доброе! Сейчас идеологии в стране нет, и единственным Удерживающим является Русская Православная Церковь. Она стала той инстанцией, куда, что называется, «потянулся народ», где только и можно найти утешение и понимание! И представителям РПЦ нужно быть очень внимательными к своей пастве, не разрушая духовную связь народа и церкви непродуманными заявлениями, какие сделал г-н Чаплин!

Кстати, некоторое время назад г-н Чаплин высказал ещё одну очень «оригинальную» мысль: должен-де существовать «общероссийский дресс-код» — как должны одеваться русские женщины. Дескать, скромнее надо быть в одежде! А вот в 2011 г. он, напротив, высказал мнение, что священникам

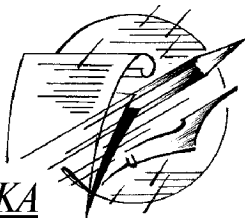
необходимо иметь дорогое облачение, дорогие авто, чтобы «поднять престиж церкви» и на равных «говорить с сильными мира сего, которые меряют отношение к человеку деньгами». Может, я чего-то не понимаю, но мне кажется, не дорогими одеждами поднимается авторитет церкви! Христос проповедовал в очень скромных одеждах и не в великолепных храмах, а под деревом, в лодке, в пустыне, и ничего, справлялся!

В заключение хочется сказать следующее. Бросать в воду веночки в память о не родившихся в результате абортов детях — дело хорошее, но, может быть, нам лучше проявлять большую активность и в мирских делах? Например, собраться да пойти к своему депутату и потребовать от него содействия в строительстве детского сада, или собрать подписи в высшие органы власти об увеличении детских пособий, организовать митинги по сохранению сельских больниц, да мало ли чего ещё! Словом, самим отстаивать свои законные права! Бороться за них! Ведь «на Бога надейся, а сам не плошай»! Да и представители РПЦ могли бы в этих делах более активно участвовать! А, православные?

СКОРБЬ И НАДЕЖДЫ ДОНБАССА

Вторая моя поездка в непокорённый Донбасс состоялась в середине октября нынешнего года и пришлась на время осеннего ненастья, похолодания и дождей. Что изменилось за год в многострадальном шахтёрском регионе?

Отправляясь в дальний путь, я внимательно перечитала статью политического обозревателя Алексея Анпилогова «Пелена молчания» от 16.06.2016: *«На Донбассе третий год идёт настоящая, полномасштабная война. Каждый день в ней гибнут и получают увечья люди. Не закончилась эта кровавая бойня и с принятием фигового листочка минских соглашений: миллионы жителей Донбасса сейчас оказались заложниками парадоксального состояния «ни войны, ни мира». Такой войны — длинной, бесцельной, лживой и бессмысленной — Россия ещё не знала. Украина, оказавшись её запалом и заложником, уже в любом случае проиграла. А вот для России момент истины в украинской войне ещё впереди. «Войны нет», — говорит официальная пропаганда. Но процесс выздоровления предстоит пройти и самой России. Надо будет осознать, что от войны невозможно*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

спрятаться за филькиной грамотой или под пеленой молчания, понять, что на Донбассе гибнут русские люди, принять свою ответственность хотя бы за пространство бывшего СССР. В противном же случае надо перестать говорить о «росте влияния России в мире» или о мифической «евразийской интеграции» — и ждать войну у себя дома».

Действительно, ситуация трёхлетней войны стала умышленно замалчиваться во многих официальных СМИ. Люди в двух самопровозглашённых республиках брошены на выживание, живут в надежде на лучшие времена. Таксист, везший меня от Каменск-Шахтинска до Изваринской таможни, указал место, где летом страшного 2014 года в чистом поле был разбит огромный палаточный лагерь для беженцев из Луганщины. Здесь нашли временный приют люди, пережившие обстрелы, в одночасье потерявшие родных и близких, свои дома и квартиры, годами нажитое имущество. Я подумала, что на этом месте в ближайшем будущем надо поставить несколько палаток и памятный знак, дабы все помнили об ужасах войны.

В недавнем интервью Глебу Боброву, главе писателей ЛНР, известный драматург Юрий Юрченко поделился своими размышлениями о том, почему война в Донбассе не находит должного отклика в искусстве. Ю.Юрченко пришёл к выводу, что причина этого — обыкновенная чиновничья трусость и зависимость властей от Москвы: те «закрыли тему», вот и на местах боятся лезть на рожон.

К счастью, многие русские писатели мыслят и действуют иначе. Уже два года, как пермский СП сотрудничает с писателями Донбасса. В альманахе «Литературная Пермь» за 2015 год был опубликован очерк Глеба Боброва «Сталинград под Санжаровкой» и «Луганское лето-2014. Дневниковые записи» Андрея Чернова, в газете «Пермский писатель» — стихи Светланы Тишкиной. Пермяки настроены на продолжение и укрепление сотрудничества, на личные встречи и знакомства, на публикации новых произведений.

В Донбассе появилась новая прекрасная литература, инициированная горем и страданиями. Наряду с уже известными именами писателей — Г.Бобров, А.Чернов, Ф.Березин, В.Русанов — появилось много новых и талантливых имён: драматург и публицист Иван Донецкий, поэты Вера Агаркова, Михаил Афонин, Павел Кравцов, Людмила Гонтарева, Екатерина Ромашук и многие другие, наряду с плеядой прозаиков. Появились талантливые произведения — глубокие, новаторские, философские.

Для нас Донбасс — это передовая линия войны, где идёт борьба за Русский мир, за наши традиционные ценности.

Жители Донецкой и Луганской республик своей кровью предотвратили нападение укрофашистов на Крым и на сопредельные с Донбассом области. Тем, кто не верит в это, настоятельно советую побывать в Чертково: там граница с отнюдь не дружественной нам Украиной проходит в пятидесяти метрах от железнодорожного полотна. Высокая стена с колючей проволокой, за которой видны жёлто-блакитные флаги. В случае обострения ситуации мы рискуем лишиться одной из важнейших транспортных магистралей — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хороший, откровенный разговор состоялся у меня с писателями в Русском центре Луганской республиканской библиотеки им. Горького. Андрей Нестеров, сотрудник информационного отдела епархии и газеты «Православная Луганщина», подверг резкой критике девиз «Украина понад усе!» — «Украина превыше всего!». Получается, что идеологи Украины поставили её выше Бога, выше христианства, выше Православия, и печальные результаты этого не замедлили сказаться. Во время летнего общеукраинского крестного хода филаретовцы бросали гнилые помидоры в иконы. Так могли поступить только одержимые бесами люди, украиновывернутые, как называют их теперь. По мнению Андрея, Господь попустил всё это для самоочищения жителей и Донбасса, и Украины.

За минувший год в сквере возле библиотеки был установлен величественный монумент защитникам Луганщины от фашиствующего национализма. Четыре скульптурные фигуры: ополченец, шахтёр, казак и вдохновляющая их на битву женщина символизируют мужество и стойкость бойцов сопротивления. Об их подвигах гласят высеченные в мраморе слова: *«Если в душе твоей Родина есть, Встать на защиту её — это честь»*.

Отец Никола (Татауров), настоятель Пермского старообрядческого храма во имя Святителя Стефана Пермского, поручил мне передать в дар и в поддержку писательской организации ЛНР образ святого великомученика Георгия Победоносца. В третий год войны у писателей и большинства жителей Луганщины настрой только на победу!

Тёплой, сердечной была моя встреча с коллегами по кафедре русской и мировой литературы Луганского педуниверситета, где двадцать один год тому назад я проработала почти восемь лет. Зав кафедрой, доцент Сергей Ильин особо отметил, что теперь у них не кафедра, а семья, не работа, а служение. Право же, в нынешних обстоятельствах лучше не скажешь!

Одна из бывших моих студенток сообщила, что её сындевятнадцатиклассник категорически отказывался учить украинский язык, включённый в школьную программу: «Они нас обстреливали, убивали, а я должен учить их поганую мову?»

И вновь невольно поразила я тому, что певучая украинская речь с её образными пословицами и поговорками, со знакомыми всем народными песнями превратилась в язык врага. Но до начала весны и лета 2014 года луганчанам и в страшном сне не могло привидиться, что по их родному городу будут рыскать диверсионные группы, а от прямых попаданий снарядов будут рушиться здания и гибнуть люди. Тяжело залечивает Луганск свои фронтовые раны, а на подступах к городу, в районе станицы Луганской то и дело вспыхивают перестрелки.

Моя квартирная хозяйка Наталья Павловна Киреева до сих пор вспоминает кошмар тех дней непрерывных обстрелов, когда самым безопасным местом в её квартире была лежанка из груды матрасов возле входной двери, когда пожилые люди ночами выстаивали длинные очереди за питьевой водой. Нынешняя пенсия Натальи Павловны составляет две тысячи рублей: половина этой суммы идёт на квартплату, вторая половина — на питание. На лекарства у большинства луганчан просто-напросто нет денег, на одежду и обувь их приходится выкраивать из скуднейшего бюджета.

— И всё же нам живётся намного лучше, чем людям на фашиствующей Украине, — поделился со мной сокровенными мыслями физик-теоретик Евгений, давний мой соратник по борьбе за русский язык и русскую культуру на Луганщине после распада СССР. — Мы кровью завоевали право на самоопределение, за возможность трудиться на собственной земле. И впрямь, по данным «Рейтинга», изменить страну проживания собирается каждый третий житель Украины. С каждым днём растёт число тех, кто хотел бы получить работу за рубежом.

Отрадно, что с каждым днём крепнет связь граждан пока что не признанных республик с Россией. В день шахтёра, в Ровеньках выступила с концертами Инна Наговицына, шансон-исполнительница песен Сергея Наговицына. Её привёз на Луганщину Сергей Мищенко, председатель Пермского общественного гуманитарного комитета, за три года войны побывавший в Донбассе не менее двадцати раз.

В этот приезд особо памятной стала для меня первая в жизни поездка в Донецк. По обеим сторонам дороги — бескрайние степи и терриконы, золотисто-рыжая донбасская осень с ещё не облетевшей листвой на деревьях, но уже поникши-

ми травами. Дорога пролегла мимо мест недавних ожесточённых боёв: Дебальцево, Ясиноватая, Угледорск, более чем наполовину разрушенный от обстрелов, а неподалеку — отворот на Горловку.

Нынешний Донецк — город контрастов. Друзья-писатели показали мне его великолепный центр: улицу Артёма, площадь Ленина — место многотысячных митингов сторонников независимости ДНР, Театр оперы и балета имени А. Соловьяненко, тенистый и уютный бульвар А. С. Пушкина, где на тумбах воспроизведены вехи истории бывшей Юзовки. Впечатлила меня «Донбасс-Арена» — огромный крытый футбольный стадион на пятьдесят четыре тысячи человек. С высоты возле монумента героям Великой Отечественной войны видно, насколько удачно спланирован город, пересекаемый в нижней его части рекой Кальмиус. Парки и цветники дают ощущение простора и облагороженного пространства. Чувствуется, что дончане любят свой город, не уступающий по ухоженности и красоте иным европейским столицам. Есть тут и свои «изюминки» — парк кованых скульптур с авангардистской фигурой кузнеца посередине, да и многое другое, чем можно восхищаться.

Контрастом с фешенебельным центром до сих пор являются северные и западные окраины города, практически, ежедневно подвергаемые обстрелам. В Киевском районе Донецка воочию увидела я здания со снесёнными крышами и выбитыми окнами, а сам Киевский проспект перекрыт блокпостом, от которого два-три километра до старого здания аэропорта, до линии соприкосновения. Здесь Гиви со своими ополченцами вовремя взорвал мост, дабы нацисты не прорвались в город. Неподалеку — печально известная школа №57, куда попадали снаряды и где погибли дети. Жители Киевского, Куйбышевского и Петровского районов до сих пор страдают от обстрелов, а представителей ОБСЕ в Донбассе с горькой иронией называют слепо-глухо-немыми: они в упор не видят бесчинств хунты, никак не реагируют на обстрелы. Целью обстрелов больниц, школ, детских садов и жилых домов было стремление фашиствующих националистов запугать мирных жителей, заставить их уехать на Украину, либо в Россию, либо куда угодно, чтобы сделать Донбасс безлюдным, но планам врагов не суждено было осуществиться.

Вечером 16 октября мне удалось побывать в ещё одном достопримечательном месте Донецка, в кинокофейне имени Хонжонкова на авторском концерте одного из известных гордских бардов. В тот же роковой вечер, буквально в двух

километрах от кофейни было совершено подлейшее убийство Арсения Павлова, легендарного командира батальона «Спарта» с позывным Моторола, которое повергло всех донбассцев в состояние шока.

Позже я прочла об этом ряд статей в Интернете. Узнала, что Арсений был взорван в лифте взрывчаткой, подвешенной к тросу. В тот роковой день, комбат «Спарты» и его начальник охраны возвращались домой после войсковых учений. Арсений и Евгений вошли в лифт в полной военной экипировке, включая бронежилеты и каски, но полтора кило взрывчатки прямо над головой не оставили им ни малейших шансов выжить. Новый комбат Воха пообещал, что продолжит дело Арсена Павлова, Он сильно огорчит тех, кто рассчитывает, что «Спарта» сдаст свои позиции.

Траурная церемония прощания с погибшим полковником Вооруженных сил ДНР Арсеном Павловым прошла в Донецке девятнадцатого октября. Проводить в последний путь легенду Донбасса по зову сердца пришли более пятидесяти тысяч человек, многие из них ради этого приехали из других городов.

Появились сообщения, что установлена личность убийцы Моторолы. Подрывником оказался латышский наёмник Марк Озолиньш, работавший в паре с другим неизвестным наёмником. Латышский диверсант был внедрён в ополчение в первой половине 2016 года и был завербован СБУ в Риге. На передовой Озолиньш себя никак не проявил, но входил в доверие, подкупая нужных людей материальной помощью, привозимой из России. О том, как подлы и коварны враги самопровозглашённых республик, мне довелось услышать неоднократно. По Донецку и Луганску разъезжали мусоровозы и кареты «скорой помощи», внутри которых были установлены пулемёты для обстрелов и диверсий.

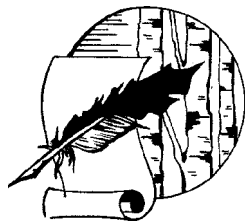
Героическая жизнь Моторолы уже стала частью истории Донбасса, пополнила ряды духовного воинства русского. Замечательно сказал об этом публицист Егор Холмогоров: «Уверен, он уже получает на Небе свое подразделение в армии Бориса и Глеба, Владимира Мономаха и Александра Невского. И у него скоро будет много работы».

Трёхлетняя война в Донбассе требует незамедлительного решения. Парламентарий Казбек Тайсаев, член комитета по делам СНГ, высказался по этому поводу однозначно: «Та ситуация, которая сейчас есть на Донбассе, устраивает только украинскую сторону, нас это устраивать не может. За последнюю неделю только из командного состава там погибло десять человек. Люди гибнут каждый день. В Дон-

бассе идет целенаправленное уничтожение командиров ополчения, и если положение не изменится в ближайшее время, жители региона потеряют надежду на улучшение ситуации». Добавлю к этому, что если положение не изменится, война легко может перекинуться на соседние с Донбассом области России.

Где же выход? Исторический опыт подсказывает, что Россия на протяжении веков защищала себя молитвами и ратными подвигами от набегов как с Востока, так и с Запада. Так было во времена Московской Руси, так было в лихолетье Великой Отечественной войны, когда мощнейшая идеологическая пропаганда подкрепляла силу оружия, помогала нам выстоять. А что теперь? На портале «Свободная пресса» я прочла, что сегодня элитные вузы и факультеты России формируют «новых кочевников», а не людей, лояльных своей стране, что «глобалы» будут бороться только за свой собственный статус. Это прямой путь к поражению.

Всем понятно, что судьбы жителей Донбасса напрямую зависят от коренного улучшения ситуации в России, а страна вновь находится в состоянии круговой обороны от сил объединённого Запада и «Игила». Но главная опасность, как и в предыдущие исторические эпохи, исходит от врагов внутренних. Для спасения и России, и Донбасса нам действительно нужен тип человека-молитвенника, воина, героя, труженика, семьянина, патриота до мозга костей. Этот человеческий тип должны формировать семья, церковь, школа, вузы, писательские и творческие сообщества, все средства массовой информации. Только такой — нацеленной на победу! — должна быть наша государственная идеология, только при этом условии мы выстоим и победим.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

У КРОМКИ ВРАЖЬЕГО ОГНЯ

* * *

России дух вовек не источится,
Как тысячу, как десять лет назад...
Бескровные, родные вижу лица
Погибших за неё солдат.

Отчизна — суть извечных упований
Героев Бреста, Ясс, Бородина.
России сердце — это поле брани.
С победой не кончается война...

И наши православные границы
Тьма одолеть пытается опять.
России дух вовек не источится,
Пока на Бога будем уповать,

Покуда в горний край Господни слуги
Возносят, утешая, души тех,
Кто отдал их за веру и за други,
И русских душ пред Богом больше всех.

НАША ИДЕЯ

Как бы нам петь Божьи песни и растить
на наших полях Божьи цветы...

Иван Ильин

От мысли неуёмной холодею:
Увижу ли при жизни наконец —

Сияет всенародная идея,
Как Царский над Россией венец.
В ней ярче и дороже всех алмазов —
Любовь к Отчизне на века веков,
А вместо изумрудов и топазов —
Простая мудрость русских мужиков:
Достойным братом будь единовецу,
А иноверца зря не обижай,
Врагам — огонь оружия и сердца,
Но первым не стреляй, не угрожай.
Родного не кляни чужим в угоду,
А гостю — добрый с солью каравай,
Но созерцанья тихого свободу
Ни за какой посул не отдавай.
Не предавайся мании величья,
Но и смиренья знай пределы ты,
Укореняй духовные обычаи
Да Божьи на полях расти цветы.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Су-24, Су-25, Су-30

Есть журавли, есть аисты... Есть «Сушки»:
Меж крыл железных — русские сердца.
Что «голубь мира»? — вышивка подушки.
А эти! — прорезают небеса
Как ласточки, внимательны как совы,
Всесильны как двуглавые орлы.
Они — границ Отечества засовы
И актуальной истины послы.
Да, кажется, звучит смешно, нелепо:
Бомбардировщик милостью небес.
Но зло испепеляет он в Алеппо,
Освобождает в Маалюле крест.
Жгут варвары святилища Пальмиры —
Он за святыни возглавляет бой.
Над Балтикою натовские игры:
Здесь — истребитель на передовой.
Оружием любви «Су» светокрылый,
Взял небо под контроль не огневой.
Там беззакония бессильны силы,
Где долг на страже истины святой.

* * *

Когда печально вспоминала мать,
Как зверски хамы храмы разорjali,
Казалось мне — за белых воевать
Пошла бы я сумняшеся едва ли.

Когда по Пискарёвскому хожу
И слышу эхо собственного шага,
В мечтах я в Красной Армии служу
И с ней иду упорно до Рейхстага.

Дробится сердце, как в листве заря.
Лишь целому ему бороться стихии,
Постигшему, что служат не царям,
А Божией избраннице — России.

ЦВЕТА ОТЕЧЕСТВА

*В память об о. Стефане Щербаковском,
в бою при Тюренчене крестом поднявшем
в победную атаку батальон*

Хорошо порубали — и справа и слева, со вкусом,
Хорошо постреляли — по гневным сердцам напрямик.
И теперь по лугам, по российским степным буеракам
Много белых ромашек и множество красных гвоздик.

Николай Рачков

Народные бунты, бедняцкие смыслы —
Лишь часть вечной правды Руси.
Ведь были герои в мундирах лучистых,
Кто тяготы чести носил
И бремя служения мыслил как благо,
Кто духа богатства стяжал,
Наперстным крестом с офицерской отвагой
В атаку отряд поднимал.
А кто-то возносил жемчуга-украшенья
Для фронта, в победу Руси,
Иль кротко, в лилейном с крестом облаченье
Из боя солдат выносил,
Не веря, что может погибнуть Россия.
Доверившись вере чужой,
Пошли друг на друга две русские силы
Наветом, враждой и войной.

Злы белые были. Их красные били.
Крестьяне по-чёрному жгли
Усадьбы, наследников древних фамилий
С отеческой гнали земли.
Имение Пушкиных, Врангелей замок —
Не вражий солдат разорил.
На пастырей — паствы обрушился амок
Казнящий. И на алтари...
Сословья и ныне как будто зубцами
Сцепляются. Смутен витраж
Истории нашей. Двумя лишь цветами
Накал ее не передашь.
И только во храме в Господнее Лето
Созвучны цвета в источении Света.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

...и спаси, Блаже, души наша...
Молитва

Незримое вершится зримо:
Флот расчехлил победный флаг,
Примером воссиял Нахимов —
Преемства бронзовый маяк.

Тучнеет русских смыслов нива,
Ведь стужа лютая прошла.
Мужают смело, горделиво
Птенцы двуглавого орла.

Им выси нынешние низки,
Мечтают взмыть за Солнце, за...
Кресты, надгробья, обелиски
С землей сшивают небеса.

Как искупительная Чаша
Чернеет море средь камней,
Похожее на «души наша»
В извечной цельности своей.

И севастопольские дети
Мелками пишут на стенах
В числе единственном, заметьте:
«А Крым и Севастополь наш!»

ЖЕНЩИНА ПО ИМЕНИ ВОЙНА

Женам офицеров

Тучи друг за другом, словно ночи,
Глубже неба сердца глубина.
Я тебя ревную очень-очень
К женщине по имени Война.

Обовьет дымами и окрутит
Лентами простреленных дорог,
Раненого бросит на распутье...
Как ты мог уйти с ней?! Как ты мог?!

Обещала лёгкую победу,
Но дает посмертно ордена.
За тобой, родной, пойду по следу
Женщины по имени Война.

ПОДВИГ

Зловещи кавказские кряжи,
Где мы за Россию стоим,
Костью за Отечество ляжем...
Но подвиг бывает иным.
И может годами он длиться
Для тех, кто стяжал благодать
С молитвой Иисусовой слиться,
Постами духовно взрастать.
Он может судьбой измеряться,
Когда по ступеням цифирь
Учёный дерзает подняться
Туда, где рождался наш мир...
А может продлиться мгновенья,
Когда у подножья зари
Художник, горя вдохновеньем,
Мир в образах новых творит...

СМЕРТНИКИ

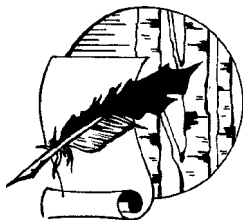
В душе моей плещется горе,
Мне снится и снится война.
Морпехи выходят из моря:

Шеренга ровна и черна.
Бушлаты ветрами продуты,
Накатывается «Ура-а-а!»
Возмездья волной на редуты,
На вражие бруствера.
На лоб — бескозырки, фуражки,
Надежней железной брони
В бою защищают тельняшки,
Да Бог милосердно хранит.
Спасительна Божия милость
И к тем, кто остался в живых,
И к тем, кто не спас головы,
Но Вечность кому покорилась.

ОПОЛЧЕНИЕ

В войне извечной, мировой
Я — ополченец, рядовой,
Один из множества солдат.
Нет, мне не нужен автомат.
Вооружусь, идя на бой,
Своей бессмертной душой.
Дано мне только в ней нести
Стон покаянного «Прости»
И радость неземных небес.
Щитом нательный станет крест.
У кромки вражьего огня
Обгонят слабую меня
Те, кто смиренней, кто честней,
Кто в вере крепок так своей,
Что в пламени неповредим...
Сим Ополченьем — победим!

г. Санкт-Петербург

Виктор МОСТОВОЙ

ЛАДОНЬ ДОНБАССА

* * *

Мне шахту не судить бы строго,
Умерив беспокойства пыл.
Но лёгкие в её чертогах
Я пылью угольной забил.

От сквозняков тех бесноватых
Порой так скрутит, что Бог весть,
Какие выпалишь слова ты,
Когда тебе ни встать, ни сесть.

Томительна жара дневная,
Но после бани — не беда!
С волос, прохладой обдавая,
Стекает струйками вода.

Я расстегну свою рубашку.
Как дышится легко, свежо!
Подсолнух рыжую мордашку
Подставил солнцу — хорошо!

Мозолиста ладонь Донбасса.
Характер крут, но что с того!
Как ни было б, но жизни трасса
Всё ж пролегла через него.

* * *

Мне память будоражит
Неброской красотой
Тот небольшой овражек,
Где буйный травостой,

И где ручей лопочет,
Струясь из родника,
И где кудрявый хлопчик
Спугнёт шмеля с цветка,

Где птиц шальная скорость,
С подсолнуха пыльца,
Где материнский голос
Зовёт домой мальчика.

* * *

Памяти Николая Рубцова

В тех полях, где запах донника
И ромашковый наряд,
Вижу путника-бездомника
И его тревожный взгляд.

Он идёт, душа волнуется,
Беспокойно дышит грудь.
То гроза всю беснуется,
То заря согреет путь.

Он, любивший жизнь просторную
Вдалеке от шумных трасс,
Так Москву первопрестольную
Своей лирою потряс!

И ушёл... Куда — неведомо.
Птицы вслед ему летят,
И цветы, цветы так преданно
В его сторону глядят.

* * *

Костёр веков раздую,
И озарится мгла.
Ужалит даль степную
Монгольская стрела.

Споткнётся конь, а русич
Качнётся чуть в седле
И волос светло-русый
Рассыплет в ковыле.

И горе хищной птицей
Над степью кружит вновь,
И Русь с ордою биться
Зовёт своих сынов.

* * *

Знаешь, печалиться брось ты,
А окунись с головой
В сырости запах острый,
В нежность фиалки лесной.

Там, в гущине непролазной,
Яблони дикой цвет
Мягко, светло и прекрасно
Твой засыпает след.

А в луговом цветенье
Ветер играет легко,
Радужный шлейф сирени
Тянется далеко.

Радостно,пряно и дико.
Ляжешь в цветы и траву —
Бьётся сердечко тихо
У родника во рву.

* * *

Мы стали невозможными,
Мы слишком злыми стали —
Ограждены таможнями
И сжаты блокпостами.

Стоим средь мглистой роздыми
С холодными глазами —
Загружены погостами
И сдавлены крестами...

* * *

Метель девятым валом бушевала
И снежным вихрем скручивала лес,
Обрушивалась бешеным обвалом
На сосны, на людей, на город весь.

И ветры в трубы выюжные трубили,
И хлопьями вращался снежный гул,
И рвались сквозь метель автомобили,
И люди пробивались сквозь пургу..

* * *

Я в лес, как в музыку, входил,
Бродил по тропам, как по нотам.
И лес один, и я один —
Мы песенным полны полётом.

Той песни солнечный мотив
Переливался в хвойных лапах.
Я в лес, как в музыку, входил,
Мелодии вдыхая запах.

г. Стаханов, ЛНР

Андрей АНТОНОВ,
адвокат

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: БЛАГО ИЛИ УТОПИЯ?

На прошедшем 31 октября в Астрахани заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ обсуждалась стратегия национального согласия. Прозвучали и предложения — о создании федерального органа, подготовке «профильных специалистов», отвечающих за адаптацию мигрантов, о разработке госпрограммы по переселению россиян из «трудоизбыточных регионов в труднедостаточные регионы» (предложение внесено главой российского конгресса народов Кавказа Асламбеком Паскачевым). Глава Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов отметил, что мигрантов в России сегодня почти 10 млн. человек. Академик Валерий Тишков предложил включить этнологов и антропологов в перечень профессий и создать центры подготовки специалистов в этой области.

Но основная новация Совета, её автором стал завкафедрой Российской академии народного хозяйства и госслужбы Вячеслав Михайлов, — «идти от стратегии к федеральному закону», который должен вобрать в себя все вопросы, связанные с межнациональ-

РУССКИЙ МИР

ми отношениями. Он предложил и название закона — «О российской нации и управлении межэтническими отношениями».

И хотя президент эту идею поддержал, он всё же отметил, что ключевая роль общественного и духовного единства народа состоит в осознания того, что Россия — это единая страна, у людей общие ценности и традиции, великая русская культура и язык.

В свете этих, на мой взгляд, скоропалительных и даже сомнительных предложений хотелось бы высказать некоторые соображения, заглянув при этом в совсем недалёкое прошлое. Вместо логичного укрепления общегражданской идентичности «Россия — наша Родина. Мы все — граждане России» нам предлагается законом по команде объединяться в единую нацию. Но всемирная история не знает таких прецедентов, когда в стране с многотысячелетней историей (официальная истории пока говорит, правда, о тысячелетии России) по закону создавалась общегосударственная нация. Тем более, есть государствообразующий народ — русский народ. Именно так русских обоснованно называет Владимир Путин. Ведь русские объединили другие народы России.

Нации, народы создаются, выковываются столетиями. А тут — издали закон, и все мы вдруг стали представителями российской нации. Несерьёзно, тем более для мировой державы. Во многих странах мира, имеющих длительную историю и создававшихся путём объединения территорий титульной нацией, проживают, как правило, представители разных этносов. Это практически все страны Европы и Азии. Кто-нибудь слышал о законах по созданию общеполгарской, общегерманской, общеиндийской или общешвейцарской нации?

Кстати, в Швейцарии три официальных языка — немецкий, французский и итальянский, и живут вместе представители разных народов без каких-либо надуманных законов. Просто проводится разумная внутренняя политика, обеспечивается достойное социальное обеспечение. Не буду идеализировать местную бюрократию. Но там чиновники ответственны перед согражданами. Что мешает российским чиновникам ответственно работать во благо населения, а не обслуживать прежде всего олигархат? А о народе думать по остаточному принципу.

Существует и американская модель создания государства, когда уничтожается основная часть коренного населения и страна заселяется мигрантами. Думается, нас пытаются загнать в «американские» рамки. Но у нас совсем разные пути

развития. Россия, Русь с её государствообразующим народом существует несколько тысяч лет, а США как государству с современным американским народом менее 250 лет.

Складывается парадоксальная ситуация. В последние годы у нас чиновники, политологи, СМИ постоянно критикуют, а то и хаот действия властей США на международной и внутренней арене. Усиливается противостояние Россия—США. И в то же время те же российские чиновники пытаются строить национальную политику по американскому образцу. Где логика? Зачем президенту вкладывают в голову заведомо провальную идею?

Российские новостные радио- и телепередачи забиты информацией о притоках беженцев в страны ЕС, бесчинствах мигрантов, о том, что они не поддаются ассимиляции и не уважают местные порядки. «Более 990 тысяч мигрантов и беженцев добрались до Европы сушей и морем в 2015 году», — говорится в отчете Международной организации по миграции (МОМ). Обратите внимание — 1 млн. беженцев на 508 млн. жителей стран ЕС. В 2016 году ещё 1 млн. мигрантов. Итого — 2 млн. мигрантов на 508 млн. населения ЕС.

У нас, как писалось выше, 10 млн. мигрантов на 148 млн. жителей России. Таким образом, на тысячу коренных жителей в России приходится мигрантов в 17 раз больше, чем в странах ЕС. Так почему, резко критикуя Европу, у нас планируют «заботиться» о мигрантах, создавать службы по их адаптации и пр.? Не лучше ли планируемые на это средства пустить на помощь коренному населению, на постройку детских домов, жилья и ограничить приток мигрантов в страну? Добропорядочным гражданам мигранты не нужны. Эта дешёвая рабсила нужна лишь олигархам и крупным бизнесменам. Но поскольку государство есть аппарат, отстаивающий интересы господствующего класса, то интересы простого народа в нашей стране на третьем плане.

Как юрист с большим стажем работы, полагаю, что стоит обратиться и к Конституции страны, статья 3 которой гласит, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». А в статье 69 Основного закона записано: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». То есть в Конституции говорится о многих нациях и малочисленных народах, населяющих Россию, и понятие «российская нация» в ней отсутствует.

Предлагаемый закон «О российской нации» будет изначально являться антиконституционным. Стоит учесть, что фактически Конституция, не говоря прямо, определяет русский народ, как государствообразующий. Ибо согласно основному закону страны русский язык является государственным языком на всей территории РФ. А если язык народа является государственным на всей территории страны, то это определяет и статус русского народа как создателя языка и страны, как образовавшего государство Российское. Но что же получится с принятием предлагаемого закона? В стране единая нация — российская, а государственный язык — русский. Не напоминает ли это театр абсурда?

Инициаторы закона, возможно, затем предложат изменить Конституцию, т.е. убрать из неё понятия «многонациональный народ» и «малочисленные народы». Но как быть с заменой в Конституции русского языка? Ведь языка «русского» не существует. Что, просто обяжут новым законом «русский язык» называть «русским»? А как быть с Русской Православной Церковью? Её тоже предложат переименовать в российскую?

Здесь хотелось бы вспомнить новации совсем недавнего прошлого. В конце 2010 года прошла перепись населения РФ. В этих целях Росстатом 27 января 2010 года был издан приказ № 74, которым утверждены перечни возможных ответов граждан по вопросам их национальной принадлежности и владения языками. Данные перечни составлялись московским Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, директор которого — уже упомянутый академик Валерий Тишков.

Институт является ведущим российским учреждением в области этнологии и антропологии. И вчитываясь в составленные им «перечни», понимаешь, что полученные знания в школе и в вузе меркнут по сравнению с суперсовременными знаниями авангардистов этноантропологической мысли. Возможно, эти документы ещё хранятся на сайте «перепись 2010».

В приложении №1 указаны все имеющиеся в стране, по мнению «ведущего института», национальности. Каждой национальности соответствует свой код. Таких кодов, т.е. национальностей, около 1750.

Представленная национальная палитра поражает: «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещёные» (код 222), «крещёны» (820), «крещенцы» (232), «староверы» (264), «мамоны», «фараоны». Кроме «папуасов» и народа «хули» есть ещё и «папуасы хули», очень актуальный, видимо, для России народ. Кроме «украинцев», есть «хохлы».

Есть ранее неизвестные национальности — «гражданин земли» (452), «гражданин мира» (453), «жители вселенной», «земляне», «иностранцы», «советские», «интернационалисты», «космополиты», «мулаты», «метисы», «полукровки». Разнообразен перечень афронациональностей — «афро», «афроамериканец» (как же без них в России?), «афроросиянин». Есть 9 национальностей болгар. Например, волжские и волжеские. Есть народы «бангладешы» (441) и «бангладешцы» (569).

Есть «беларусы» (80) и «белорусы» (11). Вводится разнообразие среди русских — «руснаки» (1466), «русняки» (1467), «русские» (2), «русские казаки» (186), «русские немцы» (137), «русские поморы» (190), «русскоустыинцы» (328), «русско-устыинцы» (908), «ведороссы» (741), «ведо-россы» (740), «ведруссы» (742), «великороссы» (180), «кацапы» (1163), просто «витебские» (1202). Адыгейский народ разбит на 13 национальностей, марийцы на 10 — «мари», «марийцы луговые», «марийцы лесные», «марийцы горные» и т.п. Литовцы представлены 7 составляющими.

Приложение-перечень №2 — о владении языками. Каждый язык имеет свой код, кодов всего 770. На многих языках, оказывается, говорят татары. Существуют, по мнению работников Института, «крымскотатарский» (146), «крымско-татарский» (147), «сиби́ро-татарский» (413), «сибирско-татарский» (415), «татарско-юртовский» (174), языки «татар юртовских» (173), «юртовских татар» (176), «сибирских татар» (414). Список можно продолжить. Многочисленные марийцы имеют — «горномарийский» (90), «горный марийский» (107), «марийский горный» (108) и ещё несколько языков.

А для «белорусов» и «беларусов» предусмотрен только один язык — «белорусский» (13), для обильной палитры болгар и литовцев тоже по одному — «болгарский» (95) и «литовский» (84). Здесь ощущается какая-то дискриминация.

Имеются в перечне — «люксембургский» (691) и «люксембургский» (692) языки. Не обидели граждан России, для которых родными являются «малазийский» (635) и «малайзийский» (634) языки. Учёные пришли к выводу, что одинаковыми оказались «таджико-еврейский» и «таджикско-еврейский» языки, имеющие одинаковый код — 299. Правда есть ещё язык «таджикский» (44). Нашлось место языку «российскому» (198). Вот он — основа единой «российской нации».

Выявлено около 15 языков жестов: «язык жестовой», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык

русский глухих», «язык российский жестовый» и т.п. Как вам, уважаемые читатели, такие пассажи? Кстати, эти разработки проводились представителями науки на деньги налогоплательщиков, т.е. на наши деньги. И этот Институт должен стать, видимо, с подачи академика Тишкова кузницей кадров российских этнологов и антропологов. Вот накуёт, потом не расхлебашь.

Полагаю, что определённые силы не устраивали итоги переписи населения 2002 года, по которым государствообразующая нация — русские (великорусы, белорусы, малорусы) составили 85% населения страны. Только русских-великорусов 80%. Вот и решили провести новую перепись в 2010 году и раздробить русский народ, чтобы сделать Россию более похожей на многонациональное государство. А заодно раздробили и иные национальности — татар, литовцев, мариЙцев и других. Принцип «разделяй и властвуй» известен с древнейших времён.

Перепись-2010 должна была выполнить, полагаю, по планам «пятой колонны» главную задачу — раздробить русский народ. Ведь именно русские сплывают все регионы страны. Не хочу обидеть представителей иных народов, но прежде всего на русских держится экономическая и военная мощь державы.

План дробления не прошёл. По итогам переписи-2010 русскими признали себя 81% жителей России. А с белорусами и малорусами-украинцами получилось 83%. Согласно международной практике моноэтническим (мононациональным) государством считается государство, 2/3 или более населения которого принадлежит к одному этносу. О чём, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации «Дом свободы» (основана в 1941 году) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратницки. Но, осознавая государствообразующую роль русских, мы понимаем необходимость межнационального согласия. И дай Бог, чтобы оно было в России.

И вот теперь руководимая Западом «пятая колонна», видимо, решила зайти с другой стороны: попытаться растворить, затушевать русскую идентичность в общенациональном котле с названием «российская нация». И выдвинула под благими намерениями эту идею, которую, к сожалению, поддержали некоторые российские руководители.

Стоит отметить, что от силы, стойкости и сплочённости русского народа зависит безопасность и существование высоких и не очень высоких руководителей России. Раздробят или растворят русских — не будет России. Тогда некоторые

российские лидеры даже до Гааги, думаю, не доедут. Пример Хусейна и Каддафи памятен всем.

Термин «россияне» часто звучал из уст Бориса Ельцина. Но уже к концу правления этого разрушителя его громогласное «россияне» стало всех утомлять. Обращение Владимира Путина к соотечественникам с первых лет президентства было иным и более приемлемым — «уважаемые граждане России».

В январе 2012 года вышла его статья «Россия: национальный вопрос», где указывалось: *«Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой—чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».*

Стоит привести слова упомянутого президентом Ф.М. Достоевского: «Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества». И она — основа общегражданского согласия. Это и должно быть основополагающим вектором российской национальной политики.

В 2016 году президент заявил: *«У нас нет и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо».* Действительно, патриотизм, сплочение русских татар, русских башкир и других народов вокруг государствообразующего народа, объединение русской культурой, языком, «всемирной отзывчивостью» с сохранением своей национальной идентичности — разве это не основа национальной стратегии страны?

Именно такое эволюционное развитие России, думается, более перспективно, нежели революция в межнациональных отношениях, как можно рассматривать принятие и реализацию закона «О российской нации».

Хочется верить, что патриотическая общественность еще скажет об этом свое веское слово.

г. Санкт-Петербург

РОЛЬ РУССКОГО НАРОДА ПОДМЕНЯТЬ НЕЛЬЗЯ

Экс-министр по делам национальностей В. Михайлов на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани выдвинул идею подготовки и принятия Федерального закона о российской нации в этническом смысле. Самого законопроекта пока нет, но есть соображения автора, проливающие некоторый свет на его замысел. *«Российская нация» — это термин не гражданско-политический, а этнический. Собственно, это должно быть зафиксировано на конституционном уровне... Крайне важно, чтобы в нём фигурировало понятие «этнос», не позволяющее оторвать российскую нацию как гражданскую от нации этнической. Таким образом мы замыкаем единство гражданско-политической и этнической наций»,* — категорично утверждает В. Михайлов. Этот тезис — не случайное замечание, а подчёркивается им несколько раз. Итак, точки над «i» расставлены, речь идёт не просто о гражданско-политической нации («согражданстве»), а о собственно этнической нации. То есть российской нации, вместо русской нации и остальных народов.

Как отмечает В. Михайлов, смысл задачи состоит в выведении термина «российская нация» на законодательный уровень, поскольку до этого она присутствовала только в указах президента. То есть статус проекта «российской нации» и ставки в этой семантической игре заметно повышаются.

Идею подготовки закона поддержал президент В. Путин, а руководитель ФАДН И. Баринов принял к реализации. Так что все основания воспринимать эту информацию серьёзно, в том числе и задачу этнического конструирования, сформулированную В. Михайловым, который называет себя руководителем рабочей группы по подготовке законопроекта. Она говорит о том, что начатые в 1990-е годы эксперименты с российской нацией будут продолжены, особенно в приближающийся 2017-й год — «год единства российской нации». Но

времена такие, что руководство России решило сделать ставку на усиление национального единства, а не на поощрение разнообразия, сепаратизма и этнокриминала и замещающую русское население азиатскую миграцию.

Между тем, все мы знаем, что на повестке дня в развитии национально-государственного устройства нынешней России много лет стоит вопрос о закреплении государствообразующей роли русской нации и русского народа на всей территории РФ — в Конституции и федеральных законах, а также о выведении русских из законодательной тени, поскольку они нигде не присутствуют, а вместо них значится формулировка «многонациональный народ». Напомним, что государственная роль других народов, помимо русского, закреплена в законах их титульных субъектов федерации.

Попытка совместить несовместимое в законотворчестве ничем хорошим не заканчивается: хорошо, если вообще ничем. Единство нации и этноспецифика — вещи противоположные, как показывает в том числе и опыт зарубежный — Евросоюза, и российский — суверенизации регионов в 1990-е. Должна быть какая-то опора, из которой строится всё остальное, и в национально-государственной политике тоже. Обозначенный В. Михайловым подход игнорирует необходимую в законотворчестве формальную логику, устанавливающую непротиворечивые смыслы и значения этнического и политического понятий для российской нации и других наций и народов. Предлагаемое название закона - «О российской нации и управлении межнациональными (межэтническими) отношениями». То есть предполагается, что внутри этнической нации будут другие этносы, отношения между которыми будут объектом управления. Получается, по В. Михайлову, что нация — не этнос, раз внутри её есть другие этносы, вступающие в отношения, но при этом она нация этническая, а не гражданская. *«Формулировку «многонациональный народ» необходимо уточнить: за ней стоит этнический народ Российской Федерации, множество этносов, а не гражданская нация»,* — пишет В. Михайлов. Этническая нация одна, народ один, но при этом она многонациональна и включает множество этносов, то есть народов. При этом она же не рассматривается как гражданская, то есть нельзя вынести значение термина «нация» в другую сферу. Как это всё прикажете понимать?..

Интересно, как эта попытка закрепления в Федеральном законе одной российской этнической нации вяжется с таким незыблемым столпом, как многонациональность? Как это вяжется с существованием русской нации, давно признанной в научных и государственных документах Российс-

кой империи и СССР? В то время, как о российской нации до 1991 года никто не слышал, как, например, до второй половины XIX века никто не слышал об «украинском народе».

Закон исключённого третьего никто не отменял. Народ — либо самостоятельный этнос, которой в другой этнос не входит, либо — субэтнос, внутренняя часть другого этноса, например, нации. Если мы говорим о народе, входящем в этническую нацию, то это уже — субэтнос этой нации, то есть остаточная, частично ассимилированная этническая общность, обладающая некоторым этническим своеобразием и историей, но уже не существующий вне рамок этнической нации, в которую он входит. Это если дружить с логикой. В этом смысле может быть многонациональность как некое этническое своеобразие. Но если народ сохранился в преобладающей степени как отдельный этнос, то он находится за рамками этнической нации, хотя бы по большей части своего состава, который не ассимилировался. Кем он ассимилируется? Мифическими «россиянами»?..

В книге «Русская нация. Современный портрет» мы произвели соответствующий анализ и подсчёты. 19% населения РФ, которые не отнесли себя к русским (подразумевалось, к «великороссам»), разделились примерно поровну. 10% россиян — этносы и этногруппы, которые стали субэтносами русских, утратили этническую самостоятельность. Большинство из них, или почти все, говорят дома на русском, русский язык для них родной. Они подходят под то понимание, которое, вероятно, имелось в виду В. Михайловым. Это постоянно живущие в России украинцы, белорусы, финно-угорские народы, чуваша, немцы, евреи, греки, болгары и представители некоторых других народов. 90% граждан России составляет русский народ, или этнокультурное большинство России. В том числе 80% по переписи русские или великороссы, и ещё 10% граждан России ассимилированные народы и этнические группы, родным языком которых является русский.

Но ещё 10% граждан РФ, — представители народов России, сохранившие свою этническую самостоятельность, живущие вне русской нации, в том числе и компактно на своих исторических территориях в титульных субъектах Федерации, где они составляют большинство или половину. Цифра в 10% россиян, не относящихся к русской нации, подтверждается и другими данными. Например, в России 10% общеобразовательных школ, в которых преподавание ведётся не на русском языке, а на языке другой национальности.

Проблема в рассуждениях В. Михайлова — не в досадной логической ошибке, которую всегда можно списать на слу-

чайность, а в том, что подмена национального и гражданского в контексте законопроекта о российской нации является отнюдь не случайной и более того — вынужденной. Если этнический смысл нации в законопроекте уходит, то теряется его значение для всего комплекса национальной политики. Если же понадобилось маскировать этнический смысл концепта российской нации, как это делалось в предыдущие 25 лет, то игра с принятием закона не стоит свеч. Именно поэтому у В. Михайлова, обращаю внимание, трижды подчеркнуто: российская нация — это народ, этнос, этнический народ и даже не какой-то там «советский народ».

Если говорить по существу, речь идёт о замене этнонима «русские» или, по крайней мере, о внедрении в публичный оборот параллельного этнонима «россияне». Если отбросить околичности и странные противоречивые (абсурдные, выражаясь языком логики) конструкции, то все мы понимаем, что в России, говоря о российской нации, речь идёт только об одной нации, — о русской нации. Другие народы — это по своему этнологическому типу народности или этногруппы диаспорного типа. Кого мы хотим обмануть? Эти народы, их национально мыслящий костяк, прекрасно понимают, о чём идёт речь, и они будут сохранять свой этноним до последнего, считая себя россиянами только по гражданству. Для чего это делается? Чтобы русские забыли, что они русские, и назывались россиянами, наподобие американцев? Тоже вряд ли. Размышляя над реальными последствиями замены этнонима «русские», я всё же полагаю, что речь идёт о двух специфических группах.

Первая группа — это элита, управляющая богатствами страны и поведением России в мире, которая как раз должна будет дистанцироваться от массы населения в особую полиэтничную группу «россиян» с преобладанием русскости, во всяком случае на уровне её этнического самосознания. Они ни в коей мере не должны ассоциировать себя с другими, традиционными народами России, по крайней мере, в первую очередь. Пока этот процесс осуществился лишь частично. Таково вероятное последствие законопроекта внутри России — очень важное с точки зрения власти.

Вторая группа, более обездоленная, — русские за границами современной Российской Федерации, которые носят название «украинцы», «белорусы», даже «русские» и т.д., но фактически принадлежат к русской нации. Не все, конечно, белорусы — большинство, украинцы — до половины состава. Внедрение этнонима «россияне» в этническом смысле автоматически приведёт их и их детей к отрыву от русской

нации и России и от «российской нации» навсегда. Разве что кроме жидкого слоя «соотечественников». Будет работать автоматический механизм по разъединению и сокращению русских. Такие цели могут преследовать только враги русский нации. Не хочется верить, но простейший анализ подсказывает, что это так. Впрочем, для успокоения, В. Михайлов пишет: «Цель нашего законопроекта — русская нация и её объединение». Из чего это следует? Из того, что принадлежащие к русской нации по сумме признаков, украинцы и белорусы, оказываются уже и не русскими и не «россиянами»? А русские внутри России получают другое название. Это — доведение до логического конца того дела по фрагментации русского народа, которое начали большевики и продолжили агенты Запада на «постсоветском пространстве» с развалом СССР. Признавая до поры до времени последствия государственного переворота 1991 года и распада СССР де юре (но де факто!), мы вовсе не обязаны переделывать все названия и народы под усечённый и разделённый вариант государства, каковым является РФ.

Но, как показывают события «русской весны», в особенности в Крыму и на Донбассе, когда русские с той и с другой стороны российско-украинской границы показали готовность бороться за единство русской нации, русская нация сегодня отнюдь не является аморфной общностью, которую надо срочно оформлять в россиян. Наоборот, речь идёт о преодолении слишком тесных рамок нынешней РФ с особенностями её устройства. Их голос, голос десятков и сотен тысяч должен быть услышан авторами и, главное, кураторами законопроекта.

Не углубляясь в биографию руководителя рабочей группы, отметим, чтостораживают некоторые более ранние высказывания В. Михайлова, например, в интервью от 7 февраля 2007 года, так и озаглавленном: «Слово «русский» звучит у нас только в негативном плане». Что значит «русский» в кавычках и почему «только в негативном»? Разве 90% граждан России говорят о себе только плохо? Или имеется в виду язык публичной сферы? Всё равно более чем спорное утверждение. Да, русофобии много в российских СМИ, но она не преобладает. Или, может, таким вот образом автор решил навсегда избавиться от негативной нагрузки в слове «русский»?..

Можно ли вообще обойтись без введения в законы «российской нации»? Я думаю, что да. Мы обходились без этого, даже когда хотели усилить единство россиян. Но коль скоро на это нацелились, речь может идти только о гражданской

нации, а не об этнической, если мы не хотим превращать национально-государственное устройство РФ в абсурд. Реальная же этническая нация может быть названа только русским народом. Если же кто-то очень рьяно желает исполнить пожелание президента об усилении единства граждан России, в том числе этнического, то нужно сделать так, чтобы оно реально усилилось, а не создавать симуляцию, под покровом которой будет тлеть межнациональная рознь, и не вторгаться в область идентичности других народов, прежде всего народа, который служит опорой всей конструкции. Сфера же усиления единства — гражданская, политическая, правовая, экономическая, культурная, историческая, религиозная. При этом законодательное закрепление роли русского народа и русского языка как раз и приведёт к усилению объединения и не будет поощрять проявления этносепаратизма.

Идеальной моделью российской гражданской нации была бы следующая схема: большая русская нация, включающая всех желающих быть русскими, плюс национальные меньшинства, сохраняющие самостоятельность. Именно на этом честном и открытом диалоге этнокультурного большинства и нацменьшинств должна строиться российская государственность, а не на попытках перетасовать карты и смешать странный коктейль в виде самопротиворечивой политико-правовой и медийной настройки: многонациональности и одной этнической нации. Россия никогда не была «плавильным котлом» народов; да и вряд ли где-то в мире концепция «нации — плавильного котла» была в полной мере реализована. Зато в России есть исторический опыт гражданского общежития народов при руководящей роли русского народа, на который и следует опираться.

Российские власти вроде начали делать в сфере национальной политики важные полезные вещи. 6 июня 2016 года мэр Москвы С.Собянин после длительной проработки подписал Стратегию государственной национальной политики города Москвы на период до 2025 года. Она содержит ряд инноваций, направленных на укрепление национального единства, в частности, понятие «этнокультурного большинства», под которым подразумеваются русские — более 90% всех москвичей. Почему бы и на федеральном уровне не принять и соответствующий рамочный закон, закрепляющий права большинства и меньшинств? Ведь законы о меньшинствах есть — например, о коренных малочисленных народах Севера.

Обращаясь к решительным противникам концепции российской нации (так называемого «россиянства»), видящим в ней угрозу будущему русского народа и не желающим уча-

ствовать в не вполне понятном этническом эксперименте, хотелось бы указать на две вещи. Во-первых, отвергая единство россиян на русской основе, мы усложняем процесс завершения формирования русской нации внутри РФ для тех нацменьшинств и их подгрупп, которые бы хотели в неё интегрироваться. А те, которые не хотят, их и не надо принуждать, достаточно, чтобы они освоили общее гражданское поле и научились в нём мирно жить, чего тоже приходится добиваться силой государственного принуждения. Во-вторых, оппоненты втягивают нас в деструктивную полемику не по сути, а из-за терминов: в доказательство очевидного, то есть русской нации, и опровержению искусственного конструкта российской нации, за которым на 90% внутри РФ стоит та же самая русская нация. Этот довольно изощрённый трюк представляет собой ловушку для провоцирования носителей русского самосознания и представления их поведения как абсурдного и маргинального, то есть отвергающего российское единство во имя самой же русской идентичности, которая тут же начинает окрашиваться в странные тона. Поэтому логичнее направить усилия на законодательное признание русского народа, а не на опровержение россияинства без русского народа, хотя понятно, что законодательное закрепление россияинства без русскости этнокультурному большинству России не нужно. Альтернативы русской нации всё равно нет и не будет.

Александр ЛОБЫЗОВ

ФАКТОР РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Россия и русский мир на протяжении веков являются прямыми участниками происходящих в глобальном мире цивилизационных процессов. Как бы ни хотелось кому-то исключить Россию, русскую культуру, русскую православную веру из договорного процесса о будущем человечества, это сде-

лать невозможно, и это — наш Крест. Россия — единственное государство в мире, которое, вопреки логике и расчету своих врагов и злоумышленников, веками в одиночку противостояло крестовым походам и цивилизационным вызовам, выстояло и победило, осталось независимым и самоидентичным. Самоидентичность и способность к саморазвитию свидетельствуют о русской цивилизации как о самостоятельном цивилизационном явлении. Она остается единственным непреодолимым препятствием для архитекторов мирового порядка, пытающихся огнем и мечом установить свои законы и для достижения этой цели творящих зло через обман, подкуп и клевету. Чтобы поставить мир на колени, необходимо уничтожить духовную составляющую человеческой природы и Русский народ, а эта задача недостижимая. Нам лишь остается осознать, что не исчезнут у России ее враги никогда.

Ученые не без оснований оценивают состояние современного общества как цивилизационный кризис. Он проявляется в обострении социальных конфликтов, углублении противоречий и глобальном мировом хаосе: в политике, в экономике, в человеческом сознании. Оказавшись в «котле» искаженного общественного мировоззрения, человеческая душа неизбежно ищет ответа не только на вопрос, как спастись, но и как выжить в агрессивной враждебной среде. И хотя ответ на эти разные вопросы — один, мы как общество далеки от осознания и принятия этой единственной истины. Секулярный и циничный мир не оставляет выбора ослабшему духовно человеку.

Руководство страны пытается консолидировать население России. Однако отсутствует предмет объединения, подорвано доверие, пошатнулась вера. Вера в государство, в Россию, в русского человека, в Церковь. Надо признать, что вера в государство ныне носит в России условный характер. Эта вера сводится к доверию общества к лидеру, но не к власти как таковой. Как показала наша история, это очень неустойчивая конструкция. Обществу необходима государственная идеология, камень веры, на котором устоит российская государственность и построится новая, несокрушимая духовно Россия. И выведет нас из цивилизационного кризиса такая государственная идеология, которая объединит большинство народа

Заявление политического лидера государства об интересах России в глобальном мире нашло поддержку в обществе. Но для защиты своих национальных интересов необходимо их сформулировать. Видимо, пришло время и обществу осоз-

нать, что в России проживает *русскоязычное* население, которое в мире именуется как русские. Так, кстати, оно само себя идентифицирует и по менталитету, и по культурной традиции, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Это означает и то, что государственное устройство должно соответствовать нашему национальному самосознанию. Правовое государство в России — мираж, если оно оторвано от цивилизационных представлений общества. На примере собственной истории мы смогли убедиться, что без понимания и без учёта этого фактора государственные законы и инициативы руководства страны, даже самые полезные обществу, в России не действуют. Отсутствие государственной идеологии является принципиальной системной ошибкой, которую давно необходимо и, самое главное, рано или поздно **придётся** исправлять.

Государственность, т.е. тип государства и политическая организация общества в совокупности с национальной правовой системой, системой организации органов власти, обусловлена в России православной историей, традициями и опытом государственного строительства, русской культурой и ментальностью. Доверие общества к национальному лидеру, к власти и соборность составляют фундаментальные принципы организации политической системы.

Корни крепкой и стабильной государственности заключаются в едином понимании властью, с одной стороны, и обществом, с другой, христианской нравственности и свободы; в их общем служении государству и обществу верой и правдой. Это понимание не может и должно вступать в противоречие с интересами всего общества.

Основа государства в России — духовная личность, но не индивид. Моральный кодекс как свод нравственных законов должен составлять основу государственной идеологии и базовых принципов государственного строительства. Его правовая защита — важнейшая функция государства.

К сожалению, установившаяся у нас «демократия» раскрепощает антиобщественное поведение человека. И она, как ни грустно, не стала у нас тем, что формирует гармоничные отношения, что созидает общество, способное к самоуправлению. Как мы убедились, цель «либеральной идеи» — личность, превращенная в индивида, диктатура свободы индивида и, как следствие, конфликт интересов с обществом.

Государственная идеология определяет цивилизационные угрозы, вектор развития общества, мотивацию власти, является источником политической воли и преемственности. Она позволяет определять долгосрочные стратегические цели,

подходы к решению текущих задач государственного строительства, приоритеты внутренней и внешней политики.

Цель внутренней государственной политики — устройство суверенного и самоидентичного, социально справедливого и гуманного государства на основе социально ориентированной, многоукладной экономики. Цель внешней политики — формирование нового цивилизационного пространства и построение новой архитектуры мира на основе уважения суверенных прав народов, равноправия и справедливости.

Базовый принцип внутренней национальной политики — свобода вероисповедания и веротерпимость. Формула гражданского согласия такова: от мира в душе — к согласию в обществе, терпимому восприятию иных взглядов, национальных особенностей различных народов и религий. Веротерпимость — это признак истинности убеждений, признак идейной открытости, которая не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции. «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя» — так сформулировал этот постулат общественного согласия Серафим Саровский. Русская Православная Церковь в союзе с «мусульманами Святой Руси» призвана объединить многонациональный и многоконфессиональный веротерпимый Русский мир на пути к Истине. В Истине нет противоречия, как не может быть противоречия в истинных целях и истинных смыслах государственной идеологии России.

Православие — не инструмент, а камертон власти. Власть, не слышащая этот камертон, обречена. Власть, ставящая перед собой исключительно политические цели как абсолют («власть ради власти»), для России неприемлема. Она будет отторгнута ею как искусственная, чуждая человеческой природе и законам совести.

Источник государственной идеологии России — в русской культуре, в понимании обществом своей самоидентичности, и нет других способов объединить общество и государство. Русскую культуру отличает духовность, которая достигалась верой, объединяющей человека с обществом, любовью к России. Она проникла не только в литературный язык, но и в русскую душу и в наше подсознание. Надо быть русским, чтобы понять неповторимую красоту языка Пушкина, почувствовать свою гармонию с миром, с высшей природой человека. Важным признаком самобытности русского народа были и остаются совесть, духовность и соборность. Термин «соборность» не имеет аналогов в других языках и означает свободное духовное единение людей. Соборность и духовность формировали нашу многонациональную русскую

культуру веками. Этим мы обязаны преемственности поколений и неразрывной исторической связи с прошлым, общему цивилизационному вектору развития России, сформировавшемуся благодаря Православию, благодаря природной соборной ментальности и жертвенности во имя высших смыслов, продиктованных совестью. Совесть и соборность — это те национальные черты русского общества, которые пока еще обеспечивают преемственность поколений.

Социальная разобщенность отодвинула вопросы спасения и судьбы России на второй план, но в сознании русского человека они неизбежно вернутся на свое законное место. Русская культура веками формировала духовные способности, жизненные приоритеты и смысловые ориентиры русского человека. Утрата этих смыслов равносильна для него смерти духовной и физической. Фактор русской ментальности заставляет нас рано или поздно вернуться к созидательной и духовной жизни. Так работает иммунная система России, когда жизнь наполняется истиной, верой и правдой, а значит, и смыслом.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ РЕВОЛЮЦИИ»

Александр Федорович Керенский родился в Симбирске 22 апреля 1881 года в семье директора мужской гимназии (той самой, в которой учился будущий «вождь мирового пролетариата» В.И. Ленин). Отец Керенского Федор Михайлович, имевший репутацию либерального интеллигента, был сыном бедного сельского священника, но благодаря успешной карьере на ниве народного просвещения выслужил потомственное дворянство. Мать полковничья дочь Надежда Александровна Адлер была немецко-русского происхождения. Среднее образование Александр получил в Ташкенте, куда семейство переехало в связи с назначением Ф.М. Керенского главным инспектором училищ Туркестанского края, окончив местную гимназию с золотой медалью.

«...В детстве я был глубоко религиозен, — писал Керенский в мемуарах. — ...Религия была и навсегда осталась составной частью нашей жизни. Эти ранние впечатления, образ замечательного человека, пожертвовавшего своей жизнью ради блага других и проповедовавшего лишь одно — любовь, стали источником моей юношеской веры, которая впоследствии воплотилась у меня в идею лич-

УРОКИ ИСТОРИИ

ного самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился и революционный пафос...»

«Церковь он продолжал посещать усердно, декламировал с чувством и большим успехом преимущественно патриотические стихотворения и неоднократно выступал в любительских спектаклях, проявляя недюжинный артистический талант. Так, например, он очень удачно выступил раз в роли Хлестакова. Роль эта казалась написанной как будто бы исключительно для него...» — отмечал один из его учителей. В это время Саша Керенский мечтал об артистической карьере, подписав одно из писем родным словами: «Будущий артист императорских театров».

Но, несмотря на свою артистическую натуру, после окончания гимназии Керенский поступил на историко-филологический, а затем на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил с дипломом 1-й степени (1904). В университете Керенский особой революционности не проявлял. Выступив один раз в 1901 г. с пылкой и решительной речью, он получил внушение от ректора и от отца, после чего решил сначала получить образование и лишь потом окунуться в политику. Став после окончания университета помощником адвоката, Керенский начал свое сотрудничество с либералами. Он принимал участие в распространении журнала «Освобождение» и в знаменитой «банкетной кампании», но когда разразилась революция 1905 года и градус радикализма в обществе заметно повысился, Керенский, по его же собственным словам, испытал «временное помешательство», став единомышленником террористической партии социалистов-революционеров. Осенью 1905 года Керенский стал писать для народнического бюллетеня «Буревестник», одновременно ища контактов с боевой организацией эсеров. Но в декабре того же года издание было ликвидировано властями, а на квартире Керенского был произведен обыск, ставший основанием для ареста начинающего политика (были найдены листовки «Организации вооруженного восстания» и заряженный револьвер). Однако доказать принадлежность Керенского к партии эсеров не удалось и, просидев в Крестах до апреля 1906 года, он был освобожден.

Отбыв кратковременную ссылку в Ташкенте, в августе 1906 г. А.Ф. Керенский вернулся в столицу Империи, сосредоточившись на карьере адвоката, специализирующегося на политических процессах. Самыми известными из них стали защита крестьян, разграбивших поместье балтийского барона; туркестанской организации социалистов-революционеров, террористов из «Дашнакцутюна», а также участие

Керенского в «комиссии адвокатов» по расследованию Ленского расстрела и его поддержка М. Бейлиса в ходе известного судебного процесса. Как справедливо отмечает историк И. Л. Архипов, «адвокатская карьера интересовала Керенского, прежде всего, как форма политической деятельности» и «несмотря на то, что наиболее выгодными для защитников были уголовные дела, он стремился участвовать именно в политических процессах».

В 1912 году А. Ф. Керенский, имевший к этому времени значительную популярность в левых кругах, был избран депутатом IV Государственной думы. Вступив во фракцию трудовиков (с 1915 г. ее лидер), Керенский неоднократно выступал с обличениями и критикой власти, приобретая славу одного из самых ярких левых ораторов. Октябрист С. И. Шидловский позже вспоминал: «В Государственной думе его первые дебаты показали в нем молодого, не всегда достаточно уравновешенного, но очень горячего оратора, начинавшего свои речи сравнительно спокойно, но затем, с появлением на его губах пены, способного доходить до высших степеней неистовства». Более жёсткой была характеристика, данная депутату Керенскому начальником канцелярии Госдумы Я. В. Глинкой: «Неврастеник, адвокат по профессии, он горячо произносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографистам, обрызгивая их пенящейся у рта слюною. Многие считали его кретином». Другие современники отмечали «франтоватость», «бритое актерское лицо», «неприятную улыбку» (В. Д. Набоков); «лицо узкое, бледно-белое, с узкими глазками, с ребячески оттопыренной верхней губой, странное, подвижное, всё — живое, чем-то напоминающее лицо Пьеро» (З. Н. Гиппиус); «истерически-плаксивый тон, много запальчивости и при всём этом крайнее однообразие и бедность эрудиции» (Н. П. Карабчевский); «неистовую речь Керенского, который говорит сплошь и рядом в одну секунду 44 слова» (Н. Е. Марков). И хотя, как отмечает историк В. П. Федюк, «по количеству комитетов и комиссий, в составе которых он числился, Керенский побил все думские рекорды», современники сходились в том, что этого политика мало интересовала законодательная работа, поскольку Думу он, прежде всего, рассматривал как трибуну, обращенную к народу.

С думской деятельностью совпало и вступление Керенского в масонство. В 1912 году он был принят в ложу «Великого Востока народов России», став вскоре одним из самых влиятельных представителей российского масонства (в

1916—1917 гг. был избран генеральным секретарем «Великого Востока» и членом масонского Конвента от Петрограда). *«Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу, — вспоминал Керенский. — После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непрменная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну».* В эмиграции Керенский отмечал, что надпартийность масонства позволила *«достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной степени была воплощена в жизнь Временным правительством».*

Когда началась Первая мировая война, А.Ф. Керенский оказался в числе социалистов-оборонцев, что, впрочем, не помешало ему выступить защитником депутатов-большевиков, обвиненных за свои пораженческие настроения в государственной измене. Когда думские либералы объединились в рамках Прогрессивного блока, Керенский формально не примкнул к нему, но на деле стал его явным сторонником, взаимодействовал с его лидерами и свои выступления делал в русле идеологии блока, но с характерным для трудовиков революционно-демократическим акцентом. Правда, тяжелая болезнь на время выбила его из активной политики. Перенесенную сложную и опасную по тем временам операцию по удалению почки, политик вынужден был поправлять здоровье до сентября 1916 года. Но уже в первые дни открывшейся в ноябре 1916-го очередной думской сессии он со свойственными ему страстностью и радикализмом ринулся бичевать власть, называя правительство «предателями интересов страны» и грозя «тиранией» революцией, которую открытым текстом называл «методом и единственным средством спасения государства». А за несколько дней до начала Февральской революции, 14 февраля 1917 года, Керенский с думской кафедры фактически озвучил призыв к цареубийству: *«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие изде-*

вательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы — физического их устранения». А чтобы сомнений не оставалось, депутат пояснил: *«Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима».* И несмотря на то, что, по мнению императрицы Александры Федоровны, зарвавшегося левого оратора следовало за такие слова повесить, а министр юстиции требовал привлечь его к суду, Керенский ушел от всякой ответственности. Не последнюю роль в этом сыграло явное заступничество за него со стороны председателя Думы М.В. Родзянко, исключившего крамольные слова из стенограммы и пообещавшего Керенскому, что Дума его «никогда не выдаст».

Естественно, что Февраль 1917-го 35-летний А.Ф. Керенский принял восторженно, с первых же дней став, по словам меньшевика Н.Н. Суханова, «центральной и самой яркой фигурой революции». После того как в ночь на 27 февраля думская сессия была прервана указом императора Николая II, Керенский призвал депутатов не подчиняться царской воле. В тот же день он вошел в состав сформированного думским Советом старейшин Временного комитета Государственной думы (ВКГД) и в состав Военной комиссии, руководившей действиями революционных сил против полиции. «...Керенский, не в пример большинству парламентских лидеров, испуганных и растерянных, сразу уловил конъюнктуру, — пишет его биограф И.Л. Архипов. — Он демонстрировал уверенность, инициативность, готовность общаться с многочисленными толпами солдат, направляющихся к Таврическому дворцу...» Коллега Керенского по Государственной думе октябрист С.И. Шидловский отмечал: «В первые дни революции Керенский оказался в своей тарелке, носился, повсюду произносил речи, полные добрых желаний, не различал дня от ночи, не спал, не ел и весьма быстро дошел до такого состояния, что падал в обморок...». «Он говорил решительно, властно, как бы не растерявшись... Слова и жесты были резки, отчеканены, глаза горели... Казалось, что это говорил «власть имеющий»... Он рос... Рос на качавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить», — вспоминал прогрессивный националист В.В. Шульгин.

Вступив в стремительно набиравшую популярность в обществе партию эсеров, Керенский умудрился оказаться сразу в двух органах революционной власти. Вместе с нахождением во ВКГД он являлся заместителем председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Сразу же после отречения императора от престола Керенский, несмотря на запрет

Исполкома социалистам участвовать в формирующемся Временном правительстве, принимает пост министра юстиции. Обойти запрет Керенскому позволили его ораторские способности. Своей крайне экзальтированной речью он сумел убедить Петросовет в необходимости принятия им министерского поста. Забравшись на стол, Керенский со свойственным для его исступлением и театральным пафосом призывал смотреть на него как на выразителя в новом правительстве «требований демократии»: *«Я говорю, товарищи, от всей души... из глубины сердца, и если нужно доказать это... если вы мне не доверяете... Я тут же, на ваших глазах... готов умереть»*. После этих слов, усиленных жестом, во время которого Керенский разорвал свой накрахмаленный воротник, под овации толпы он был вынесен на руках из зала заседаний и в таком виде доставлен в кабинет, где заседали новоиспеченные министры. Как вспоминал эсер М.В. Вишняк, «бледный, изможденный и не только курсистками «обожаемый» Керенский производил огромное впечатление на аудиторию самым своим видом безотносительно к тому, что говорил. В конце концов он повторял самого себя. Но его напряжение и возбуждение передавалось слушателям, и они переживали его экстаз».

Став министром юстиции, Керенский оказался одной из ключевых фигур новой власти. Этому способствовали как масонские связи политика, так и с каждым днем растущая в потерявшем ориентиры обществе популярность. Новоиспеченный министр, вопреки фактам, насаждал миф о «великой и бескровной революции»; по его инициативе была создана Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, призванная расследовать преступления «старого режима»; Керенский инициировал такие решения, как амнистия политических заключенных, признание независимости Польши, восстановление конституции Финляндии. По его личному распоряжению из ссылки были возвращены все революционеры, было прекращено следствие по убийству Г.Е. Распутина и началось разрушение прежней судебной системы. Арестованную царскую семью Керенский первоначально собирался переправить в Англию, но поскольку эта инициатива не встретила поддержки ни у британского, ни у российского правительств, местом высылки был определен Тобольск. Впрочем, если верить адвокату Карабчевскому, с самого начала не исключал Керенский и кровавой развязки, ответив на вопрос о судьбе царской семьи характерным жестом пальцем левой руки вокруг шеи и добавив: «Две, три жертвы, пожалуй, необходимы!»

Находясь на министерском посту, Керенский чуть ли не ежедневно выступал на всевозможных митингах, принимал депутации, посещал собрания. По свидетельству адвоката А.А. Демьянова, ставшего директором одного из департаментов Министерства юстиции, «беседовать с Керенским о делах было чрезвычайно трудно: его почти никогда нельзя было захватить; у него никогда не было ни одной свободной минуты». Позже А.Ф. Керенский назовет первые дни революции самым счастливым периодом своей жизни, поскольку то был исторический момент, породивший «его Россию». Это был пик популярности Керенского, которого газеты называли не иначе как «рыцарем революции», «народным вождем», «гением» и «первою любовью революции». Один из очарованных министром современников отмечал: «Тернист путь Керенского, но автомобиль его увит розами. Женщины бросают ему ландыши и ветки сирени, другие берут эти цветы из его рук и делят между собою как талисманы и амулеты. (...) Его несут на руках. И я сам видел, как юноша с восторженными глазами молитвенно тянулся к рукаву его платья, чтобы только прикоснуться. Так тянутся к источнику жизни и света! (...) Керенский — это символ правды, это залог успеха; Керенский — это тот маяк, тот светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов, и от его огня, от его слов и призывов получают приток новых и новых сил для тяжелой борьбы».

Британский разведчик Р. Локкарт так писал об одной из речей Керенского, свидетелем которой он стал: «... Керенского следует считать одним из величайших, в своем роде, ораторов в истории. В его выступлениях не было ничего обаятельного. Его голос огрубел от постоянного крика. Он мало жестикулировал — удивительно мало для славянина, но он владел речью и говорил с покоряющей убежденностью. (...) Он выступал в Большом театре (...) В тот день громадный театр был набит до отказа. (...) Керенский поднял руку и сразу заговорил. Он выглядел больным и усталым. Он вытянулся во весь рост, как бы собирая последний запас энергии. И с нарастающей силой начал излагать свое евангелие страданий. (...) Страстными отрывочными фразами он довел себя до испуга. (...) Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. При свете лампы его лицо казалось мёртвенно бледным. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожезе-

релье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания. В соседней со мной ложе генерал Вогак, человек, прослуживший всю свою жизнь царю и ненавидящий революцию больше чумы, плакал как ребенок. Это было историческое зрелище, вызвавшее более сильную эмоциональную реакцию, чем любая речь Гитлера и других ораторов, когда-либо слышанных мною».

Схожее впечатление сложилось и у французского посла М. Палеолога: «...Молодой трибун Советов необыкновенно красноречив. Его речи, даже самые импровизированные, замечательны богатством языка, движением идей, ритмом фраз, широтой периодов, лиризмом метафор, блестящим бряцаньем слов. И какое разнообразие тона! Какая гибкость поэзии и выражения! Он по очереди надменен и прост, льстив и запальчив, повелителен и ласков, сердечен и саркастичен, насмешлив и вдохновенен, ясен и мрачен, тривиален и торжественен. Он играет на всех струнах; его виртуозность располагает всеми силами и всеми ухищрениями. Простое чтение его речей не дает никакого представления о его красноречии, ибо его физическая личность, может быть, самый существенный элемент чарующего действия его на толпу. Надо пойти его послушать на одном из этих митингов, на которых он выступает каждую ночь, как некогда Робеспьер у якобинцев. Ничто не поражает так, как его появление на трибуне с его бледным, лихорадочным, истерическим, изможденным лицом. Взгляд его то притаившийся, убегающий, почти неуловимый за полузакрытыми веками, то острый, вызывающий, молниеносный. Те же контрасты в голосе, который — обычно глухой и хриплый — обладает неожиданными переходами, великолепными по своей пронзительности и звучности. Наконец, временами, таинственное вдохновение, пророческое или апокалипсическое, преобразует оратора и излучается из него магнетическими токами. Пламенное напряженное лицо, неуверенность или порывистость его слов, скачки его мысли, сомнамбулическая медленность его жестов, его остановившийся взгляд, судороги его губ, его торчащие волосы делают его похожим на меломана или галлюцинирующего. Трепет пробегает тогда по аудитории. Всякие перерывы прекращаются; всякое сопротивление исчезает; все индивидуальные воли растворяются; всё собрание охвачено каким-то гипнозом. Но что за этим театральным красноречием, за этими подвигами трибуны и эстрады? Ничего, кроме утопии, комедиантства и самовлюбленности!»

«Эффектные, эпатажные приемы выступлений на публике с обмороками, разрыванием одежды, клятвами и заверениями о готовности «умереть», произнесение речей, стоя на

столах или сиденьях автомобилей, — все это (...) соответствовало беспрецедентности «текущего момента», делая Керенского героем толпы. Образ Керенского быстро мифологизировался, появлялись легенды о его «бесстрашии», «героизме». Александра Федоровича изображали пророком, способным предсказывать и изменять будущее, человеком с гипнотической силой влияния...», — отмечает историк И.Л. Архипов. Уже в старости Керенский с сожалением заметит: «Если бы тогда было телевидение, никто бы меня не смог победить!». Таким образом, по точному замечанию В.П. Федюка, «Керенский был телевизионным политиком дотелевизионной эпохи».

После «апрельского кризиса», закончившегося уходом из Временного правительства П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова, Керенский получил портфель военного и морского министра. Никогда не имевший никакого отношения к армии, политик облачился во френч военного покроя и по-наполеоновски стал эффектно кладевать руку за пуговицы. На ключевые должности в армии он стал продвигать малоизвестных, но лояльных к нему военных, которых щедро жаловал генеральскими званиями. Сильно рассчитывая на успех июньского наступления Русской армии, призванного укрепить авторитет революционной власти, Керенский объезжал фронтовые части, выступая на многочисленных митингах перед солдатами, за что удостоился красноречивого прозвища «главноуговаривающего».

«Бонапарт из адвокатов», как назвал Керенского генерал В.А. Геруа, работал в те дни «не жалея ни себя, ни своего языка». «Истошным голосом он выкрикивал слова: свобода, свет, правда, революция — и очень много напоминал им о долге, о дисциплине, о том, что они... «свободные люди». Солдаты кричали в ответ: «пойдем», «докажем», «не выдадим». Что происходило за линией, до которой долетали отдельные восклицания министра, оставалось, конечно, неизвестно», — отмечал в своих воспоминаниях лидер кадетской партии П.Н. Милюков. Но потоки его речей не остановили разложения революционной армии, и наступление, как известно, закончилось полным провалом.

В начале июля 1917 года А.Ф. Керенский сменил Г.Е. Львова на посту министра-председателя, сохранив за собой пост военного и морского министра. Получив чрезвычайные полномочия для «спасения Родины и революции», Керенский стал искать способы обеспечения «сильной власти», но так и не сумел найти их. Популярность его заметно пошатнулась и стала стремительно таять: место восторгов стали занимать

насмешки. Теперь его называли не иначе как «болтун», «позер», «истерик», «безвольный политик». Стало популярным ходившее по рукам четверостишие:

*Правит с бритой рожей
Россией растерянной
Не помазанник Божий,
А присяжный поверенный.*

Власть не справлялась с проблемами, которые как снежный ком нарастали с каждым днем углублявшейся революции. Цены росли как на дрожжах, «керенки» почти ничего не стоили, продовольствия не хватало, непонятная народу война затягивалась... А история с «мятежом» генерала Л.Г. Корнилова, объявленного Керенским «изменником» и затем арестованного, еще больше пошатнули положение премьера. Генерал А.И. Верховский вспоминал: «Когда я увидел Керенского, с которым не встречался со дня Московского сошествия, то в первый момент не узнал его. В моей памяти был молодой, бодрый человек, пересыпавший свою речь шутками, со свежим и приятным лицом. Сейчас Керенский как-то весь опустился. Лицо опухло и огрубело. Глаза провалились и были тусклы».

1 сентября 1917 года, не дожидаясь волеизъявления Учредительного собрания, А.Ф. Керенский объявил Россию республикой, а 25 сентября сформировал третье коалиционное правительство, просуществовавшее ровно месяц. И это был месяц окончательного заката кратковременной славы — его имя стало нарицательным, а сам он — презируемым и осмеянным персонажем. Кадет И. Курторга так характеризовал главу Временного правительства: «...Керенский был подлинным олицетворением Февраля со всем его подъемом, порывом, добрыми намерениями, со всей его обреченностью и частой политической детской нелепостью и государственной преступностью. Ненависть лично к Керенскому объясняется, по-моему, не только его бесспорно огромными политическими ошибками, не только тем, что «керенщина» (слово, ставшее употребительным на всех европейских языках) не сумела оказать серьезного сопротивления большевизму, а, наоборот, расчистила ему почву, но и другими, более широкими и общими причинами».

Понимая, что власть ускользает у него из рук и видя явные приготовления большевиков к захвату власти, Керенский уже не имел силы, на которую мог бы опереться, — армия от него отвернулась. 25 октября премьер предусмотрительно

покинул Петроград на «захваченном» автомобиле американского посла под американским флагом. В тот же день власть в Петрограде была захвачена большевиками. Совместный поход Керенского и генерала П.Н. Краснова на столицу успеха не имел. Уже 31 октября казаки Краснова заключили перемирие с большевистскими войсками в Гатчине. Опасаясь выдачи, Керенский переоделся в матросскую форму и бежал. (Позже сложился миф о бегстве Керенского из Зимнего дворца в женском платье.)

Конец 1917 года А.Ф. Керенский провел в скитаниях. Появившись в последний раз в Петрограде в начале января 1918 г., надеясь выступить на Учредительном собрании, бывший глава правительства не встретил поддержки своей инициативы в эсеровском руководстве. В июне 1918 года Керенский под видом сербского офицера на британском военном корабле покинул Россию. После поражения антибольшевистских сил Александр Федорович поселился во Франции, где пытался продолжить политическую деятельность, примеряя на себя, по словам И.Л. Архипова, роль «президента в изгнании». Он редактировал газету «Дни», издавал собственный журнал «Новая Россия» и выступал с антисоветскими лекциями. В 1940 году, после оккупации нацистами Франции, Керенский бежал в США, где и провел остаток своей жизни, занимаясь в 1950—1960-е годы преподавательской работой в американских университетах и работая над мемуарами. Советские спецслужбы, хотя и присматривали за политиком-эмигрантом, но серьезного значения ему не придавали, о чём косвенно свидетельствует данный ему оперативный псевдоним «Клоун».

В эмиграции, если верить писателю-эмигранту Р.Б. Гулю, Александр Федорович стал религиозен. «Был ли в былом А.Ф. Керенский верующим — не знаю, — писал он. — Но за границей А.Ф. был церковным, православным человеком, посещавшим церковь и выстаивавшим службы от начала до конца, во время Великого поста ни одной службы не пропускавшим, исповедовавшимся и причащавшимся». Имеются сведения, что Керенскому было предложено вернуться в СССР при условии публичного признания им собственных ошибок и достижений советской власти, но он отказался. Под конец жизни, как вспоминала хорошо знавшая его Т.Г. Дерюгина, «он совершенно ослеп, (...) ходил уже с палочкой, часто падал». Тяжело заболев, Керенский отказался от приема пищи и не давал врачам вводить ему питательный раствор внутривенно, вырывая иглу из вены. Жизнь его оборвалась 11 июня 1970 года на 90-м году жизни. Отпе-

вать политика-масона отказались как представители Русской, так и Сербской православных церквей. По решению сына тело бывшего главы Временного правительства было переправлено в Лондон и погребено на кладбище Putney Vale Cemetery.

Как справедливо отмечает историк В.П. Федюк, *«хотя А.Ф. Керенский прожил очень долгую жизнь, почти две трети этой жизни были жизнью... после смерти. Нина Берберова назвала Керенского «человеком, убитым 1917 годом». С формальной точки зрения это не совсем так. В эмиграции Керенский не просто влачил существование, живя исключительно прошлым. Он в полной мере отдавался сегодняшнему дню — любил, интриговал, ссорился и мирился. Но всё это было жизнью рядового обывателя, одного из тысяч русских беженцев. Такой человек если и будет упомянут на страницах истории, то в лучшем случае мелким шрифтом в примечаниях. Тот же Керенский, которому было суждено попасть в учебники, действительно умер в 36 лет».*

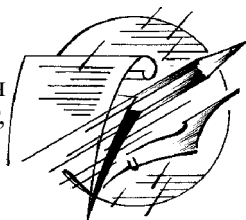
ХОЗЯИН «РУССКОЙ» КУЛЬТУРЫ

Экс-министр культуры РФ Швыдкой — милейший, обаятельный человек, располагающий к себе практически любого собеседника. Приятный во всех отношениях эрудит, всегда готовый поделиться своим опытом и сокровенными чувствами, он завораживает студентов недостижимым для них цинизмом, интеллектуалов — знаниями, а солдафонов — виртуозным матом.

Каждый собеседник (если, конечно, это надо Швыдкому) чувствует себя в его присутствии желанным и важным для него человеком и навсегда запоминает вызываемые этим гордость, интерес и умиротворение. Важнейшая сфера жизни общества — культура — несёт на себе его неизгладимую печать: далеко не все сознают, что его влияние на жизнь нашего общества превышает влияние большинства премьеров и сопоставимо с влиянием президентов.

Культурный рост

Михаил Ефимович Швыдкой родился в 1948 году в Киргизии в райцентре Кант,

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

где на базе эвакуированной в 1941 году Одесской авиашколы было создано Фрунзенское военное авиационное училище (сейчас на его инфраструктуре развернута знаменитая российская авиабаза). Отец, Ефим Абрамович, с 12 лет работал на шахте в Донбассе, в 30-е был председателем колхоза, затем работал в райкоме партии, воевал еще на финской, в Сталинграде был тяжело ранен и долго лечился, но остался в армии и служил в Канте. Мать, Марина Юлиановна, одеситка, окончила мединститут в Уфе и по распределению поехала в Кант работать хирургом в больнице.

Уже в 10-летнем возрасте М.Швыдкой жил в коммуналке в Москве и до сих пор помнит тогдашнюю цену детских ботинок. В школе он славился прекрасными сочинениями, занимался в театральном-поэтическом клубе, записался в киностудию при Дворце пионеров, отлично играл на пианино, был душой почти любой компании, в 9-м классе организовал джаз-банд — и, в итоге, шокировал учителей, поступив в ГИТИС. По его воспоминаниям, решение было случайным: мол, просто экзамены в ГИТИСе проходили раньше. Но в то время выбор между «физикой» и «лирикой» носил принципиальный характер: физика и математика служили государству, а творчество давало свободу.

Возможно, сыграло роль и неизбежное влияние отчима-музыканта. Вот только простодушные энтузиасты, жаждущие стать звёздами или просто приобщиться к искусству, шли в режиссеры или актеры, — а Швыдкой поступил на сравнительно непопулярный театроведческий факультет. Возможно, так было проще, но нельзя исключить, что он уже тогда понимал: у критика больше власти, чем у творца, ибо именно он даёт оценку творцу. И потому, если нужна власть, а не «зияющие высоты» творчества, — нужно быть не режиссером или актером, а именно критиком.

Швыдкой женился на дочери известного успешного кинодраматурга; возможно, это помогло ему в 1973 году устроиться во всесоюзный журнал «Театр», где он сделал карьеру, поднявшись к 1990 году с должности корреспондента до секретаря парторганизации журнала (члена райкома КПСС!) и заместителя главного редактора. Оправдывая свою фамилию (по-украински она значит «быстрый»), Швыдкой хватался почти за любую возможность подработать: писал рецензии, преподавал в вузах, ездил с лекциями по стране, причем, благодаря потрясающему обаянию, завоевывал почти любую аудиторию. Писал книги и добивался их выхода (что было тогда отнюдь не просто и приносило хорошие деньги), ездил в загранкомандировки и даже читал лекции в США (в част-

ности, курс по русской культуре в знаменитом MIT — Массачусетском технологическом институте). В 1975 году стал театральным обозревателем Всесоюзного радио и телевидения, в 1977 году защитил кандидатскую и заработал авторитет признанного критика.

Ключ к демократической власти: реституция

С началом перестройки Швыдкой зорко изучал открывавшиеся перед ним шансы, но, будучи предельно осторожным, начал действовать лишь в 1990 году. Бизнес как таковой, деньги ради денег Швыдкому были чужды: уже тогда светский лев, он (вероятно, в силу трудного детства) остро нуждался в публичном успехе, во всеобщем внимании и любви. А для гарантированного получения и сохранения всего этого надо было прорваться в истеблишмент, стать частью власти. Ключом было сотрудничество с Западом и набиравшими силу демократами — и в 1990 году Швыдкой добился публикации в журнале «Театр» революционной для того времени английской пьесы «Московское золото», посвященной травле ретроградами из Политбюро во главе с Горбачевым народного лидера Ельцина (тогда как раз вырвавшегося, наконец, из опалы). Даже переводить пьесу было ещё страшно, но Швыдкой, учуяв будущее, организовал гастроли английской театральной труппы в Москве и даже привёз авторов пьесы. Так он стал любимцем Ельцина.

Крах СССР превратил страну в добычу для хищников всех сортов, и культура не была исключением: Германия, при поддержке других стран Запада, потребовала «реституции» — возврата художественных ценностей, вывезенных в нашу страну в ходе войны в порядке частичной компенсации за наше культурное наследие, уничтоженное гитлеровцами. Возврат ценностей, на котором настаивал Швыдкой, по сути дела, означал отрицание законности итогов Великой Отечественной войны и признание советских солдат и офицеров, спасавших культурные ценности от гибели, обычными мародерами.

Швыдкой воспользовался ситуацией и занялся рассекречиванием фондов спецхранов, в которых с войны осталось значительное число «перемещенных ценностей». Стал режиссером телефильма о трофейной Бременской коллекции, показанной по Первому каналу в декабре 1992 года. Спонсором фильма, обошедшегося, по оценкам, в 17 тыс. долл., стал «Инкомбанк». Он же проспонсировал другой политический проект Швыдкого — каталог «Западноевропейский рисунок

XVI—XX веков», преподнесенный министром культуры Сидоровым Ельцину и Черномырдину в марте 1993 года. Подарок был ко времени: Сидоров, познакомившийся со Швыдкой в комиссии по реституции, взял его к себе в заместители.

Деятельность Швыдкого была кипучей: он занимался даже проблемами инвалидов, не забывая, разумеется, и себя. В 1994 году стал доктором искусствоведения. Когда в 1997 году вывоз культурных ценностей из страны был запрещен законом, сторонник реституции министр Сидоров отправился в почетную ссылку представителем России при ЮНЕСКО, а Швыдкой, пользуясь давней симпатией Ельцина, добился создания телеканала «Культура» и возглавил его, став зампредом ВГТРК.

На фоне бесконечных экспериментов созданного Березовским ОРТ и его войн с НТВ Гусинского «Культура» выделялась интеллигентностью при профессионализме, и в мае 1998 года, в премьерство Кириенко, Швыдкой возглавил ВГТРК. При этом он так искренне изображал ни во что не вникающего «свадебного генерала», занятого лишь представительством и личным шоу-бизнесом, что недовольство премьера Примакова политикой государственного медиахолдинга обрушилось на головы его заместителя Лесина и обозревателя Сванидзе.

Энергия Швыдкого приносила весомые плоды: как сообщалось, перед дефолтом 1998 года, он попал в список тысячи наиболее богатых и известных людей России, который в воспитательных целях составлял тогдашний глава Госналогслужбы Федоров.

Сладкие дивиденды политической порнографии

«Моментом истины» стал для Швыдкого конфликт «семьи» Ельцина, либералов и олигархов с патриотами: чтобы одержать победу и психологически сломать Скуратова, тогдашнюю ключевую фигуру, надо было показать компрометирующую его видеозапись народу. Даже ОРТ Березовского не осмелилось, несмотря на отчаянную политическую нужду (Березовский был одной из мишеней не скрывавшего это Скуратова) показать голого «человека, похожего на генерального прокурора» в компании двух проституток. Эту миссию взял на себя Швыдкой — и вспоминает об этом с гордостью: мол, именно в этом заключается профессионализм, так как общество должно знать правду о своих руководителях. Правда, ни до, ни после подобных устремлений за ним замечено не было — возможно, из-за рудиментарного чувства приличия.

Вероятно, причина была в ином, как сказал позже сам Швыдкой, «если бы этого сюжета не было, мы жили бы в другой стране», управляемой, по всей видимости, патриотами, а не обслуживающими интересы Запада либералами и олигархами. Так или иначе, выпустив в эфир без какой бы то ни было проверки 50-минутную порнографическую видеозапись, Швыдкой решил исход политического противостояния и определил историю России. Победители были благодарны ему безгранично — и в правительстве Касьянова он стал министром культуры.

Осенью 2000 года Минкульт уволил руководство Большого театра, директором которого был назначен бывший коллега Швыдкого по телеканалу «Культура» Иксанов. В качестве министра культуры Швыдкой проявил себя как убежденный, активный и последовательный сторонник реституции; в частности, он приложил огромные усилия для передачи Германии исключительно ценной (оценочная стоимость составила 1,5 млрд. долл.) Бременской коллекции рисунков и почти добился этого. Чудовищное преступление было сорвано буквально в последний момент. При этом возврат культурных ценностей, утраченных в ходе войны нашей страной, Швыдкого, насколько можно судить, не интересовал. Уже после него был подготовлен их заведомо неполный каталог, в который вошло 25 тыс. единиц; возвращено лишь 51 из них.

Важным достижением Швыдкого стало возвращение в Германию уникальных витражей Мариенкирхе XIV века. Ценность их такова, что немцы приняли закон, гарантирующий любому обеспечившему их возвращение лицу не только огромную денежную премию, но и право проживания в Германии. Интересно, воспользовался ли этой возможностью Швыдкой? Орден «За заслуги перед Германией» он получил лишь в 2010 году. Оформленный в качестве «жеста доброй воли» возврат витражей стал возможен по той причине, что запрет на реституцию не распространялся на собственность религиозных общин. Их реставрация обошлась Эрмитажу в 400 тыс. долл., но немцы оплатили лишь 300 тысяч.

Разумеется, работа не отвлекала его от шоу-бизнеса. Беспрецедентный случай: в 2001 году действующий министр стал вести авторское ток-шоу «Культурная революция», был участником и соведущим массы разнообразных программ. Насколько можно судить, это принесло ему хороший официальный доход. После отставки Касьянова и расформирования правительства Швыдкой возглавил Агентство по культуре. Дело в том, что в результате административной реформы министерствам оставили лишь разработку политики, а

деньги передали агентствам. Огромный авторитет и связи Швыдкого привели к тому, что возглавляемое им Агентство стало едва ли не более влиятельным, чем недавно руководимое им Министерство культуры.

Напряжение нарастало, и уже летом 2005 года новый министр культуры Соколов публично обвинил подведомственное ему Агентство Швыдкого в коррупции «на всех этажах». Швыдкой через суд потребовал от Соколова публичных извинений, но вскоре отозвал свой иск, объяснив отступление тем, что министр «не обвинял конкретных должностных лиц... и не предъявлял им конкретных претензий, а высказал общее оценочное суждение».

В течение 2005 года Швыдкой был посредником между правительством и руководством Большого театра, энергично и изобретательно отстаивая проект его капитального ремонта — и в итоге победил. «Скажите Путину, что на эти деньги я построю в Москве три таких театра!» — воскликнул потрясенный аппетитами Агентства Швыдкого крупнейший в мире специалист по театральным технологиям Татео Накашима. И действительно: первоначально на реконструкцию Большого театра требовали 1 млрд. долл., затем довольствовались 600 млн., в то время как реконструкция миланского «Ла Скала» стоила 72 млн. долл., лондонского «Ковент Гарден» — 350 млн. долл., а уникальная реконструкция Московского Кремля — 312 млн. долларов.

Реконструкция Большого театра вошла в историю России в силу феноменальной скандальности (доходило до опасений в том, что Большой театр просто развалится) и подозрений в чудовищной коррупции. Инвесторы менялись, руководители реконструкции ходили на допросы, как на работу, результат вызвал сильнейшие нарекания артистов, но к этому Швыдкой формально уже не имел отношения.

А летом 2006 года, когда Эрмитаж признал исчезновение из его хранилищ более 200 ценных экспонатов, Швыдкой всеми силами старался смягчить скандал и защищал директора музея М.Пиотровского. Когда в 2008 году после избрания президентом Медведева правительство возглавил В.В.Путин, функции Агентства по делам культуры были возвращены министерству, а Швыдкой покинул правительство. Он стал спецпредставителем президента России по международному культурному сотрудничеству в ранге посла по особым поручениям и президентом Академии российского телевидения (последнюю должность ему любезно уступил Познер).

Уход с административного Олимпа если и уменьшил влияние Швыдкого на российскую культуру, то самую малость.

Насколько можно судить, его железный авторитет, подкрепленный многочисленными единомышленниками и лично обязанными ему деятелями, расставленными на самые разнообразные места, позволяет Швыдкому и сегодня уверенно направлять развитие отечественной культуры вне зависимости от сменяющих друг друга политиков и администраторов. Это делает Швыдкого одним из ключевых не только членом либерального клана, но и участников современной политики как таковой.

«Задача и содержание искусства — десакрализация»

Насколько можно судить по его словам и делам, это — фундаментальное убеждение Швыдкого. Именно поэтому в 2005 году он защищал от обвинений в порнографии постановку в Большом театре омерзительной оперы Десятникова по либретто Вл. Сорокина «Дети Розенталя». Именно поэтому он проводил ток-шоу на такие темы, как «Беспризорность — это плата за свободу» (в которой он страстно убеждал зрителей не возмущаться детской беспризорностью, а считать её нормой свободной, демократической жизни), «Без мата нет русского языка», «Для нас важнейшим является американское кино» (что особенно цинично в устах человека, отвечавшего за развитие российского кинематографа). Именно поэтому на «Эхе Москвы» Швыдкой говорил об уместности повтора его передачи 2002 года с говорящим названием «Русский фашизм страшнее немецкого».

Во время руководства Швыдкого на ВГТРК из эфира исчезли все общественно значимые программы, например, «Соотечественники» (об участии русских в государствах постсоветского пространства). Автор программы Т.Фурман была уволена задним числом и на прощание тяжко оскорблена; в её адрес на пресс-конференции было сказано: «А вот эта — вообще никто!»

«Возглавив культуру», Швыдкой прославился финансированием за государственный счет откровенно антироссийских фильмов, направленных на грубое переписывание истории и на унижение нашей страны. Наибольшую известность получил фильм «Сволочи» — агитка, в которой чекистские изверги забрасывали в немецкий тыл малолетних беспризорников, обрекая их на верную смерть. Это выдавалось за исторический факт — при том, что руководители снявшей её студии заранее получили официальное письмо из ФСБ о том, что содержание фильма является наглой ложью!

Более того, вскоре после премьеры выяснилось, что подобным занимались не наши, а как раз фашисты, но для очер-

нения и дискредитации нашей Родины Минкультуры Швядкого с легкостью (и, вероятно, с удовольствием) пренебрегло историческими фактами.

За деньги России был профинансирован омерзительный и лживый фильм «Мазепа», в которой Петр Великий был представлен маньяком и гомосексуалистом. «После того как Лужков даже направил Швядкому пушкинскую «Полтаву», Михаил Ефимович, давно имеющий в кругу друзей шутовское прозвище «Чего изволите?», краснел, бледнел и даже не выпустил «Мазепу» в российский прокат», — писал критик Щербаков в феврале 2006 года. Но свой вклад в воспитание русофобии на Украине, чудовищные плоды которого мы пожинаем сейчас, Швядкой внёс из российского бюджета, то есть из нашего кармана.

Профинансировал он и фильм «Полумгла», в котором русские варвары чудовищно издеваются над несчастными немецкими военнопленными. Поразительно, что сценарий, по которому был снят фильм, носил принципиально иной характер и воспевал любовь представителей разных народов, так что сценаристы даже отозвали свои имена из титров этого чудовищного произведения. Фильм «Четыре» показывал деревенских бабушек в качестве участниц дикой оргии с голыми грудями, разрывающими на части жареную свинью (вероятно, для «правильной», русофобской ориентации мусульман). Этот список можно продолжать почти бесконечно.

В книге с весьма спорным названием «Михаил Швядкой лучше Геббельса» Борис Петров исчерпывающе характеризует его деятельность: «Он занят... трансформацией всей российской культуры, которая выросла на православной традиции и никогда не сможет преобразиться в рынок, где торгуют любыми ценностями». Недаром Швядкой стал единственным россиянином, включенным английским Art Review в список 100 наиболее влиятельных в мире деятелей искусства. Вероятно, были учтены и его заслуги в деле разграбления России в виде реституции, но, как говорят, более всего понравилось британцам ключевое высказывание министра культуры: «Мы хотим сделать Россию частью западного мира». Как уже сделали, например, Эстонию и Болгарию.

Культура народа определяет не только его образ жизни, но и мировоззрение, и идеологию, а следовательно — целеполагание. Она является основой его идентичности. И разрушение культурных ценностей российского общества является важнейшим, стержневым элементом кропотливой и весьма энергичной работы по уничтожению даже не России как государства и не русских как народа, но всей нашей цивилизации, сформированной именно русской культурой.

Деятельность Швыдкого, насколько можно судить, идеально вписывается в общую канву либеральных усилий по лишению России исторической памяти и превращению нас даже не в «Иванов», а в «Адольфов, не помнящих родства». Это действительно «великий» по масштабам и результатам своей деятельности человек, влияние которого по-прежнему исключительно велико.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Казалось бы, что общего между алтайскими активистами и Константином Райкиным? Но общее есть. Почти одновременно жители Алтая и народный артист РФ обратились с призывами к власти по поводу современного искусства. И с той, и с другой стороны прозвучали упрёки и обвинения. Вот только алтайцы осудили отсутствие цензуры, а Райкин — возможное её возвращение. Такая спонтанность высказываний лишней раз напоминает нам об очередном расколе в обществе. Причём расколе глубоком и непреодолимом.

Само собой разумеется, что речь идёт не о частном недовольстве. А его выразители высказали не просто личное мнение. Получается эдакий треугольник — посредине власть, а с двух сторон от неё негодующие творцы и не менее негодующая публика.

Поводом для возмущения стали совершенно разные события и явления. Жителей Алтая подтолкнул к выступлению клип С.Шнурова «В Питере — пить». О клипе алтайцы отозвались как о ярой, откровенной пропаганде «хамства, наглости, пьянства, беззастенчивости — абсолютной безнравственности». Впрочем, творчество Шнура действительно стало лишь поводом, оттолкнувшись от которого алтайцы с горечью отозвались о современной культуре вообще. Точнее, о той её значительной части, что навязывает чуждые ценности, опошляет и уничтожает «основы народной нравственности». Такую «культуру» авторы обращения считают ни много ни мало фашистской — по той простой причине, что она, точно

следуя так называемому «Плану Даллеса», уничтожает российский народ, «самый непокорный на Земле». С одной стороны, алтайцы потребовали от власти оградить людей от разрушительной силы безнравственности, с другой — призвали соотечественников самим дать отпор развратникам от культуры.

И вот практически одновременно с алтайским воззванием прозвучало выступление Константина Райкина на седьмом съезде Союза театральных деятелей России. Речь шла о том, что в России наступили времена *«очень опасные, очень страшные; очень это похоже... Не буду говорить, на что. Но сами понимаете»*. Все недовольства современным искусством артист назвал наездами. А людей, подобных алтайским активистам, — группками якобы оскорблённых, которые, прикрываясь *«словами о нравственности, о морали и вообще всяческими, так сказать, благими и высокими словами: «патриотизм», «Родина» и «высокая нравственность»*», совершают свои *«беззаконные, экстремистские, наглые, агрессивные»* наезды. Недоволен К. Райкин по нескольким причинам. Во-первых, из-за недостаточной поддержки государства — по слухам, государство перечислило «Сатирикону» всего-то порядка двухсот миллионов рублей сначала в 2015, а потом в 2016 гг. Во-вторых, из-за придировок и замечаний по поводу спектакля о подростке-гомосексуалисте в «Сатириконе». Вот тут-то артист и разразился: *«Мы все родом из советской власти. Я помню этот позорный идиотизм!.. А запрет цензуры — это величайшее событие векового значения в художественной, духовной жизни нашей страны... Это проклятие и многовековой позор вообще отечественной нашей культуры, нашего искусства наконец был запрещён»*. И далее, обращаясь ко всем недовольным, К. Райкин объявил, что искусство имеет множество фильтров в лице творцов, которые сами знают, что нравственно, а что — нет. Власть же не может быть носителем и гарантом нравственности.

Совпадение двух выступлений чрезвычайно любопытно. Не сговариваясь, представители разных, не побоимся этого слова, классов, высказали всё, что думают друг о друге. Получается, что публику и творцов разделяет зачастую не просто условный свет условной рампы, но принципиально разные взгляды на то, что происходит на условной сцене. Творцам нужно самовыражение, каким бы чудовищным оно ни казалось; зрителям, во всяком случае, многим из них, — то, что *«возвышает душу человека и делает жизнь лучше»*.

Можно, конечно, опять всё списать на Сороса — дескать, это он купил Шнура с Райкиным, Толстую с Улицкой и вообще всех, кто нам не нравится, ради уничтожения самого не-

покорного народа на Земле. Но давайте признаем одну очевидную вещь: разврат, насилие и безнравственность пришли к нам именно с Запада. Это там снимали «Эммануэль», «Рэмбо» и «Зловещих мертвецов». Это там разрешены и приветствуются однополые браки, инцест и церковь сатаны. Да и сами алтайцы в письме заявляют: *«С помощью СМИ и кино вырываются наши духовные корни и навязываются нам так называемые западные ценности»*. Значит, на Западе люди давно так живут. А значит, атака безнравственности нацелена не только на Россию — ведь и Запад когда-то был христианским. Так не правильнее ли будет предположить, что дело не только в России, а в человечестве вообще? Ведь человечество переживало разные эпохи, ориентировалось на разные ценности. Эпохи сменяли друг друга, распались одни системы ценностей, зарождались другие.

Если бы С. Шнуров со своими песнями объявился в средневековой Европе, его, вероятно, ждал бы костёр. Появился он в Москве XIX в., то наиболее вероятной площадкой для него стали бы притоны Хитровки или Грачёвки, а после весьма возможной поножовщины в пивной «Стоп-сигнал» у Преображенской заставы, в некрологе было бы записано: «Профессия: игра на балалайке по трактирам». В советское время у группы «Ленинград» был бы выбор: осмысление творчества по адресу г. Москва, Канатчиково, Загородное шоссе, д. 2 (в Питере свой адреса) или отдых на удалённых «курортах». Сегодня же, как справедливо отметили алтайцы, Шнуру *«предоставляют самые лучшие площадки, самые интересные ТВ-программы, массово тиражируют его клипы и диски»*. Мы можем предположить одно из двух: либо злодеи нарочно запустили Шнура в телевизор, чтобы ему сподручнее было развращать детей и взрослых, либо его приглашают как фигуру популярную и заведомо зрителям интересную.

Ну, допустим, какие-то злодеи предоставляют Шнуру лучшие площадки, тиражируют диски и двигают на лучшие телепрограммы. Но кто заставляет сограждан ходить на его концерты, покупать диски и смотреть телепередачи? Почему огромное число людей нормально и даже с удовольствием воспринимают его *«противоестественные, искусственные, бесчеловечные, сатанинские»* песни? И это при том, что цена билетов на концерт Шнура в Москве колеблется от трёх до девяти тысяч рублей, в Барвихе же — от пятнадцати до семидесяти тысяч. Но если кто-то готов платить такие деньги за матерные песни, то почему бы Шнуру их не петь? Как известно, при 300% прибыли нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. А поскольку

С.Шнуров — своего рода первооткрыватель, то 300% ему обеспечены. Вот когда все или хотя бы многие начнут петь а la Шнуров, тогда придётся изобретать что-то новое.

Напрасно алтайцы считают, что «Шнуров явно больной, с отклонениями в психике». Он всего лишь современный человек, использующий сложившуюся ситуацию в своих собственных целях. Не стоит думать, что культура и искусство существуют отдельно от общества, их породившего. Напротив, культура — это всегда своеобразное зеркало эпохи, отражающее психологию современников. Поэтому Шнура и иже с ним стоит изучать, дабы поставить современному обществу диагноз. Сам Шнуров так объясняет восторги публики в свой адрес: «*На концертах происходит преодоление жуткого бытия, приходит понимание того, что ты можешь с этим жить, можешь это принять и одновременно это победить. А не заниматься бесконечным самоедством*». И если уж говорить о болезни, то болен не один С.Шнуров, а всё российское общество. Конечно, телевидение не способствует исцелению, но и не в нём причина болезни, оно, если уж на то пошло, скорее переносчик заразы. И до тех пор, пока общество не излечится, граждане будут радостно петь матерные песенки, праздновать Хэллоуин и время от времени выдвигать из своей среды уродов типа хабаровских живодеёрок.

Да ещё как-то слабо верится, что Шнур — это главный матерщинник России, и что запретив его песни, мы добьёмся искоренения сквернословия. Обращаясь к личному опыту, невольно приходишь к выводу, что Шнура можно слушать или не слушать (последнее предпочтительно). А ещё можно даже подать на него в суд за нарушение российского законодательства. Но вот от матерящихся тётенок и дяденек — в магазинах, транспорте, на улицах — так просто не отделаешься. Их не выключишь, на них не пожалуешься, от них никуда не спрячешься. И почему-то кажется, что это не Шнур научил их материться, не Шнур заставляет их сквернословить при детях. Да и детей этому не Шнур научил. Вот если бы каждый папа, а мама и подавно, сами перестали материться и дома, и за его пределами, то, глядишь, и Шнур был бы не страшен. Да и по поводу пьянства. Тоже как-то не верится, что это Шнур — краеугольный камень подросткового алкоголизма.

А что если провести нехитрый эксперимент: отказаться всем от спиртного и нецензурного? Всего-навсего. Как говорили в одной известной передаче: «А вам слабо?» Тогда и можно было бы с полной уверенностью утверждать, от кого дети набираются плохого: от Шнура или от родителей, соседей и прочих безответственных взрослых.

Социолог и культуролог П.А. Сорокин, анализируя европейскую культуру начала XX в., говорил о грядущем разложении. Но окончательное разложение пока не наступило, зато появилась культура, в основе которой — порок и преступление. И эта культура настолько вольготно себя чувствует, что требует от власти не просто не вмешиваться, но и карать недовольную публику, эти *«группки мерзких людей, которые борются незаконными мерзкими путями за нравственность, видите ли»*. Так, во всяком случае, высказался народный (!) артист России Константин Райкин.

Очень часто, когда говорят, например, об Украине, объясняют происходящее так: «Людей обманули!» На что всегда хочется возразить: «А вы не обманывайтесь». То же и по поводу искусства. Если уж возмущаться, то не Шнуровым — он, повторимся, просто пользуется ситуацией, как в случае с борделями: все же знают, что это плохо, и тем не менее бордели существуют по всему миру — спрос рождает предложение. Так что, возмущает не Шнур — даже не власть, которая до сих пор не взяла его на цугундер. Удивляет публика, которая платит за его концерты и миллионами просматривает «В Питере — пить». В YouTube с мая по ноябрь — 27,2 млн. просмотров. Воистину по Маяковскому: «Если звёзды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно».

Если власть не торопится запрещать матерные песни и спектакли про мальчиков-геев, то публика негодует и обвиняет власть в потакательстве развратникам, уничтожающим народ через безнравственность. Но стоит что-нибудь запретить, как тут же поднимается крик о том, что власти, видимо, нечего делать, раз она тратит силы и ресурсы на ловлю свободных художников и несчастных гомосексуалистов, чья вина только в том и состоит, что они — другие. Понятно, что договориться при таком раскладе никто ни с кем не сможет, а власть, угодившая в клещи, будет всячески избегать решения вопроса в чью бы то ни было пользу. Видимо, в современном мире как никогда раньше актуален лозунг «Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих». Вот если бы Константину Аркадьевичу довелось играть при пустом зале, глядишь, и закончился бы «голубой период». Да и Сергей Шнуров по-другому запоёт, когда не будет 27 млн. просмотров. А пока сознательным гражданам ничего другого не остаётся, как лично вмешиваться в культпроцесс и, рискуя прогневить народных артистов, закрывать выставки, отменять спектакли, снимать с проката фильмы. Во всяком случае, это свидетельствует о том, что общество не совсем безнадежно.

О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Каждое государство занимается так называемым языковым обустройством.

Ведь языковая среда имеет все классические признаки среды: неконкурентное потребление и невозможность исключения. В местности нашего проживания мы не имеем выбора языковой среды и не можем отказаться от её использования — как не имеем выбора воздуха, которым мы дышим, и не можем отказаться от дыхания. Зато воздействовать на языковую среду, как и на чистоту воздуха, мы можем.

Языковое обустройство влияет на всех без исключения членов общества, ведь все пользуются языком. Но не все члены общества имеют равное влияние на языковую среду. Решающее значение имеет влияние власти. Решения в области языковой политики в наибольшей степени отражают политические и экономические интересы господствующих в обществе социальных групп, а в меньшей степени — чаяния всего общества.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Нам кажется, что языковая среда вокруг нас образуется сама собой, при равном влиянии всех членов общества. На самом же деле, если мы не замечаем целенаправленного воздействия на нашу языковую среду, то это означает, что воздействие на неё производится не в наших интересах, поэтому от нас это воздействие стараются скрыть.

Сейчас, в XXI веке, значительно усилилось влияние надгосударственных образований на языковую политику государств. Влияние народа на свою языковую среду заметно снизилось. Вызвано это значительным повышением роли СМИ в жизни каждого человека и возросшим уровнем образованности общества. Как СМИ, так и система образования подвластны господствующим социальным группам, которые умело используют эти инструменты для влияния на языки стран и народов.

На первом съезде Общества русской словесности 26 мая 2016 года профессор СпбГУ М.А. Марусенко опроверг распространённое мнение о том, что «глобальная гегемония английского языка есть естественный процесс» и что английский язык распространяется по всему миру благодаря своим достоинствам. На самом же деле проводится целенаправленная политика по его продвижению. Марусенко рассказал о вышедшей в 1992 году книге английского филолога Р.Филлипсона, в которой приводятся сведения о состоявшейся в 1961 году секретной англо-американской конференции по экспансии английского языка. Тогда многие восприняли эту книгу как «конспирологическую версию». Однако сейчас, после истечения 50-летнего срока давности, отчеты этой конференции рассекречены и доступны в Интернете. На этой конференции было принято решение, что «английский должен стать господствующим языком и заменить другие языки и создаваемые ими картины мира».

Главной «приманкой», главным доводом в пользу мирового господства английского языка в науке и образовании, а также широкого использования англоязычных терминов во всех языках мира является **материальная выгода**.

Во-первых, господство одного языка, по сравнению с многоязычием, позволяет экономить деньги на переводах. Вузам — на переводах лекций иностранных преподавателей, научному сообществу — на переводах книг, пособий, статей. Это — немалая экономия. Например, Евросоюз тратит на переводы до миллиарда евро в год.

Во-вторых, отсутствие национального словообразования позволяет экономить на органах, этим словообразованием ведающих. Не нужно институтов языка, терминологических

комиссий, должностных лиц, ответственных за терминологию на предприятиях... Бери себе бездумно и беззатратно английские термины — и будешь «в тренде».

В-третьих, люди, свободно владеющие английским языком, имеют возможность получить более высокооплачиваемую работу. Речь, переполненная англицизмами, даёт больше шансов устроиться на хорошую зарплату в иностранную фирму, где такой жаргон принят.

Господствующее положение английского языка в мире нарушает принцип справедливости, давая неконкурентные преимущества англоязычным странам, коммерческим фирмам из этих стран, и людям — носителям английского языка от рождения.

Поэтому, даже если рассматривать вопрос исключительно с финансовой, с рыночной точки зрения, довод материальной выгоды от «прогиба» языковой политики страны под английский язык является весьма спорным. Потому что выгода от англификации языковой политики — краткосрочна. Она даёт экономию прямо сейчас, но лишает страну, её предприятия и её граждан рыночного конкурентного равенства в будущем, отдавая преимущество гражданам и предприятиям из англоязычных стран, и самим этим странам.

Но и этот спорный довод экономии затрагивает лишь рыночную выгоду, совершенно упуская из виду выгоду нерыночную. Ещё Древний Рим использовал насаждение своего латинского языка в завоёванных странах для навязывания своих обычаев, культуры, религии и своей экономической модели общества. Иными словами, для колонизации покорённых стран.

Поэтому главный довод сторонников патриотичной языковой политики, сторонников сохранения своего языка и охраны его от размывания словами из других языков — **это отстаивание культурной и духовной независимости, отстаивание возможности потомкам пользоваться духовным и культурным достоянием своих предков.**

В некоторых странах Юго-Восточной Азии, переживших в последние годы эпоху бурной индустриализации и глобализации, уже бабушки не могут говорить со своими внуками — настолько изменились их языки.

Недавно я услышал от школьника такую фразу: «Зачем мне учить наизусть Пушкина — он ведь жил в другой стране и писал на другом языке». Но разве 25 лет назад у советских школьников возникала такая мысль? Значит, именно в последнее поколение, в течение минувших 25 лет наш язык изменился настолько, что дети стали ощущать язык Пушкина

чужим. Именно это — отрыв народа от корней его предков, лишение его самобытности — и является конечной целью агрессивной языковой политики англоязычных стран.

Знаменитый французский социолог Пьер Бурдьё даже назвал целью «символического насилия языком» — «всеобщую покорность».

Ключевой вопрос самобытности народа решается в значительной мере путём прочтения и осмысления классической литературы именно своего народа. Таким образом, **размывая наш язык, англоязычные народы навязывают нам и свои понятия добра и зла.**

Российские власти проводят языковую политику колонии. Мы отказываемся от слов, которыми пользовались наши предки, заменяя их чужими словами. «Ямщик сидит на облучке в тулупе, в ярком кушаке» — лишь два слова из шести остались в употреблении. Но не у всех народов выход из употребления предмета означает выход из употребления слова, этот предмет обозначающего.

«Повозка» стала обозначать «автомобиль» в турецком, французском, испанском, а в русском вышла из употребления.

«Сундук» во французском стал обозначать багажник автомобиля или мотоцикла, а в русском вышел из употребления. Более того, мы переняли французский «кофفر» в значении багажника мотоцикла.

Но самое печальное — это колонизация массового языкового сознания русских. При возможности выбора между своим словом и чужим, между русским названием и иноязычным большинство выбирает, увы, чужое, иноязычное. Пусть даже длинное и неблагозвучное в нашем языке.

Языковая политика является составной частью общей политики государства, направленной на его выживание и на достижение более выгодного положения в мире и в своём регионе относительно других стран. Языковую политику воплощают деятели СМИ. Они воздействуют на корпус языка, внедряя в общее употребление либо иноязычные (английские), либо русские слова. Воплощают её и деятели образования, воздействуя как на корпус, так и на статус языка, решая, на каком языке проводить обучение, издавать учебные пособия и научные работы. И те и другие знают, как проводить ту или иную языковую политику. Образно говоря, деятели СМИ и образования знают, **как** построить здание. Но **что** мы строим, **чем** будет это здание — храмом или супермаркетом — решают идеологи.

Не случайно Сталин, не будучи деятелем ни СМИ, ни образования, написал статью «Марксизм и вопросы языкоз-

нения» (кстати «языкознание» после Сталина успело стать «лингвистикой»). Сталин был идеологом, и видел политическую важность языкового обустройства страны.

Направлять языковую политику должны идеологи, определяющие систему ценностей и общее направление развития общества. Решающие, что мы строим — храм духа или храм рынка.

Нам надо наконец понять: или мы стремимся к достижению краткосрочной материальной выгоды, отказываясь от материальной выгоды в будущем и от духовных и культурных ценностей наших предков, и тогда мы, как и прежде, будем следовать либеральным курсом языковой политики нынешнего правительства России, при котором «государство не должно вмешиваться, деньги сами решат всё». Или мы стремимся к полной независимости нашей страны, причём не в краткосрочной перспективе, а на поколения. Независимости во всём — в экономике, внешней политике, в культуре, в религии, в нашем понимании добра и зла.

СОДОМ РВЁТСЯ В БОЙ

Начался новый виток глобальной борьбы за «гендерное переустройство» России, за полномасштабную и всеохватную легализацию всевозможных извращений. По сообщению LIFE, «влиятельная международная организация ILGA разыгрывает грант, направленный на популяризацию тем сексуальной ориентации, гендерной идентичности, половых характеристик среди юристов, психологов, педагогов, социальных работников, журналистов, специалистов в области здравоохранения и деятелей искусства и культуры».

Как гласит Википедия, *«Международная ассоциация лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов ILGA — это международная организация, занимающаяся вопросами соблюдения прав человека для ЛГБТ, которая зонтично включает в себя более 600 ЛГБТ-организаций в примерно 110 странах мира; 25 июля 2011 года ILGA получила консультативный статус в ЭСС ООН».*

Очередной проект этой, безусловно, мощной организации под названием «Союзники в действии» направлен на Россию, Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию и Украину и призван стать *«источником поддержки для действенных, оригинальных, изобретательных инициатив ЛГБТ-сообществ, а также тех, кто готов и словом, и де-*

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

лом содействовать улучшению положения сексуальных меньшинств и поднимать вопросы сексуальной ориентации, гендерной идентичности, половых характеристик в обществе». Продолжительность проекта — 6 месяцев, сумма гранта — 5 тысяч евро.

Мы видим новые реалии нашего времени: для нации защита собственных ценностей становится маркером готовности к сохранению суверенитета, и оттого в 2012 году после принятия Россией своего *внутреннего* закона о запрете пропаганды гомосексуализма для несовершеннолетних на неё обрушился весь гнев международного извращенческого сообщества.

Принятие этого закона стало отправной точкой для построения в нашей стране мощной линии духовно-нравственной обороны, в которую среди прочих вошли вышеупомянутый закон, а также закон о запрете усыновлений российских сирот в страны, где разрешены однополые «союзы», и закон о запрете усыновлений в российские сожительства, состоящие из однополых людей.

С 2005 года гомосексуальному лобби в России никак не удаётся продавить окончательное принятие Госдумой (принят только в первом чтении) модельного закона о так называемом «гендерном равенстве», отменяющего биологический пол и вводящего «позитивную дискриминацию» нынешнего нормального большинства. Этот закон — входной билет для любого государства, желающего вступить в Евросоюз.

Не увенчались пока успехом и попытки содомитского лобби продавить гендерный закон по частям — в виде закона о харассменте или закона о «гендерном квотировании» состава дирекции акционерных обществ. 8 июля 2016 года состоялась очередная попытка глобально поменять ситуацию с «правами» извращенцев с помощью флешмоба «Я не боюсь сказать», но и тут неудача. Теперь же мировой гомосексуализм пустил в ход новую отмычку — поставил на «золотого тельца».

По мнению авторов идеи, российские педагоги, юристы, психологи, социальные работники, журналисты, медики, деятели искусства и культуры должны, расталкивая друг друга локтями, броситься к извращенцам, чтобы на полученные от них деньги Евросоюза (а именно он является одним из основных доноров ILGA) начать менять нашу жизнь. Ведь и требуется совсем ничего: всего-то ненавязчиво рассказать детям о «радости» и «предпочтительности» гомосексуализма. Это, безусловно, враждебное действие иностранной организации по отношению к нашей стране, и оно требует симметричного ответа структур, защищающих безопасность государства.

Содомитское сообщество активно навязывает миру ложное мнение о том, что гомосексуализм (и иные разновидности из-

вращений) — врождённая патология, имеющая распространённость в виде постоянной величины не менее 10 процентов, и поэтому бороться с ней негуманно и глупо, равносильно тому, чтобы «выступить против рыжих или леворуких».

Но неангажированные учёные утверждают, что частота *врождённой* поломки половой идентичности в любом обществе — не более 0,01—0,03 процента, поскольку при более высоких цифрах распространённости мутации биологический вид уже через несколько поколений бесповоротно исчезает.

Мы же сейчас повсеместно имеем дело с распространением извращений с помощью механизма социального заражения, в том числе, посредством парадов содомитов, различных токшоу, песен, анекдотов, спектаклей и фильмов, который увеличивает их количество уже в геометрической прогрессии, и процесс этот во всём мире стремительно нарастает.

Дмитрий АРТЁМОВ

УКРАИНА: ЗАПУЩЕННАЯ БОЛЕЗНЬ

Киевский режим саботирует минские договорённости не первый месяц и не первый год. На фоне разговоров о разведении сторон в Донбассе развязаны полномасштабные боевые действия. Тяжёлые вооружения украинской армии никуда с линии разграничения не делись. Из них, как и прежде, регулярно обстреливают не только позиции ополчения, но жилые дома, объекты инфраструктуры. Каждый день к границам отпавших от Украины республик идут всё новые составы с танками, пушками, системами залпового огня. Вот и в преддверии «нормандской» встречи в Берлине в октябре прошлого года Порошенко торжественно передал ВСУ очередные сотни единиц тяжелого вооружения, которые, по его словам, тут же «пошли на линию фронта». На том митинге в Харьковской области он вполне определённо заявил: его команда минские договорённости не выполняет и выполнять не собирается.

После этого хор голосов, которые твердят о двух «первоочередных задачах» — передаче контроля над украинско-российской границей от ДНР и ЛНР Киеву и необходимости скорейшего ввода «вооруженной миссии ОБСЕ», зазвучал ещё громче. Наиболее определённо высказался бывший министр иностранных дел Борис Тарасюк. Бывший инструктор ЦК КПУ, а ныне депутат Рады от тимошенковской «Батькивщины» заявил телеканалу «Еспресо»: никаких договоренностей с «бандитами» быть не может, «российско-террористические войска должны быть немедленно выведены с территории Украины», Киеву должен быть в срочном порядке передан контроль над границей. И только после «полного разоружения террористов» и возвращения в Донецк и Луганск «законной власти» можно будет говорить о проведении там местных выборов в соответствии с действующим украинским законодательством. По Тарасюку, в этих выборах должны участвовать только «зарегистрированные Минюстом украинские партии». Излишне и говорить, что никакого отношения к минским договорённостям такие, с позволения сказать, предложения не имеют.

На этом фоне против лидеров республик и главных действующих лиц донбасского ополчения развернута террористическая война. Несколько раз пытались уничтожить Александра Захарченко. На волосок от гибели после взрыва оказался Игорь Плотницкий. Перед встречей «нормандской четвёрки» в Берлине убили донецкого героя Арсения Павлова, Моторолу. Вдобавок Киев наотрез отказался платить пенсии, осуществлять любую финансовую деятельность в Донбассе. Жесточайшим образом пресекаются попытки наладить поставки продуктов и других товаров с Украины в Донбасс. Резко ограничен вес товаров, которые киевские власти разрешают перевозить через контрольно-пропускные пункты. Полностью прервано автобусное и железнодорожное сообщение с республиками.

Рада приняла поправки к закону о гражданстве Украины и документах, его определяющих. Отныне единственным выездным документом на Украине становится заграничный паспорт. Общегражданский паспорт, по которому украинцы могли попадать в РФ и Белоруссию, права на пересечение украинской границы больше не даёт.

Порошенко, Тимошенко, Гройсман и другие в один голос заявляют о необходимости правового оформления Донбасса в качестве «оккупированной территории» со всеми вытекающими последствиями. То есть в Киеве хотят «уравнять» в этом отношении ДНР и ЛНР с Крымом. А раз так, любое участие там граждан в органах местного самоуправления, в

общественной деятельности, работа в учебных, научных учреждениях и СМИ будут считаться уголовно наказуемым деянием, подпадающим под действие статей о государственной измене, попытках незаконного изменения существующего строя на Украине и т.п.

На этом фоне цены на энергоносители здесь продолжают расти, коммунальные платежи тоже. Обещанный безвизовый режим с Евросоюзом в очередной раз переносится. В подвешенном состоянии после голландского референдума ратификация соглашения об ассоциации с ЕС. Но вот что интересно: украинцы забастовок не устраивают, на демонстрации протеста не выходят. Украинский характер! Бунты, майданы, перевороты происходят здесь тогда, когда они организуются извне.

Неонацистские формирования, легальная оппозиция, крупный бизнес, структуры власти — всё это одинаково хорошо управляется из посольства США в Киеве. Замусоленная колода легко тасуется. Коломойского можно вознести, а можно опустить. Гражданина Канады Яценюка можно без труда заменить винником рыночным торговцем без образования Гройсманом. Кстати, и его, по всей видимости, тоже скоро отправят на скамейку запасных, вроде бы порученную ему часть работы он сделал. А тем, кто склонен значиться в так называемой оппозиции, но успел разувериться в своих лидерах, — олигархах Бойко и Лёвочкине, предложили новый проект. Это партия «За життя», создаваемая ещё одним олигархом Вадимом Рабиновичем. Напомню, к слову, что при Кучме израильскому бизнесмену, герою изданной в Германии документальной повести «Олигарх» Вадиму Рабиновичу на пять лет запрещали въезд на территорию Украины «в целях национальной безопасности страны». Позднее его медиахолдинг «Миг» прославился восхвалением Ющенко, а сам Вадим Зиновьевич десять лет назад получил высшую награду СБУ из рук её тогдашнего председателя Валентина Наливайченко. Но Рабинович на своем канале «Ньюзван» поносил на чём свет стоит Порошенко и его окружение. Говорил такое, за что другим (кому это не позволено) выписывают приговоры «за измену» со сроками в 10—15 лет.

Американцам на Украине в общем и целом удаётся сценарий, многократно опробованный ими в своё время в Латинской Америке. Приведенный к власти в результате государственного переворота марионеточный режим быстро пресекает любое инакомыслие, не брезгуя арестами неугодных и политическими убийствами. Одновременно уничтожается национальная экономика, в страну приходят транснациональные компании. В армии утверждаются натовские стандарты. Вче-

рашние молодые менеджеры и второсортные клерки, выпускники заокеанских колледжей и университетов, старательно надувают щеки в административных креслах, перемещаются по стране в окружении многочисленной охраны. А в их ведомствах трудятся за них иноземные «советники». Таких «советников» сотни, без них ни один «министр» не может принять ни одного серьёзного решения. Иностранцев затаскивают также на должности директоров и президентов государственных концернов. Так, руководителем крупной госкорпорации «Укравтодор» назначен бывший польский министр Славомир Новак, уволенный у себя в Польше за коррупцию. «Укрзалізницю» доверили еще одному поляку, рок-музыканту Войцеху Бальчуну. Впрочем, их столько, что устанешь перечислять.

Среди многих украинских парадоксов — резкий (на 45 процентов в сравнении с минувшим годом) рост продаж новых легковых автомобилей на фоне ползучего обнищания основной массы населения. Спросите, где деньги? А в мешках. На Украину тоннами завозятся американские банкноты, самые популярные в расчётах нынче — новые столлларовые купюры. Цены тоже сплошь и рядом выставляются в долларах. Те, кто олицетворяет режим и его службу, предпочитают наличность. Как грибы, растут в Киеве, Днепропетровске, Харькове новые огромные торговые центры. И было бы неправдой сказать, что их залы пустуют. Зарплата в конвертах — особенность такой колониальной экономики. Получают её клерки в фирмах и учреждениях, получают политики. Очень удобно, кстати.

Замахнулся на какие-то разоблачения «борец с коррупцией», журналист-депутат Лещенко, а ему тут же: не надо, ты ведь сам приобрёл за крупную сумму наличными квартиру в элитном доме в центре Киева. Или военный прокурор Матиос попытался было сунуть нос в систему закупок для украинской армии — так получай, Матиос, антикоррупционное расследование, чтобы не лез куда не надо. Оказалось, приобретал прокурор с сородичами недоступную при его зарплате недвижимость, дорогие автомобили и всякие другие такие вещи. А задекларировали, естественно, копейки. Это в столице, в крупных городах, а на селе расширяется патриархальный уклад, там в ходу натуральный обмен.

Марионеточный режим в Киеве со временем не слабеет, а укрепляется. Какие-то фигуры в киевских кабинетах меняются, но не по своему хотению, а так, как их переставят. Попытался было соскочить вслед за Яценюком глава президентской администрации, в недавнем прошлом мелкий харьковский барыга Борис Ложкин. Ан нет, не получилось:

поставили в резерв, на всякий случай, чтобы краплёных карт в украинской колоде было много, на все случаи жизни. С э той же целью рекрутируются новые «бойцы». Главу харьковской администрации Игоря Райнина, отправленного на место Ложкина, заменила дама 32 годов от роду Юлия Светличная, не имеющая никакого опыта хозяйственной работы и государственного управления. Теперь вместо Райнина продолжать уничтожать экономический потенциал области будет она.

Практически полностью завершена «декоммунизация» географических названий. Подрастающее поколение воспитывается в духе нового украинского «патриотизма», проповедующего «беззаветную борьбу против москалей, за незалежность». Как сообщила недавно министр образования Лилия Гриневич, на Украине, наконец, запретили «билингвистическое образование». Это значит, преподавание на русском языке уничтожено практически полностью; учителям предписано в стенах учебного заведения общаться между собой даже во внеурочное время только на мове. Новые курсы учебников истории, литературы, украинского языка загружены таким количеством ненависти к России и всему русскому, что заглядывать в них страшновато.

Начавшись с кучмовского «Украина — не Россия», республика стараниями внешних управляющих всё больше отрывается от славянского мира. Поэтому проблемы Донбасса, Новороссии вряд ли решатся на встречах в «нормандском формате». Болезнь запущена. И, возможно, терапевтическое вмешательство уже запоздало.

Александр НОТИН

СИРИЙСКАЯ ТАЙНА

Сирийский гнойник вскрыт. Гной и смрад от него растекаются не только по Ближнему Востоку, но и всё дальше в Европу, Азию, а там, глядишь, и до Америки дойдёт.

Часто у наших читателей возникает недоумение: почему США так предельно ожесточились против Башара Асада. Что скрывается за их яркой готовностью идти до конца?.. Ведь, казалось бы, интеллигентный и куда более мягкий в обще-

нии «младший Лев» (Асад в переводе с арабского и означает буквально — лев) никогда не отличался нетерпимостью к Старому или Новому Свету, чем выгодно отличался от тех же Ахмадинежада, Каддафи или Хусейна. Где же тут «собака зарылась»?

Начнем с того, что Сирия — это не просто звено в цепи ближневосточных агрессий, развязанных мировым жандармом — США — себе на горе. За океаном всей глубины этого катаклизма не понимают и не могут понять. Сирия — это символический перекресток цивилизационных дорог. Дамаск — древнейшая столица мира, его история в таком качестве насчитывает 6 тысяч лет. Это место, где когда-то зародилось восточное христианство — через прозрение апостола-язычника Павла. Тогда, по сути, и зародилось Восточное Христианство — Православие. Именно сюда, в сердце апостольской веры Христовой, незримо соединяющей Дамаск с Москвой, и наносятся смертельные удары. Кто-то, возможно, назовет это бесплодным символизмом. Но давайте вспомним, какое серьезное внимание уделял Гитлер внешне отвлеченным духовным знакам — от астрологии до шамбалы. Американская элита, открыто претендующая на наследование третьему рейху и провозглашающая идею собственной исключительности и мирового господства, объяснимо дублирует мистические искания Гитлера, только идет глубже, ищет не на восточных окраинах «всемирной духовной битвы», а в сакральном центре Христианства. Не уяснив этого вопроса, мы ничего не поймем в том слепом и яростном остервенении, с каким Запад бросает в топку сирийской драмы новые и новые миллиарды долларов, тысячи наемников, оружия, военспецов, дипломатических ресурсов и так далее... Простой жадностью или расчетом этого не объяснить.

Второй важнейший аспект сирийской тайны состоит в эволюции личности младшего Асада. Если «старший Лев» в условиях биполярного мира еще худо-бедно колебался между США и СССР, то его сын уже сделал на этот счет окончательный выбор. И виной тому — сам Запад с его подлой беспринципной и беспощадной политикой в отношении ранее поверженных режимов и растерзанных государственных лидеров. Промысел Божий поставил и Сирию, и Россию в такую ситуацию по отношению к Западу, что иной альтернативы для них, кроме всестороннего стратегического союза с Россией и совместного отражения западной агрессии, больше нет. Именно эта окончательность выбора, ясная для всех сторон, придаёт атакам на Дамаск Запада и его агентуры столь беспрецедентно неистовый характер.

В этом контексте возникает правомерный вопрос: а нужно ли это всё России? Позволю себе смелую историческую аналогию: Вторая мировая война тоже началась для СССР далеко за его пределами. По сути — в Испании. Там наши деды на дальних подступах били врага по сусалам, осаживая его амбиции. Там тренировали в реальных боях своих летчиков и командиров. Там умирляли потенциальных союзников Гитлера, которых накануне Гражданской войны было куда больше, чем после ее завершения. То же самое происходит и в Сирии: мы не только защищаем свой единственный военно-политический плацдарм на Ближнем Востоке и громим неотеррористов на отдаленных рубежах, но и показываем миру свою боеготовность, оружие и решимость. Это весьма своевременно в свете нарастающего безумства западных элит уже по отношению к самой России. Достаточно вспомнить продвижение НАТО на восток, станции ПРО в Европе, авантюру на Украине и т.д. По отношению к Дамаску у нас нет выбора. И Путин делает не столько то, что хочет, сколько то, чего он не может не сделать, если не хочет стратегического поражения в собственной стране.

Третий момент. Запад ярится и беснуется еще и потому, что Асад дерзнул выжить. Никто в тайных лабораториях управляемого хаоса и подумать не мог в 2011 году, что алавитский режим династии Асадов продержится более полугода. Казалось бы, что способно сделать этноконфессиональное меньшинство (алавитов в Сирии не более десяти процентов) против 75 процентов «угнетенного» суннитского большинства. Выживаемость Асада — это большая головная боль для глобальных стратегов «нового мирового порядка». Это грозит сформировать и закалить ось между Ираном, Дамаском и шиитами Южного Средиземноморья.

Появление такой стальной оси буквально из ниоткуда решительно перемешивает карты всех как региональных, так и глобальных (кроме России) участников ближневосточного конфликта. Дрожит и трепещет нефтяная знать Персидского залива — в свете происходящего она ощущает себя на пороховой бочке шиитского восстания, готовой взорваться у нее в тылу. Дергается и нервничает Эрдоган. Он не понимает, к кому сейчас выгоднее примкнуть: к трещащей по швам Европе или к новым региональным игрокам, собирающимся вокруг Москвы? Тель-Авив притих и зорко наблюдает за происходящим. Его тоже можно понять, ибо для Израиля равно непредсказуемо негативно как стихийное распространение ИГИЛ, так и усиление Ирана с союзниками.

АВАНТЮРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

11 сентября 2001 года произошли известные события в Нью-Йорке и Вашингтоне, которые, по оценке целого ряда авторитетных независимых специалистов, есть не что иное, как грандиозная политическая провокация. Сюда относятся глубокие исследования Кристофера Боллина, Линдона Ларуша, Андреаса фон Бюлова, Тьерри Мейсана, фундаментальный труд 130 известных инженеров и архитекторов США, исследование Ассоциации американских пожарных, работа группы исследователей во главе с Питером Филлипсом и Джессикой Фриоланд и, наконец, сенсационный анализ группы международных экспертов под руководством депутата Европарламента Джульетто Къезы.

Вывод у всех исследователей один: официальная версия разрушения небоскребов Всемирного торгового центра и Пентагона является грубой фальшивкой. «Операция 11 сентября» была разработана и проведена спецслужбами США и ряда наднациональных структур. Бородатый бен Ладен, сидевший где-то в афганской пещере, является лишь ширмой для истинных режиссеров-постановщиков кровавой драмы в Нью-Йорке, Вашингтоне и других подобных событий в разных частях света.

Террористические акции разрабатывают для воздействия на общественное мнение, а имена истинных заказчиков и финансистов никогда не известны исполнителям. Как правило, исполнители являются слепыми орудиями, выполняющими свою «работу» за неплохие деньги, а порою даже бесплатно, когда организаторы спекулируют на религиозных чувствах людей.

«Исламский след» в событиях 11 сентября — небылица, рассчитанная на зомбированного телевидением обывателя. Полуграмотные арабы, вооруженные пластиковыми ножичками для резки бумаги, никогда не садились за штурвал многоместного авиалайнера. Поэтому версия угона не выдерживает никакой критики и вызывает недоумение у многих специалистов. Организаторы теракта явно перестарались, включив в свой сценарий факт обнаружения Корана и бумажных документов арабов, «назначенных террористами», на дымящейся гряде пепла после обрушения небоскребов...

Дело дошло до курьеза, когда обнаружилось, что некоторые из этих людей заявили, что они живы-здоровы и весьма удивлены «своим присутствием» на борту сгоревших самолетов.

В вопиющую ложь провокаторы заставили верить миллиарды жителей планеты. Миф о том, что башни-«близнецы» обрушились из-за ударов самолетов, прочно вошел в умы людей, хотя на самом деле имел место профессиональный демонтаж зданий с использованием взрывчатки, а сами самолеты были беспилотными, без пассажиров и управлялись по радио с земли...

Уже не раз доказано, что террор нужен для того, чтобы посеять страх и сделать народы более управляемыми. Это хорошо видно по тому, как эти события используют политики, эксплуатирующие эмоциональные потрясения людей. Не случайно ведущие исследователи по проблемам терроризма утверждают, что террористические акты классифицируются не по тому признаку, кто террорист, а по тому, какие политические последствия вызывают эти теракты.

Итогом «11 сентября» стало проведение «глобальной анти-террористической операции», когда президент Буш заявил: «Кто не с нами, тот с террористами!»

Так под предлогом «борьбы с международным терроризмом и экстремизмом» началось формирование диктаторского режима, направленного не против преступников, а против добропорядочных граждан. «Все обязаны пожертвовать своими правами и свободами ради мира и безопасности», — заявили Буш и генеральный прокурор США Эшкрофт.

Итак, совершенно очевидно, что «операция 11 сентября» и последовавшая за ней «антитеррористическая операция» — это глобальный проект, разработанный в недрах западных спецслужб по заказу «сильных мира сего». Причем так называемая «официальная версия» была сфабрикована абсолютно примитивно и неубедительно.

Тем не менее, как по команде, неприкрытую ложь поддержало подавляющее большинство политических и религиозных лидеров мира, которые, словно попугаи, уже пятнадцать лет повторяют одни и те же слова из «официальной версии» Вашингтона. О средствах массовой дезинформации говорить не приходится. Вот сообщения из российских газет от 11 сентября 2016 года (!): «Известия»: «В день 15-й годовщины теракта в США будет объявлена минута молчания. Траурные мероприятия в память о жертвах теракта пройдут 11 сентября по всей стране. 15 лет назад террористы захватили четыре пассажирских самолета. Два лайнера боевики направили в здания Всемирного торгового центра, третий — к зданию Пентагона, четвертый самолет разбился во время следования в сторону Вашингтона».

«Коммерсантъ»: «15 лет назад, 11-го сентября 2001 года, произошел крупнейший теракт в истории США — в небоскребы Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке и в

здание Пентагона врезались три самолета, управляемые террористами «Аль-Каиды», еще один разбился в штате Пенсильвания. Жертвами терактов стали 2977 человек».

«Российская газета»: «О жестоком нападении вспоминают не только в США, но и во всем мире. Ровно 15 лет назад террористической группировкой «Аль-Каида» (запрещена в РФ) были захвачены четыре пассажирских самолета, два из которых были направлены в башни-близнецы Всемирного торгового центра, а один полетел в здание Пентагона. Жертвами нападений стали почти 3 тысячи человек, пострадали порядка 6 тысяч».

Только никто не заметил, что в 2001 году начал свою разрушительную деятельность «антитеррористический интернационал». Под одну калку во всех странах мира стали принимать «законы» о противодействии терроризму, экстремизму, национализму и расходовать огромные средства на построение глобальной системы тотального учета, контроля и управления населением планеты — всемирного электронного концлагеря, на воротах которого геенским огнем начертано «666»...

«Коммерсантъ», повторяя набившую оскомину ложь об участии бен Ладена в атаке 11 сентября, все-таки отметил один очень важный момент: «Кто бы мог подумать, что этот вполне светский араб, яростный болельщик «Ливерпуля», войдет в историю как разрушитель «башен-близнецов», символов Манхэттена — величайшего строительного проекта XX века? Именно после 11 сентября в строках всех государственных бюджетов мира появилась отдельная строка: «Безопасность»...

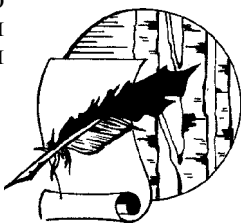
Вот уже 15 лет и США, и Европа, и Россия, и любая страна мира тратят действительно огромные деньги на то, что именуется борьбой с терроризмом. В России и США это более 10% ВВП. После 11 сентября дополнительные потоки «анти-террористического» финансирования составляли в экономике США десятки миллиардов долларов в год, в России — миллиарды. Усама бен Ладен в этом смысле — крестный отец всех бенефициаров — от «Патриотического акта» в США до «антиэкстремистского закона Яровой» в России. Не хотите, чтобы это повторилось? Тогда — платите. Сколько? Столько, сколько скажут: безопасности не бывает много, а значит, и бюджет на безопасность может быть каким угодно. Смерть — высший козырь, от нее будут откупаться любыми суммами. Так борцы с терроризмом, ранее бывшие маргинальной частью армейских структур, становятся центром государственного устройства во всем мире.

СЛОВО О ПЕРЕДРЕЕВЕ

До 1981 года мне никак не удавалось опубликовать свои стихи в московском альманахе «День поэзии». Теперь-то — ясно почему. Уже тогда огромное значение в привлечении авторов для этого престижного издания имела клановость.

Ежегодно во главе «Дня поэзии» ставился новый главный редактор и назначалась новая редколлегия, которая и занималась отбором стихов. И вот в 1981 году главным редактором этого альманаха стал Анатолий Передреев, поэт, которого я очень ценил, но с которым не был знаком лично.

В то время я посещал литературное объединение «Красная Пресня», где руководителем был В.В.Кожин, друг Передреева. Вадим Валерьянович надоумил меня позвонить от его имени домой Передреву, договориться о встрече и подвезти ему свои стихи для альманаха. «И не забудьте захватить с собой бутылку портвейна, — предупредил Кожин и тут же пояснил: — Но только выставите вино лишь когда он при вас прочтет и отберет стихи для публикации».

Я так и сделал. Позвонил Передрееву, представился, назвал имя Кожинова. «Приезжай», — недовольно буркнул он. Я купил портвейн и поехал в Текстильщики, где в то время жил Анатолий со своей женой-чеченкой Шемой и дочкой Леной. На мой звонок дверь открыла полноватая крашенная блондинка средних лет. Это и была его грозная супруга, как потом я узнаю, строго оберегавшая дом и мужа от поэтов-субутильников. Она подозрительно осмотрела меня, потом махнула рукой в сторону прикрытой двери передреевского кабинета. Я вошел в кабинет. В глубоком кресле сидел поэт, бросивший на меня колючий взгляд ссуженных глаз. Лицо его было темно-серым и помятым. Он принял из моих рук подборку стихов и указал глазами на другое кресло. Я присел. Читал он долго, как мне показалось, минут пятнадцать-двадцать. «Ну вот, отобрал пять стихотворений», — тяжело вздохнув, заключил он. В его тусклых глазах мелькнула слабая надежда. «Спасибо, — сказал я и неуверенно добавил: — Анатолий Константинович, я вот тут... принес кое-что, если вы не возражаете...» Глаза поэта оживились. Я достал из портфеля бутылку портвейна. Передреев широко улыбнулся, встал с кресла, в глазах его появился голубой блеск, и он, предварительно обозвав меня идиотом, шепотом произнес запомнившуюся мне навсегда фразу: «Так с этого же надо было начинать!»

С того дня мы подружились.

Конечно, отобранные стихи потом Передреевым были потеряны вместе со стихами других поэтов. И мне пришлось привозить ему новую подборку. Но всё же в 1981 году три моих стихотворения увидели свет в уникальном передреевском «Дне поэзии».

* * *

Анатолий Передреев оставил после себя настоящие поэтические жемчужины, многие строки его уже сейчас стали крылатыми: «Околица родная, что случилось, Окраина, куда нас занесло? И города из нас не получилось, И навсегда утрачено село», или это: «Заболев по родимым краям, Из далеких вернусь путешествий...», или: «Перебираю детство, как наследство...» Не перестанут вызывать грустную улыбку его «Ботинки»: «И было мне понятно только, Что я остался босиком... Ну как я в город Севастополь Таким поеду босяком?!» Наверное, каждый, кто имел радость лично общаться с поэтом, не раз слышал, как он читал: «То ли сон о старшем брате, То ли память детских лет: Рук широкое объятье. Португепя. Пистолет».

Анатолий Передреев оставил нам и свой литературный завет — небольшую поэму «Баня Белова», в которой простыми, ясными словами впервые, может быть, в современной поэзии после многих пессимистических, даже апокалиптических философствований о погибельности технократической цивилизации вдруг показал нам свет в окне лишь на время уснувшей далекой вологодской деревни и подарил надежду на ее возрождение:

*К деревне ведет и тропа и дорога.
Еще так богата земля, и так много*

*И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,*

*Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!*

В этой поэме деревня предстает спящей царевной из сказки В.А.Жуковского, о чем с прозорливой проницательностью еще при жизни А.Передреева успела сказать Татьяна Глушкова в своей книге статей «Традиция — совесть поэзии»: «Характерно, что в полном соответствии с фольклорной традицией, со всем мудрым жизненным опытом народа, мостком перехода от небытия к бытию, средством, служащим обновлению помрачённого, утраченного духа, оказывается в повествовании А.Передреева быт, бытово-физическое действие, подготавливающее тело к возвращению в него души. В данном случае это — русская деревенская, «чёрная» баня с ее «целительным даром», подобным свойству мёртвой и живой воды, воскрешающей в сказках сражённого героя».

Анатолий Передреев как бы вручил нам руководство к действию. А действительность и время устами поэта диктуют свою волю:

*Пора! — это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрожденье.*

*А всё, что в душе и в судьбе наболело, —
Привычное дело, привычное дело...*

Во второй половине двадцатого века такие поэты, как Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев — самые яркие продолжатели классической, пушкинской традиции в русской поэзии. Их твор-

чество предельно искренне, жизнеутверждающе и оптимистично, несмотря ни на какие тяготы их жизни, неустроенность быта, перипетии личной судьбы. Их поэзия — подлинна. Их отношение к творчеству, к великому русскому слову должно являться примером для каждого, кто чувствует в себе силу поэтического дара, кто одержим стремлением к истинно духовной работе, а не к мнимым успехам литературных экспериментов и стихотворному паясничеству.

Из личного общения с Анатолием Передреевым я вынес для себя урок необычайной строгости и честности к Поэзии. Несмотря ни на что, при любых обстоятельствах А.Передреев был до предела искренен, до жестокости честен в своем творчестве и во взгляде на стихотворную работу других. Он мог месяцами не написать ни строчки, ибо брался за перо только по велению взволнованной души и чистого, неподкупного сердца. И потому мы не найдем в его стихах ни одного фальшивого слова, ни одной случайной, лишней строки.

Известно, что А.Передреев был самым близким другом Николая Рубцова. Два чистейших, честнейших поэта второй половины двадцатого века встретились в Москве и, чувствуя огромный талант друг друга, подружились, делили трудности московской студенческой жизни... Есть фотография, где Рубцов и Передреев — молодые и красивые — стоят обнявшись. Они навсегда останутся для нас молодыми. Даже Передреев — высокий, стройный, подтянутый, улыбающийся, с копной густых волос, с поблескивающими глазами — хоть и пережил Рубцова на семнадцать лет...

Кто из молодых современных поэтов способен так же достойно, высоко и честно пронести переданную нам А.Передреевым поэтическую эстафету? В одном только можно не сомневаться: это будет поэт, выросший из великой пушкинской традиции и осознавший ее как единственную, многогранную, духоподъемную основу, питающую все истинно русские таланты.

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ
(1934 — 1987)

Я УЧИЛСЯ ПИСАТЬ

В. Астафьеву

Я учился писать...
Мимо школы — колонны, колонны
Колыхались рекой
И впадали в невидимый фронт..
Я учился писать
Не спеша, с нажимом, с наклоном.
И скрипело стальное
Защитного цвета перо.
Я учился писать...
Лихорадочно били зенитки,
У войны отвоевывая
Островки тишины.
И таскал я в карманах
Тяжелые рваные слитки,
Как горячие метеориты войны.
Я учился писать...
Где-то плавилась танки,
Где-то люди кричали,
Умирая в огне и дыму..
Я учился писать
Изложения о Каштанке,
Я учился страдать
Над судьбою Герасима и Муму.
Я учился писать,
И хрустящие хлебные карточки
От себя отрывала
По клеточке
Мать.
Чтоб меня не тошнило,
Чтоб меня не шатало за партою...
Я учился писать!..

1959

ЩЕЛЬ

Перебираю детство, как наследство,
Припоминаю тысячу вещей...
Я, как слепой,
Ищу на ощупь детство
И падаю —
Проваливаюсь в щель.
Я погружаюсь в темноту и глину,
В узлы пожитков,
Сваленных на дне...
Я обнимаю худенькую спину
Моей сестры,
Прижавшейся ко мне.
Над нами мир
Раскромсанный и чёрный,
Провалы тишины сменяют гул...
И слышно —
В щель протискивает корни
Наш сад,
Забывтый нами наверху...

1959

БОТИНКИ

Собралось множество народу,
И каждый мне давал наказ,
Поскольку в дальнюю дорогу
Я собирался в первый раз.
А мне завидовало столько!
И надо было понимать —
Я еду
В город Севастополь
В морскую школу поступать.
И, старый шкаф открыв со скрипом,
Собрав меня
В серьезный путь,
Ботинки черные —
Со скрипом —
Мне мать позволила обувь...
В вагон вошел я по билету,
А ехать мне четыре дня,

И документ за семилетку
Лежал в кармане у меня.
И не сумел понять я толком,
Откуда смог вагон узнать:
Я еду в город Севастополь
В морскую школу поступать!
А пассажиры мне:
— Братишка!
Таких нельзя не принимать,
Да ты, милоч, в своих ботинках
Парады будешь принимать! —
И было всё отлично, в общем,
Я ехал весело и всласть,
Хоть ехал я
В вагоне общем,
Где негде яблоку упасть.
И на одном глухом вокзале
Заснул, как мертвый, среди дня,
И среди дня ботинки сняли,
Ботинки новые,
С меня.
Ах, как я бегал по вокзалу,
Ботинки чёрные искал,
Вокзал
Жевал
И хлеб, и сало,
Вокзал
Сочувственно икал.
И было мне
Понятно только,
Что я остался босиком...
Ну как я
В город Севастополь
Таким поеду босяком?!

1961

В ПЕРЕУЛКЕ

Что ты шаг ускоряешь, прохожий,
В переулке полночном глухом
И спешишь по шуршащей пороше,
И стучишь, и стучишь каблуком?!

Что ты ближе стараешься к свету,
Всей спиною меня сторожа?
Я не прячу в кармане кастета,
Не держу воровского ножа.
Я не прячусь за темные стены,
Я не жду в переулках кривых
Ни наручных твоих, драгоценных,
Ни карманных твоих, трудовых.
Просто дело мое молодое,
Просто кружится, падает снег...
Протяни огонек мне в ладонях,
Разреши прикурить, человек!

1961

КОНДУКТОР ПРИГОРОДНОГО

Он был погоней разозлённый,
На всё застегнутый крючки,
Он так вращал свои зеленые,
Свои казённые зрачки!
Загнать меня, как зайца, в угол,
Поймать меня за воротник!
Такой старательный кондуктор,
Такой исправный проводник.
Ни разу я не увернулся,
Ни разу я не прошмыгнул...
Ни разу он не улыбнулся,
Ни разу он не подмигнул.

1961

* * *

И вот стою
И погибаю
Среди райцентровской грязи...
Вот снова руку поднимаю,
Вот подбегаю:
— Подвези! —
Шофер берет меня,
Сажает,
А я ему ни свят, ни зять,

Шофер глаза свои сужает,
Соображает — сколько взять.
А я закуриваю веско.
Я — будь спокоен — заплачу!
А он дает на всю железку,
А я, откинувшись, молчу.
А он поглядывает косо,
А я поглядываю вдаль,
А я кусаю папиросу,
Соображая — что же дать.
Ведь ни аванса, ни полочки —
В кармане нет ни пятака.
Вот разве только авторучка
Одна торчит из пиджака.
А если скажет — зря возился?
А если ручку не возьмет?..
А он один остановился,
А он один меня везет..
А на щеке его морщина,
А он задумчиво глядит
И, тормозя свою машину,
Мне так,
Не глядя,
Говорит:
— Вылазь, вылазь, не суетись,
Иди, иди, студент, учись!

1961

ОКРАИНА

Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.
Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!
Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.
Окраина, ты вечером темнеешь,

Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.
И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

1964

УЛИЧНАЯ БАЛЛАДА

В щегольской фуражке,
Сутол,
Тяжел,
Мишка Мурашкин,
Мишка Мурашкин,
Мишка Мурашкин
По улице шел!
Шел — папирота в зубах дымил.
Татуированный, как матрос,
Мишка Мурашкин
Вставал над миром
Всех запретов и всех угроз!
И, забросив книжки,
Босая пацанва,
Мы сбегались к Мишке —
Рядом посповать.
Повертеться рядом,
Подрожать,
Словечком, взглядом
Поподражать.
Нравилась фикса —
Золото, не медь.
Нравилась финка —
Такую б заиметь!
А руки у Мишки
Сильные, ловкие,
И плясала в пальцах колода карт,
И плясали у Мишки лиловые
Голые женщины на руках!..
Мишка Мурашкин
Благоволит,

Мишка Мурашкин
Мне говорил:
— Ты сынок не маменькин,
Ты — не плакса.
Хочешь стать карманником
Экстракласса?! —
И глядел внимательно,
Окурок мял
И, ругаясь матерно,
Прочь прогонял.
Я уходил,
В ямах оступался...
Мишка один,
Один оставался.
На заборы крашенные
Вечер наплывал.
Мишка Мурашкин
Плечи опускал.
Только бы вышла
Ночь темна.
Только б не вышла
Из-за туч луна...
И дрожала в пальцах
Колода карт,
И дрожали женщины
На руках!

1964

* * *

В. Кожин

Как эта ночь пуста, куда ни денся,
Как город этот ночью пуст и глух...
Нам остается, друг мой, только песня —
Еще не все потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,

В котором всё в цветенье и разгаре —
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню всё, что ты не позабыл.

Все, что такой отмечено судьбою
И так звучит — на сердце и на слух, —
Что нам всего не перепеть с тобою.
Еще не всё потеряно, мой друг!

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль...

И дорогая русская дорога
Ещё слышна — не надо даже слов,
Чтоб разобрать издалека-далёка
Знакомый звон забытых бубенцов.

1965

* * *

В атмосфере знакомого круга,
Где шумят об успехе своем,
Мы случайно заметим друг друга,
Не случайно сойдемся вдвоем.
В суматохе имен и фамилий
Мы посмотрим друг другу в глаза...
Хорошо, что в сегодняшнем мире
Среднерусская есть полоса.
Хорошо, удивительно, славно,
Что тебе вспоминается тут,
Как цветут лопухи в Лихославле,
Как деревья спокойно растут.
Не напрасно мы ищем союза,
Не напрасно проходят года...
Пусть же девочка русая — муза
Не изменит тебе никогда.

Да шумят тебе листья и травы,
Да хранят тебя Пушкин и Блок,
И не надо другой тебе славы,
Ты и с этой не столь одинок.

1967

ЛЕБЕДЬ У ДОРОГИ

Рядом с дымной полосой
Воспалённого шоссе
Лебедь летом и весною
Проплывает, как во сне.
Приусадебная заводь.
Досок выгнивший настил...
Кто сиять сюда и плавать
Лебедь белую пустил?!
Целый день звенят колеса,
Накаляясь от езды,
Щебень сыплется с откоса,
Доставая до воды.
Ничего она не слышит,
Что-то думает свое,
Жаркий воздух чуть колышет
Отражение её.
То ли спит она под кушей
Ослепительного сна,
То ль дорогою ревущей
Навсегда оглушена.
То ль несет в краю блаженства
Белоснежное крыло,
Во владенья совершенства
Не пуская никого.

1970

ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРШЕМ БРАТЕ

То ли сон о старшем брате,
То ли память детских лет:
Рук широкое объятье,
Портупея. Пистолет.

Помню всё на цвет, на запах,
Помню, главное, на слух:
«Дан приказ ему на запад...» —
Песня слышалась вокруг.
С этой песней на неделю
Прибыл он под отчий кров...
С этой песней скрипнул дверью,
Слышу скрип его шагов.
Скрип сапог живого брата,
Уходящего от нас, —
Дан приказ ему на запад,
Дан приказ,
Приказ,
Приказ.
...Он успел из-подо Львова,
Первым принявшим грозу,
Написать, послать два слова:
«Был в бою, стоим в лесу...»
Не узнать мне, что с ним случилось
Во втором его бою,
Может, после не осталось
Даже леса в том краю...
Не воротится назад он,
Слишком столько долгих лет
Дан приказ ему на запад...
Портупея... Пистолет...

1970

ПЕХОТА 41-го ГОДА

Только выйду за ворота,
Только выбегу — и вот
Вижу: движется пехота,
По бокам стоит народ...
За колонною колонна,
Колыхаются полки —
Непреклонные знамена,
Неуклонные штыки.
За шеренгою шеренга —
Грудь равняется на грудь —
Пылью светится железной,
Потом, блещущим, как ртуть.

За винтовкою винтовка —
Монолитный взмах руки...
Алюминиевые только
Им мешают котелки.
Этих красок половодье!
Этих труб литая медь!..
Мне догнать бы их сегодня,
Попрощаться бы успеть...

1970

ДНИ ПУШКИНА

Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша.

Всё обнаженной его суть,
Его продажная основа,
Где стоит всё чего-нибудь,
Где ничего не стоит слово.

И всё дороже, всё слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.

Звучи, божественный глагол,
В своём величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...

Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечесю,
И мир идет к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.

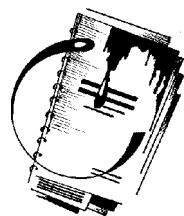
1984

КТО СОЗДАЛ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»?

Кадровое ядро «Исламского государства» воспитывалось и формировалось в лагере Кэмп-Букка под круглосуточным американским надзором. Об этом полезно вспомнить в свете последних событий, когда в Совбезе ООН некая Саманта Пауэр стала обвинять Россию чуть ли не в терроризме в Сирии. Но вот история создания ИГ по материалам известных американских, немецких и английских изданий 2014—2015 гг.

Более года назад в солидных изданиях и информагентствах разных стран разворачивалась жаркая дискуссия о том, чьим порождением является ИГ. И на кого следует возлагать ответственность за возникновение и деятельность этой группировки. При этом главным нервом возникающей дискуссии является назревший вопрос о том, каковы реальные взаимоотношения между ИГ и США. Дать на него исчерпывающий ответ пока непросто. Однако многое начинает проясняться.

С одной стороны, ИГ проводит кампанию угроз в адрес США и американских граждан. С другой стороны, американцев уже открыто обвиняют в покровительстве ИГ. В середине апреля 2015 года Иранское агентство

ДОСЬЕ "МГ"

Фарс приводило заявление начальника генштаба иранских вооруженных сил генерал-майора Хасана Фирузабади, который сообщил: *«Мы получили донесения, что американские самолеты совершают посадки и взлетают с контролируемых ИГ аэродромов. Соединенным Штатам не следовало бы поставлять оружие, деньги и продукты группировке «Исламское государство», а затем извиняться за то, что они якобы сделали это по ошибке».*

В ряде западных СМИ в то же время прорабатывалась совершенно иная версия ответственности за создание ИГ. 18 апреля 2015 года в немецком издании «Шпигель» появилась статья Кристофа Ройтера «Стратег террора». Корреспондент «Шпигеля» изучил некие секретные документы «Исламского государства», попавшие в распоряжение издания. В результате этого изучения Ройтер пришел к выводу о том, что разработчиком плана захвата Сирии «Исламским государством» был бывший офицер разведки иракской армии полковник Самир Абд Мухаммед аль-Хлифави, он же Хаджи Бакр, убитый в 2014 году. Именно Хаджи Бакр, сообщает Ройтер, в 2012 году вместе с группой верных ему людей отправился в Сирию, чтобы начать завоевание «Исламским государством» сначала сирийских, а затем и иракских территорий. Именно в Сирии, пишет «Шпигель», Хаджи Бакр создал «не манифест веры, а технически точный план «Исламского государства».

Возникшую на страницах «Шпигеля» мысль описать ИГ как наследника режима Саддама Хусейна развивает британское издание The Times. Журналист The Times Бен Макинтайр добавляет к этой политической родословной ИГ новые звенья. Если верить Макинтайру, то вся история исламизма, опекаемого Западом, не имеет к ИГ никакого отношения. Макинтайр утверждает: «Крестный отец «Исламского государства» — это Сталин. Советский лидер умер за 60 лет до того, как в Сирии и соседнем Ираке начал оформляться этот бесчеловечный фундаменталистский халифат. Но архитекторы ИГ стали ковать новый халифат в точности теми же методами, которые использовал Сталин, создавая свое построенное на страхе государство разведчиков».

Отметим удивительную беспардонность выдвигаемого здесь обвинения. Публичные массовые средневековые казни — это не про Советский Союз. Такие сюжеты гораздо ближе по содержанию к событиям в странах «арабской весны», столь радушно поддержанной США. Если уж проводить сравнение, то «метод ИГ» больше напоминает жесточайшее уничтожение режима Каддафи в Ливии совместно исламистами и

западной авиацией, от ударов которой погибли малолетние дети из семьи Каддафи. Но мы, конечно, не прочитаем ничего подобного на страницах The Times. Там написано совершенно другое: «...Методы Бакра были совсем не новы. Он был продуктом террористического государства, созданного Саддамом, чья система внутреннего надзора, в свою очередь, была многим обязана советской модели репрессий и манипулирования. Баасистский режим Саддама был сталинистской диктатурой, разве что назывался иначе, и все общественные элементы в нем контролировались с помощью страха, неопределенности и всевидящих спецслужб».

Для чего нужно столь откровенное переключивание исторической ответственности за возникшего при покровительстве Запада политического монстра на СССР? Для того, чтобы остановить начавшееся оформление другой версии происхождения «Исламского государства». Что это за версия?

26 мая 2015 года германский журнал «Фокус» (который, кстати, с самого начала своего существования является оппонентом журнала «Шпигель») разместил на своем сайте статью Джулиана Рорера под названием «Политика нестабильности». В статье сообщалось о том, что в западные СМИ попал некий семистраничный документ РУМО, датированный августом 2012 года. И что на страницах этого документа военная разведка США уведомляла: нестабильная ситуация в ближневосточном регионе может привести к возникновению исламского государства. Авторы документа приходят к следующему выводу: ослабление Асада создает идеальную атмосферу для иракской «Аль-Каиды» и позволит ей вернуться в Ирак и расположиться в Мосуле и Рамади. Сегодня, заключает Рорер, стало реальностью то, что предвещалось три года назад: в июне 2014 года «Исламское государство» захватило Мосул, а не так давно и Рамади.

В документе РУМО, конечно, не имеется каких-либо указаний на то, что в Ираке и Сирии появится именно ИГ в сегодняшнем виде. Однако в нем выражено понимание того, что дело идет к чему-то подобному. Таким образом, журнал «Фокус» поднимает тему ответственности США за то, что создание ИГ произошло, как минимум, в ситуации ясного осознания американскими компетентными ведомствами того, что именно происходит.

Однако это не единственное обвинение, которое возникает в западных СМИ при обсуждении возникновения ИГ как результата американской ближневосточной политики. Названную тему существенно развивает Аднан Хан, автор статьи «ИГИЛ — создано по доверенности США», опублико-

ванной на RevolutionObserver.com: «Происхождение ИГИЛ в его нынешнем виде никому не известно и покрыто пеленой тумана, и, вероятно, уже поэтому у многих появляются подозрения... Примечательно то, что все высшие руководители сегодняшнего ИГИЛ были собраны в лагере Кэмп-Букка в 2004 году в разгар мятежа против коалиционных войск во время войны в Ираке. Британская газета The Guardian 11 декабря 2014 года опубликовала эксклюзивное и основательное исследование ИГИЛ на основе интервью, взятых у старших командиров ИГИЛ. Один из командиров ИГИЛ Абу Ахмад подтвердил, что Соединенные Штаты, открыв эту тюрьму, предоставили им уникальную возможность: «У нас никогда не могло быть такого — ни в Багдаде, ни где-нибудь еще, чтобы собраться всем вместе вот так, как здесь. Это было бы невероятно опасно. Здесь мы были не только в безопасности, но мы находились в нескольких сотнях метров от всего руководства Аль-Каиды».

Кэмп-Букка — это то ключевое название, скрыть которое не может никакая кампания по дезинформации. В электронных СМИ появляется всё больше описаний этого феномена американской политики в Ираке. Лагерь Кэмп-Букка близ ирако-кувейтской границы был организован весной 2003 года. В нем размещались поначалу иракские военнослужащие, взятые в плен во время американской военной операции против режима Саддама Хусейна. Затем состав заключенных был расширен. Именно в Кэмп-Букка содержался первый лидер ИГ, самопровозглашенный халиф Абу Бакр аль-Багдади, позднее освобожденный как «не представляющий опасности». Но только ли он один? В Кэмп-Букка находились не менее девяти руководителей ИГ. Среди заключенных был и тот самый полковник Хаджи Бакр, происхождением которого настойчиво интересуется «Шпигель». Вообще, 17 из 25 наиболее значимых лидеров ИГ побывали в иракских тюрьмах США в промежутке между 2004 и 2011 годами. С начала 2000-х через сроки заключения в тюрьмах Кэмп-Букка и Кэмп-Кроккер прошли около 25 тысяч иракцев. Причем большинству из них не было предъявлено никаких обвинений.

В 2009 году тюрьма Кэмп-Букка прекратила свое существование. Узники при этом передавались под юрисдикцию иракских властей. И если у иракских судебных органов не имелось своих претензий к заключенным, они подлежали освобождению. Так что же говорится о лагере Кэмп-Букка в материале The Guardian, опубликованном 11 декабря 2014 года, к которому отсылает Аднан Хан? В этом материале под-

черкивается, что будущий лидер ИГ Абу Бакр аль-Багдади имел контакты с руководством лагеря. Что это руководство опиралось на авторитет аль-Багдади среди пленных, позволявший ему заниматься разрешением внутрилагерных конфликтов. Уже упомянутый выше высокопоставленный представитель ИГИЛ Абу Ахмад говорит о пребывании аль-Багдади в лагере Кэмп-Букка следующее: «К нему очень уважительно относились в армии США. Если он хотел посетить людей в другом секторе лагеря, то он мог сделать это когда захочет, но нам такое не позволялось». В той же публикации приводится еще одно высказывание Абу Ахмада: «Если бы не было американских тюрем в Ираке, не было бы и ИГ. Лагерь Букка стал фабрикой. Он подготовил нас. Там была выстроена наша идеология».

Процитированная выше оценка роли лагеря Кэмп-Букка в возникновении ИГ не единственная. Мнения подобного рода приводит журнал «Ньюсувик» в середине декабря 2014 года: «Историк Джереми Сури охарактеризовал Кэмп-Букку как «виртуальный университет для террористов». Кэмп-Букка был местом, где многие джихадисты знакомились друг с другом, и множество бывших баасистов связывались с исламистскими группировками», — пишет редактор сайта *Syriain Crisis* Аарон Ланд».

На ресурсе *middleeasteye.net* в феврале 2015 года процитированы слова Ахмада аль-Рубаи, эксперта по иракским боевикам, о том, что многие заключенные лагеря Кэмп-Букка были «крупнейшими противниками Аль-Каиды и ее подельников, сторонниками иракского и арабского национализма, но когда их освободили, они стали в ряды джихада такфиристских шейхов».

Итак, кадровое ядро «Исламского государства» воспитывалось и формировалось в лагере Кэмп-Букка под круглосуточным американским надзором и в условиях избирательного давления. Скорее всего, вышеприведенные свидетельства и оценки — это лишь начало публичного разговора о том, как именно и под чьей опекой взращивалось «Исламское государство». Ведь трудно предположить, что в век информационных технологий тысячи свидетелей произошедшего будут молчать. Однако американских мироустроителей такая перспектива вряд ли устраивает. А значит, война за доминирующую версию происхождения ИГ будет продолжена.

livejournal

Уважаемые читатели и друзья «Молодой гвардии»! В это кризисное время, в которое завело страну крайне неэффективное правительство, наш журнал, как и другие патриотические средства печати, испытывает серьезные финансовые трудности. Поэтому обращаемся к вам, дорогие наши читатели и друзья, с огромной просьбой. Во-первых, осуществить подписку на «Молодую гвардию» на второе полугодие 2017 года. Напоминаем, что наш с вами журнал существует исключительно на средства, полученные от подписки. И во-вторых, пожалуйста, подумайте, кто бы мог оказать журналу спонсорскую помощь. Мы очень нуждаемся в вашей активной поддержке.

Телефон для связи: 8-916-718-25-52.

Наш индекс в каталоге Роспечати: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.